

TARTU RIIKLIK ÜLIKOOL

VIII

LINGUISTICA

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 401 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

L I N G U I S T I C A

VIII

TARTU 1976

Toimetuse kolleegium:

Gunnar Kiviväli, Ilmar Mullamaa, Oleg Mutt, Mari-Ann Palm,
Ann Pikver, Juhan Tuldava (vastutav toimetaja)

Редакционная коллегия:

Гуннар Кививяли, Ильмар Мулламаа, Олег Мутт, Мари-Анн Пальм,
Ани Пиквер, Юхан Тулдава (отв. редактор)

Arh.

RECEIVED

3934 3884

Keeleteaduslike artiklite kogumiku "Linguistica" kaheksas väljaanne sisaldab töid keeleajaloo, onomastika, üldise ja kõrvutava keeleteaduse, funktsionaalse stilistika ja keelestatistika valdkonnast. Autoriteks on Tartu Riikliku Ülikooli ja mõningate teiste kõrgkoolide töötajad. Eesti NSV Teaduste Akadeemia akadeemik prof. P. Ariste esitab oma artiklis kaks John Rhys'i kirja Mihkel Veskele koos kommentaaridega. J. Rhys'i kirjades käsitletakse küsimust keldi ja soome-ugri keelte ühisjoontest. Külalisautor, Güstrowi Pedagoogilise Ülikooli (Saksa DV) professor K.E. Sommerfeldt vaatleb oma uurimuses saksa keele koordineeritud atribuutide järjestust. T.-R. Viitso esitab uued põhimõtted atapaski keelte klassifitseerimiseks. K. Uustalu vaatleb 15.-16. saj. kohanimetusi Liivimaa kroonikate andmeil. E. Daugats (Liepāja) käsitleb küsimust keele ja sõna "sisemisest vormist", A. Vassilevitš (Moskva) vaatleb süntaktilise sünonüümia avaldusi kõnes ja eksperimendis. A. Gering (Moskva) uurib neologisme taani keeles. O. Mutz vaatleb sõnajärjestusprobleeme inglise keele sõnaühendites; inglise ja saksa keele grammatilisi ning kõrvutav-semantilisi küsimusi käsitlevad ka M. Laar, U. Lehtsalu, G. Liiv, M.-A. Palm ja H. Variksoo. I. Mullamaa artikkel on pühendatud rootsi ajalehekeele stilistilisele vaatlusele. Keelestatistilisi probleeme käsitlevad S. Klavina (Riia), M. Altement ja J. Tuldava.

В восьмой выпуск сборника "Linguistica" включены работы по истории языка, ономастики, по общему и сопоставительному языкознанию, по функциональной стилистике и лингвостатистике. Авторами статей являются сотрудники Тартуского государственного университета и некоторых других вузов. Академик АН ЭССР профессор П. Аристе приводит в своей статье два письма известного кельтолога Джона Риса эстонскому языковеду Михкелю Веске с комментариями. В письмах рассматривается проблема об общих чертах кельтских и финноугорских языков. Профессор К.Э. Соммерфельдт (Гьэстров, ГДР) рассматривает в своей статье порядок следования координированных атрибутов в немецком языке. Т.-Р. Вийтсо предлагает новые принципы классификации атапаскских языков. К. Уусталу рассматривает топонимы 15-16 вв. в лифляндских хрониках. Э. Даугатс (Лиепая, Латв. ССР) пишет в своей статье о так называемой внутренней форме языка и слова, А. Василевич (Москва) рассматривает синтаксическую синонимию в естественных условиях речевой деятельности и в эксперименте, А. Геринг (Москва) исследует неологизмы в датском языке. Работа О.Мутта посвящена проблеме о порядке слов в некоторых словосочетаниях английского языка; вопросы грамматики и сопоставительной семантики на материале английского и немецкого языков рассматриваются в статьях М. Лаар, У. Лехтсалу, Г. Лийва, М.-А. Пальм и Х. Вариксоо. Оценка в газетно-публицистическом стиле речи (на материале шведского языка) является темой статьи И. Мулламаа. С. Клявиня (Рига), М. Альтемент и Ю.Тулдава рассматривают проблемы лингвостатистики.

"Linguistica VIII" enthält Beiträge über Sprachgeschichte, Ortsnamenkunde, allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft, funktionale Stilistik und Sprachstatistik. Die Verfasser sind die Lehrkräfte der Tartuer Staatlichen Universität sowie einiger anderer Hochschulen. Professor P. Ariste, Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR, bringt in seinem Aufsatz zwei Briefe des bekannten Keltologen J. Rhys an den estnischen Sprachwissenschaftler Mihkel Veske und die Kommentare dazu. In den genannten Briefen von J. Rhys werden einige gemeinsame Züge der keltischen und finnisch-ugrischen Sprachen erörtert. Professor K.E. Sommerfeldt aus der Pädagogischen Hochschule Güstrow (DDR) betrachtet in seinem Artikel die Reihenfolge der koordinierten Attribute der deutschen Sprache. T.-R. Viitso legt neue Grundsätze zur Klassifizierung der athapaskischen Sprachen dar. K. Uustalu betrachtet die Ortsnamen anhand der livländischen Chroniken des 15. und 16. Jahrhunderts. E. Daugats (Liepāja) behandelt die Frage über "die innere Form" der Sprache und des Wortes, A. Wassilewitsch (Moskau) betrachtet Probleme der syntaktischen Synonymie in der Rede und im Experiment. A. Gering (Moskau) untersucht Neologismen der dänischen Sprache. O. Mutt beschäftigt sich mit der Wortfolge in englischen Wortverbindungen. M. Laar, U. Lehtsalu, G. Liiv, M.-A. Palm und H. Variksoo behandeln grammatische und vergleichend-semantische Fragen anhand der deutschen, englischen und estnischen Sprache. Der Artikel von I. Mullamaa ist der Stilanalyse der schwedischen Zeitungssprache gewidmet. Sprachstatistische Probleme werden von S. Kļaviņa (Riga), M. Altement und J. Tuldava behandelt.

This eighth issue of "Linguistica" comprises papers on the history of language, onomastics, general and contrastive linguistics, functional stylistics and linguo-statistics. The authors are members of the staff of Tartu State University and some other institutions of higher education. In his contribution Professor P. Ariste, member of the Estonian S.S.R. Academy of Sciences, gives the text of and comments on two letters sent by the Celticist John Rhys to the Estonian philologist Mihkel Veske. In these letters the problem of features common to Celtic and Finno-Ugric languages is dealt with. Professor K.E. Sommerfeldt (Güstrow, G.D.R.) examines the sequence of coordinated attributes in German. T.-R. Viitso suggests certain new principles for classifying the Athapaskan languages. K. Uustalu reports on some placenames in Livonian chronicles of the 15th-16th centuries. The problem of the "inner form" of languages and words is dealt with by E. Daugats (Liepāja). A. Vassilevich (Moscow) discusses syntactic synonymy in actual speech and during an experiment. A. Gering (Moscow) introduces a number of Danish neologisms. O. Mutt examines some problems connected with the sequence of premodifiers in English. The papers of M. Laar, U. Lehtsalu, G. Liiv, M.-A. Palm and H. Variksoo are devoted to various problems of grammar and contrastive semantics in English and German. The category of evaluation in Swedish newspaper style is the subject of I. Mullamaa's article. Linguo-statistical problems are dealt with in the contributions of S. Klavina (Riga), M. Altement and J. Tuldava.

JOHN RHYS' TWO LETTERS TO MIHKEL VESKE

Paul Ariste

The Estonian philologist Mihkel Veske (Weske) (January I, 1845 - May 4, 1890) is regarded as one of the founders of comparative-historical Finno-Ugric linguistics. He studied at Leipzig University in 1867 - 1872, and it was there that he in 1872 defended his thesis "Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes. I. Declination". In 1873 Veske returned to his native country where he was lecturer on the Estonian language at Tartu University from 1874 to 1885. During the years 1886 - 1890 he worked as the first lecturer on Finno-Ugric philology at Kazan University. While Veske was studying in Leipzig, the linguistic activity there was very lively. It was at the beginning of the 1870's that a group of talented and hard-working young linguists arose (A. Leskien, K. Brugmann, H. Osthoff, H. Paul, B. Delbrück, etc.) who are known to us as the Neogrammarians (Junggrammatiker). A. Leskien and G. Curtius were Veske's immediate teachers. As Leipzig was at that time an important centre of different linguistic trends, young linguists from different countries came there as undergraduates or for the purpose of advanced study. Among them was the Welsh philologist, a specialist in the Celtic languages, Sir John Rhys (Rhÿs) who, while in Leipzig, struck up a friendship with Veske as may be judged from the two letters he sent to the latter. The letters are deposited at the Fr.R. Kreutzwald Literary Museum in Tartu (Estonian S.S.R. Academy of Sciences) (Fond 149, M II: 14). Before publishing these letters that are interesting from the linguistic point of view, we should like to tell our reader something about the Celticist John Rhys (Rhÿs) (mainly on the basis of the entry in the Encyclopedia Britannica, 1963).

Sir John Rhys, Welsh philologist was born near Ponterwyd, Cardiganshire on June 21, 1840. After attending local schools, Rhys, went to the Normal School at Bangor and then

became a schoolteacher at Rhos-y-ból (Anglesey). But in 1865 he was given a scholarship to Oxford, where he read Classics (B.A. 1869) at Jesus College, and was elected a Fellow of Merton College. On his own initiative he studied comparative philology during the summers at the Sorbonne, and at Heidelberg, Leipzig and Göttingen. After a few years as inspector of schools for the counties of Flint and Denbigh, he became professor of Celtic at Oxford. He played an important part in the establishment of the university colleges at Cardiff and Bangor. His best work is in Welsh antiquities, philology and the Celtic folklore of Wales and the Isle of Man.

The two letters sent to Veske were written in Rhyl. Rhyl is now a seaside town and urban district in West Flintshire in North Wales. It lies on the sandy coast near the mouth of the Clwyd and was originally a fishing village with a little coastal trade. The text of the two letters is published entirely unchanged.

I

Rhyl: N. Wales
Febr. 20. 1875.

My dear Weske,

It is a long time probably since you have thought of me: as to me I just done reading with very great pleasure your "Untersuchung zur vergleichenden grammatik des finnischen sprachstammes". I may as well tell you at once that I have of late felt very great interest in the Finnish¹ races as I believe that Celts of the British Isles are partly descended from a Finnish race: I mean to say that the Finnish nations occupied the coast of the German Ocean and inhabited Great Britain and Ireland when the Celts invaded them or rather I should say when the Indo-Germans invaded them. These last failed to exterminate the old Finnish inhabitants in the hilly parts of the West and North of Great Britain and in Ireland. I am induced to believe this by the fact that Celtic languages of modern times have

certain traits which are not Indo-Germanic but Finnish². For instance the vowel harmony is in full force in Irish and is not altogether unknown in Welsh (2). In both Welsh and Irish nominal prepositions are conjugated like verbs: thus in Welsh 1 wrthyf, 2 wrthyt, 3 wrtho pl. 1. wrthym, 2 wrthych, 3 wrthynt = bei mir, bei dir, bei ihm tc. (3). In Welsh we use the possessive pronouns with finite verbs thus: efe ám taraw-odd = 'he struck me' but literally 'he my struck' and so in the other persons - have you anything like that in Finnish? (By the way would you give me the Finnish equivalents for the following Welsh noun declined in the Magyar way:

(mod. Welsh f=m original)

yr eiddof = der meinige (das, die) (sing. + plur)
 yr eiddot = der (die, das) deinige " "
 yr eiddo = der (die, das) seinige " "
 yr eiddi = der (die, das) ihrige (fem.) " "

and so on in the plural - yr is the def. article. I should be glad if you will give the Finnish equivalents all in the nominative: we have no casus now in Welsh.)³(4.) Welsh and Irish have paraphrased your predicative case: thus we say mae efe yn frenhin "he is /in/ king": mae hi yn dda, "she is /in/ good." You have given instances enough of this in your book⁴. No such unknown use is made of this construction in any other Indo-Germanic language. Night I ask you to give me a paradigm of forms like perhee-ne-ni and poiki-ne-en but you see for the sake of illustration I want them all in the nominative thus perhee-ni and poiké-en⁵: that is let the noun be in the nominative singular, throughout the 3 persons of the singular and the 3 of the plural - I say this not to give you useless trouble. I should like you to compare the noun series with the verb in the same persons and to give the oldest forms you can infer - thus am I right in supposing perhee-ne-ni to be for an older perhee-ne-mi as Magyar has hazam, 'my house'. I am about to publish some lectures on Welsh Philology and should be glad to insert your account of these matters in my account of the prae-historic period of Welsh - I shall send you a copy when it is published⁵. In the earliest Irish and Welsh

b and m are confounded is there anything of this kind in your languages? In Welsh cc, tt, pp become ch, th and ph (or ff) and rc, rt, rp (also lc tc.) become rch, rth, rph: have you anything like it? Can you explain the words Manapia, Mona tc. by means of the Finnish languages: there were Μανάπιοι in Ireland, Menapi at the mouth of the Rhine, Monapia was also the Isle of Man - I think there were all Finnish. There was besides a Manevia in South Wales for [†]Menepia I think: so Monapia became Monavia for the name of the Isle of Man is now Manaw in Welsh. Is the exchange of p and v not usual in some of your dialects⁶. Now I think I have given you questions enough. By the way craniologists I have ascertained have nothing to oppose the theory of a Finnish occupation of these islands for they confess that they cannot distinguish Finnish skulls and complexion from Germanic and Celtic ones: so I am free as far as they are concerned. I am sorry I do not know your address: so I have to write to your publisher at Leipzig⁷. If I had had your book earlier I should have reviewed it for the "Academy". I consider it a model of clearness and precision especially after having seen other books on the Finnish languages most of which are as bad as can be.

With kind regards and recollections

I remain

Yours sincerely

John Rhys.

On the first page of the letter is a marginal note: For the sake of foreigners you should mention the localities of the Finnish nations, we have no maps in this country to help us much.

II

Rhyl: N. Wales

June 17. 1876

My dear Weske,

My former letter to you which was posted about a year ago, and directed to Brustkopf and Härtel has probably never reached you⁷: so I try again having found out from Profes-

sor Leskien⁸ that you are at Dorpat⁹, in your native land studying your favourite subject. Nothing could be more fitting and I hope you are well paid for it. Well, I have read your book on the "Vergleichenden Grammatik des Finnischen Sprachstammes" twice carefully but not very lately so I am perhaps not so ready with the numerous questions I want to ask you as I was when I wrote before.

You will perhaps feel surprised as to my interest in the Finnic languages; but I am not at all sure but that I am myself more than half a Finn. I am always studying the Celtic languages - and just now I have a little book on Welsh preparing for the press - so as a part of the subject one has to give one's self some account of the inhabitants of the British Isles whom the first Indo-Germanic settlers found here. Who were they? Tacitus thought some of them were Iberians; but linguistically Basque fails to throw any light on the subject. So I say that they were either Iberians and Finns or an Ibero-Finnic race forming a sort of link between the Finns and the Basques of our own day. Following up this idea I find it corroborated by a study of the Finnic languages especially Magyar. We conjugate our prepositions in Welsh and Irish as Finnic nouns, and prepositions which are I suppose mostly old nouns. The Celtic are the only Indo-Germanic languages known to me which can render your predicative case literally by means of the preposition yn 'in': thus we say "Mae efe yn frenhin" - 'he is king' literally 'he is in king' and so with adjectives "Mae afe yn dda" = 'he is good' literally 'he is in good'⁴. Now I want to ask you a question of comparative phonology: in Magyar I find a jod frequently occurring in the third person both singular and plural as in hibája "sein fehler" hibájok "ihr fehler"; so tevéje, tevéjök, tc. So also in the verbe as in várja, várjak, sodorja, sodorjak tc. Now what I want to know is whether you find any traces of this j in the other Finnic tongues: if so I should like to know what the Urform common to them all would be especially in the nouns. Further the nominative singular ends in Magyar in m but in Suomi in ni, I think: which is the more original the m or the n?³ I am not sufficiently familiar

with the Finnic languages to ask any questions bearing on the syntax: I will just satisfy myself with one bearing on the prepositions. The Celts all agree in dividing things into two great classes things desirable and things which are the reverse of desirable: relatively to the subject the former are with him, the latter are upon him. Thus we say Mae ofn arnaf 'there is fear on me', Mae ryched arno 'there is thirst on him' = 'he is thirsty'; but Mae yn llawenydd genyf 'it is in joy with me' = 'I am glad of it', mae arian ganddo 'there is money with him' = 'he has money' while mae arian arno 'there is money on him' means 'he owes money' or 'he is in debit'. Have you any such a classification in the Finnic languages?

If I should have time, I intend learning a Finnic language: I gather from your book that the Suomi would be the most interesting for me. Could you give me some information respecting the proper books for learning Suomi that is to say a grammar, a dictionary and reading-book which are not very expensive⁺.

I have lived here since I left Germany and I have the work of inspecting elementary schools under the government. I have a wife and two little girls: there is a compendium of my history since you saw me last.

With kind regards

I remain

Yours truly

John Rhys

⁺ There is a marginal note:

They may be in German, English, Finnish, Latin, Swedish or Danish but not Russian.

R e m a r k s

1. Rhys applies the terms Finnish and Finnic to the entire family of languages similarly with Veske who uses the German finnisch despite the fact that the terms Finnougric in English, finnisch-ugrisch in German and finsk-

ugrisk in Swedish, etc. came into use already at the beginning of the 1870's.

2. There are certain elements in the structure and vocabulary of the Celtic languages that have been considered to be substratum phenomena surviving from the languages spoken on the British Isles before the Celtic languages even by other Celticists besides Rhys. The non-Indo-European traits were mentioned by John Davies as early as in 1621. A full account of the substratum phenomena has been given by Julius Pokorny (*Zeitschrift für celtische Philologie* XVI: 95-144, 231-266; XVII: 373-388; XVII: 233-248) to which some more explanations have been added without, however, penetrating more deeply into the general problem of the substratum. Attempts have been made to find Finno-Ugric, Semitic-Hamitic, Arctic, Mediterranean, etc. substrata in the Celtic languages. Rhys has been the most ardent supporter of the Finno-Ugric substratum. It is obvious that some common traits occur in the structure of the Celtic and Finno-Ugric languages. The Estonian poet and linguist Jaan Kaplinski has recently drawn attention to this fact ("*Keel ja Kirjandus*" 1976: 106-108). We may agree with his assertion that the structural similarities in the Celtic, Finno-Ugric and other languages are partly of a fortuitous character, while it is not entirely impossible to presume the existence of "circumpolar" language contacts.

The author of this paper has shown in his inaugural address given at A. József University in Szeged October 11, 1971 that there are a fairly large number of words in the Baltic-Finnic languages whose origin has not been ascertained. There are also several grammatical features in the Baltic-Finnic languages which are not Finno-Ugric. It is highly probable that these words and grammatical features come from an unknown substratum. One can say that as to its structure this substratum was a Eurasian language. According to archeological evidence the speakers of the unknown substratum were more ancient than the Indo-European and Finno-Ugric settlers in the East Baltic area. Before the great dispersal of the Indo-Europeans, there were peoples in Europe who used languages about which we know

very little. This Proto-European languages belonged to an apparently extinct language family ("The Earliest Substrata in the Baltic-Finnic Languages". *Nyelvészeti dolgozatok* 101, Szeged 1971-1972: 5-11). Thus, it is probable to presume that at least one part of the common phenomena in the Germanic, Celtic, Finno-Ugric and possibly also in other languages in North Eurasia, is descended from the unknown substratum. Rhys' view as if the representatives of the Finno-Ugric family of languages had lived on the British Isles is erroneous. The problem of similarities in the structures of the Celtic and Finno-Ugric languages is, however, still worth further study by both Finno-Ugrists and Celticists from the point of view of the Proto-European substratum, provided we leave aside various theories of nostratum languages. It should also be taken into account that the common word-stock in the Ural-Altaiic and Indo-European languages is largely due to proto-affinity, mutual influence and intermediate loans. Even in investigations to be taken seriously, such as Aulis J. Jokis' "Uralier und Indogermanen" (*Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia* 151, Helsinki 1973: 411-412) there are examples of common Celtic and Ural-Altaiic words.

It should also be mentioned that two letters sent by John Rhys to Mihkel Veske are the oldest evidence of direct contacts between Estonian and Cymric scholars.

3. Rhys has in mind the use of Hungarian and Finnish possessive suffixes (Hungarian magam, magad, мага, magunk, magatok, maguk, Finnish omani, omasi, omansa, omamme, omanne, omansa 'der meinige, der deinige', etc.). He also asks for some additional data about them as may be judged from the examples further on: perhee-ne-ni 'with my family' where the possessive suffix appears together with the comitative case. This question is discussed on page 42 in Veske's book. The Finnish form given by Rhys perhee-ni 'my family' is the correct one, whereas poike-en 'his son' is incorrect pro poika-nsa.

4. Rhys has in mind the essive case in some of Finno-Ugric languages. This case is generally used to denote a state or quality (especially of a periodic or temporary

nature: Finnish Kuka on nyt Suomen presidenttinä? 'Who is president of Finland now?'

5. "Lectures on Welsh Philology" appeared for the first time in 1877. The author of this paper had no possibility to study this work.

6. As a case of the Baltic-Finnic consonant gradation the strong grade has a short p and the weak grade has v: Finnish haapa, gen. haavan, Estonian haab, gen. haava 'aspen (tree)'

7. Breitkopf and Härtel were publishers in Leipzig. Veske's "Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes" was brought out by their publishing house in 1873. Veske was rather remiss in his correspondence. Also some others have mentioned in letters to him that they have received no answer.

8. The German Neogrammarian August Leskien (1840-1915) became a professor at Leipzig University in 1870.

9. Dorpat is the German name of Tartu.

АВТОМАТИЗАЦИЯ АНАЛИЗА БУКВЕННОЙ И СЛОГОВОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОГО ТЕКСТА

М.Э. Альтемент

Современная вычислительная техника позволяет решать многие весьма трудоемкие задачи, если лишь процесс их решения удастся алгоритмизировать. Такой алгоритмизации поддаются и многие нематематические задачи.

Целью настоящей работы являлось составление программы для ЭВМ "Минск-32", позволяющей автоматизировать анализ русских текстов с точки зрения их буквенной и слоговой структуры. Эта программа предполагает, что исследуемый текст перфорируется в виде обычной последовательности букв и пробелов. Исследование строения предложения в этой программе не проводится, поэтому текст перфорируется без знаков препинания, хотя это и не обязательно, так как программа автоматически пропускает не предусмотренные символы.

Анализ буквенной структуры текста можно разделить на две части:

1. Анализ каждой буквы в отдельности. Здесь представляются наиболее важными данные о частоте встречаемости каждой буквы в тексте, а также о ее местоположении. Последнее рассматривается в смысле появления буквы в качестве первой, второй или последней буквы слова.

2. Анализ "ансамблей" букв. В этой части возможен наибольший объем исследований. Интересно знать тенденцию букв к образованию пар^{*}, в частности первой и второй буквой слова. Особенный интерес представляет исследование сочетаний согласных. Полезно иметь данные об образовании ими групп в начале и конце слова, а также о нарушении т.н. последовательности рангов. Согласные в русском языке можно разделить на три ранга. К рангу I относят буквы з, с, ш, х, ж, ф, щ; к рангу II буквы б, п, д, т, к, ч, в, г, ц; к рангу III буквы н, м, л, р. Обычно наблюдается тенденция к возрастанию рангов, т.е. в сочетаниях согласных первыми, как правило, идут согласные более низких рангов. Но подобная закономерность

^{*} Подобные данные могут иметь прикладное значение, например, в вопросах криптографии, а также при проектировании различного рода клавишных устройств.

может нарушаться, могут иметь место сочетания вида: III-II-I, III-II, III-I, II-I. Подсчет такого рода нарушений и является одним из объектов нашего исследования.

Таким образом, анализ буквенной структуры слова можно классифицировать следующим образом:

- 1) Общие данные:
 - а) количество букв в тексте;
 - б) количество слов с к буквами;
 - в) общее соотношение числа гласных и согласных.
- 2) Данные о каждой букве:
 - а) частота появления буквы в тексте, в также в качестве первой, второй или последней буквы слова.
- 3) Данные об "ансамблях" букв:
 - а) частота появления каждой пары букв в слове и, как частный случай, в качестве первых двух букв слова;
 - б) количество групп согласных (по 2, по 3 и т.д.) в начале и конце слова;
 - в) количество групп согласных, нарушающих последовательность рангов (по четырем, указанным выше типам);
 - г) число зияний, т.е. случаев, когда в тексте за словом, оканчивающимся на гласный, следует слово, начинающееся на гласный (отдельно для каждой пары гласных).

Цель анализа слоговой структуры текста состоит в выделении слогов и их классификации. Здесь могут показаться интересными данные о частоте встречаемости того или иного слога и его местоположении. Возможно также рассматривать пары слогов. В данной работе, однако, пары слогов не рассматриваются, а сами слоги различаются лишь структурой, т.е. чередованием в них гласных и согласных.

В связи с использованием ЭВМ необходима точная формализация основ слогоделения, т.е. строгое выделение тех правил, с помощью которых слова разбиваются на слоги.

Таковыми правилами являются следующие:

- 1) В каждом слоге должна быть точно одна гласная. Исключение составляют лишь предлоги: в, к, с.
- 2) Слог должен обязательно обрываться на гласной. Возможны следующие исключения:
 - а) если в слове встречаются буквы: твердый знак (ъ), мягкий знак (ь) или и-краткое (й), то слог обрывается на них (напр.: подъ-езд, дель-фин, пой-мать);

- б) если слово с черточкой (напр. кое-что), то отдельно разбивается на слоги каждая половина слова, с использованием всех правил слогаделения, а результат рассматривается как одно слово;
- в) в словах с двойными согласными (напр. сонный) слог прерывается после первой согласной (сон-ный).

Однако существуют слитные слова, которые не подчиняются приведенным правилам слогаделения (напр. трех-сложный, предсказание). В таких словах при перфорации на месте правильного разбиения искусственно проставляется черточка (трех-сложный, предсказание) и разделение на слоги производится также как у слов с черточкой.

Анализируя правила слогаделения нетрудно заметить, что при разбиении слов на слоги значение имеет лишь принадлежность буквы к классу гласных или классу согласных. Исключения составляют только буквы: и-краткое, мягкий знак и твердый знак. Исходя из этого строится таблица всевозможных слогов с использованием пяти символов: Г - гласная, С - согласная, Ъ - мягкий знак, Ь - твердый знак, Й - и-краткое(в этой таблице не указан исключительный слог вида С).

Г	СГ	ССГ	СССГ	ССССГ
ГЙ	СГЙ	ССГЙ	СССГЙ	ССССГЙ
ГЙС	СГЙС	ССГЙС	СССГЙС	ССССГЙС
ГЙСС	СГЙСС	ССГЙСС	СССГЙСС	-
ГЙСЬ	СГЙСЬ	ССГЙСЬ	СССГЙСЬ	-
ГЙССС	СГЙССС	ССГЙССС	-	-
ГЙССЬ	СГЙССЬ	ССГЙССЬ	-	-
ГЙСЬС	СГЙСЬС	ССГЙСЬС	-	-
ГЙСССС	-	-	-	-
ГЙСССЬ	СГЙСССЬ	-	-	-
ГЙССЬС	СГЙССЬС	-	-	-
ГЙСЬСС	СГЙСЬСС	-	-	-
ГС	СГС	ССГС	СССГС	ССССГС
ГСС	СГСС	ССГСС	СССГСС	-

ГСЬ	ГСЬСЬ	ССГСЬ	СССГСЬ	ССССГСЬ
ГСЬ	ГСЬСЬ	ССГСЬ	СССГСЬ	-
ГССС	ГСССС	ССГССС	СССГССС	-
ГСЬСЬ	ГСЬСЬСЬ	ССГСЬСЬ	СССГСЬСЬ	-
ГСЬС	ГСЬСЬС	ССГСЬС	-	-
ГСССС	ГССССС	-	-	-
ГСЬСЬСЬ	ГСЬСЬСЬСЬ	ССГСЬСЬСЬ	-	-
ГСЬСЬС	ГСЬСЬСЬС	ССГСЬСЬС	-	-
ГСЬСС	ГСЬСЬСС	ССГСЬСЬСС	-	-

Итак, анализ слоговой структуры текста можно классифицировать следующим образом:

1) Данные общего характера:

- а) количество слогов, отдельно количество неправильных слогов (не предусмотренных нашей таблицей) в тексте;
- б) количество слов с k слогами.

2) Встречаемость каждого типа слогов в тексте, а также в качестве первого, второго или последнего слога слова.

Программа для проведения анализа буквенной и слоговой структуры слова уже составлена*. С ее помощью можно анализировать текст любой длины. До сих пор исследовались только небольшие, пробные тексты, поэтому численные результаты здесь не приводятся.

* Программа имеется в Вычислительном центре ТГУ.

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ФОРМЕ
И О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ СЛОВА

Э.Ю. Даугатс

В предлагаемой вниманию читателя статье делается попытка осветить такой сложный вопрос общего языкознания, как понятие "внутренняя языковая форма" (в дальнейшем в.я.ф.) в трудах В. Гумбольдта и последующее развитие этого понятия в общем языкознании и в немецком языкознании в частности.

Речь здесь идет о роли и месте этого понятия в языкознании. В. Порциг различает по меньшей мере четыре различных интерпретаций и направлений экспликации, в том или ином отношении трактующих понятие в.я.ф., хотя сам и не присоединяется ни к одному из них (Porzig, 1923, 150).

Одно из этих направлений связано с проблемой т.наз. языковой интерпретацией мира, иными словами, здесь защищается тезис о том, что закрепленное в языке "видение мира" или "картина мира" обуславливает определенное восприятие и интерпретацию объективной действительности. Эта позиция содержит известную долю агностицизма, ибо, последовательно придерживаясь упомянутой точки зрения о том, что человеческое познание, будучи ограничено рамками родного языка, не способно адекватно познать объективную действительность, которая таким образом остается непознаваемой "вещью в себе", и, следовательно, "границы моего языка - это границы моего мира". Гипотеза Сэпира-Уорфа является таким образом совершенно логичным следствием этой концепции. Несколько иную позицию в этом вопросе занимают неогумбольдтианцы (школа Л. Вейсгерберга). Здесь на основе сопоставления "языковых междумиров" различных родных языков в принципе не отрицается возможность познания объективно существующей действительности согласно т.наз. закона "обусловленного языком бытия", сформулированного Вейсгербергом. Используя принцип дополнительности, постулированный известным ядерным физиком Нильсом Бором, В.А. Звегинцев видит в многообразии языков и обусловленными ими многообразии противоречащих друг другу "картин мира" главное средство преодоления субъективности отдельных языков и достижения объективного знания о мире действительности (Звегинцев, 1968, 28-34).

Эта проблема - "язык и обусловленное им видение мира" или иначе - "язык и картина мира", впервые выраженная Гумбольдтом, имеет длинную предисторию, которая до сего дня еще недостаточно исследована. Так, указанный Гумбольдтом факт, что каждый язык имеет свое видение мира (Weltanschauung) термин, упоминаемый им в работах "Введение в общее языкознание" /1810-II/ и "О национальном характере языков" /1822/ был им заимствован от его друга Фр.А. Вольфа (1759-1824), с которым Гумбольдт вел оживленную переписку. Задолго до этого Фрэнсис Бэкон (1561-1626) пытался сделать выводы о духовном мире народов и наций на основе анализа их языков. Размышляя о греческом языке, он замечает, что греки предпочитали словосочетание, в то время как римляне в большей мере использовали словообразование, и на основе этого наблюдения поспешно выводит, что первые были более предрасположены к искусству и наукам, а вторые - к практической жизни и действию. Также мало обосновано и его утверждение, что в античном мире дух человека был более острым, гибким и точным, чем в XVI-XVII веках, т.к., классические языки располагали существенно большим числом флексий, чем в настоящее время. Так же и Джон Локк (1632-1704) не обошел вниманием эту проблему. В своем "Essay Concerning Human Understanding", исследуя вопрос о функции языка, он пришел к заключению, что слова, включаясь между разумом и реальными вещами, являются медиумами мышления. Благодаря этому свойству они зачастую обманывают разум. В так называемых сложных идеях, например, единичные явления зачастую переплетаются и объединяются искусственно и самовольно. При этом Локк имеет в виду такие понятия как "murder, incest" и другие (Locke, 1902, III, 5-6), в которые языковой коллектив в восприятии фактов привносит свою собственную оценку. Он также замечает, что для многих слов одного языка зачастую нет точных соответствий в другом языке. Хотя Локк и близко подошел к открытию Гумбольдта Weltanschauung у него еще нет термина, названия для этого медиума между реальными и разумом. Кроме того, он слишком акцентирует инструментальный характер языка - по его мнению, каждый язык является творением и инструментом разума, служащим мышлению и познанию (ср. Locke, 1902, III, 9, 2I и I, 6).

Итальянский гуманист Джованни Батиста Вико в 1725 году, размышляя над этим вопросом, задался целью составить "Универсальную этимологию", из которой ученым было бы видно

как отдельные нации различным образом номинировали тех же людей, те же вещи и отношения под различными аспектами, с различных точек зрения (Luther, 1970, 84). Свидетельство об осознании этой проблемы мы находим так же и у Мартина Лютера в его "Sendbrief vom Dolmetschen". Языковое чутье Лютера заставляет его размышлять о смысловых различиях языков и принимать их во внимание в своей переводческой работе. В известном изречении "каждый язык имеет собственный вид" (ittliche Sprag hatt ihren eigen art) мы встречаем мысль, впоследствии выраженную Гумбольдтом словом Weltansicht. Здесь Лютер называет "собственным видом" то, что Гумбольдт называл "видением мира" или, еще шире, внутренней языковой формой.

Но, к сожалению, Гумбольдт не развил эту мысль дальше, не дал ей терминологической экспликации. Рядом с термином "Weltansicht" он употребляет синонимически и понятия как например, "Weltanschauung", "Weltauffassung", "innere Sprachansicht", "geistige Ansicht", "Charakter der Sprache" и еще тому подобные (см. Humboldt, 1903-1936, VI, УП). Можно сделать вывод, что за этой множественностью терминов кроется напряженная работа мысли великого исследователя, стремившегося дать наиболее подходящий термин названному явлению. Результатом этих размышлений явился, очевидно, термин в.я.ф., который Гумбольдт опять-таки не эксплицирует достаточно ясно и непротиворечиво, не дает ему однозначной дефиниции. Заимствованное из Аристотелевской философии понятие формирующей формы - *forma formans* (у Аристотеля - чистой формы-, сближающейся с понятием логоса, мирового разума, первичной идеи и т.п.) Гумбольдт под несомненным влиянием неоплатоника Шэфтсбери переносит в языковедение. Этим Гумбольдт положил начало продолжающимся и по сей день дискуссиям о роли и месте категории в.я.ф. Дело тут вот в чем: для Гумбольдта термин в.я.ф. - философская категория, т.е. *forma formans*, равно как и ее противопоставление *forma formata*, является основным моментом идеалистической философии от Платона до наших дней. В ней отражается идеалистическое решение проблемы, вернее, категории - содержания и формы. Вполне естественно для Гумбольдта и его современников решение этого вопроса могло быть дано только в рамках объективного идеализма, пусть даже с некоторым уклоном в сторону стихийного материализма, но в основе своей, чисто идеалистически. Краткость, некоторая

расплывчатость и по сути незавершенность главы "Innere Sprachform" (Humboldt, 1903-1936, VII, 86-95) свидетельствуют о том, что Гумбольдт не смог найти перехода от философской категории в.я.ф. к конкретному научному, т.е., лингвистическому эксплицированию этого понятия. В этой связи полезно еще раз подчеркнуть, что Гумбольдта в первую очередь интересовала философия языка, а не языкознание в строго научном понимании этой дисциплины.

Если все же понятие в.я.ф. приобрело статус лингвистического термина, то эта заслуга целиком и полностью принадлежит выдающемуся русскому лингвисту А.А. Потебне. Дело здесь в том, что занимаясь языком в его философском аспекте, иными словами, балансируя на грани философии и языкознания, Гумбольдт зачастую переносит философские категории, вернее, употребляет эти категории в смысле конкретного научного утверждения, т.е., термина. Этим он *volens nolens* нарушает закон соразмерности, гласящий, что точность доказательства должна соответствовать точности утверждения, иными словами, это означает, что конкретные научные утверждения нельзя выводить из общеподлинных принципов. Заметим кстати, что в неогумбольдтианском языкознании это противоречие до сих пор не преодолено - в центральное понятие языковой концепции Вейсгерберера "языковое содержание" не внесена терминологическая ясность, что служит основным моментом критики противников неогумбольдтианского направления (ср. Zwirner, 1967, 412-415). Мы можем присоединиться к этой критике, т.к. понятие "содержание" (Inhalt) логическим образом приводит нас к необходимому постулированию "языкового междумира" (sprachliche Zwischenwelt), некоей модификации Гумбольдтовского "видения мира" и, по сути дела, не имеющего выхода в языковую реальность из порочного круга, возникшего в результате смешения философского и научного, т.е. лингвистического аспекта проблемы.

Иное решение этого вопроса мы находим в лингвистической концепции А.А. Потебни, которая возникла и развилась на основе материалистических идей русских революционеров-демократов XIX века, в частности, под непосредственным влиянием Н. Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова со всеми вытекающими отсюда последствиями. "Многие философы-идеалисты непременно хотят дуализма", писал Добролюбов, "хотят делить мир на мыслимое и являемое, уверяя, что только чистые идеи имеют на-

стоящую действительность, а все являемое, т.е. видимое, составляет только отражение этих высших идей. Пора бы бросить эти платонические мечтания и понять, что хлеб не есть пустой значок, отражение высшей, отвлеченной идеи жизненной силы, а просто хлеб — объект, который можно съесть" (Добролюбов, 1950, I, 279). Этот монистический подход к пониманию объективной действительности четко проводится в лекционных курсах Потебни. "Весьма распространено", писал он, "противоположение человека природе внешней. Уничтожить совсем это противопоставление невозможно, но ослабить противоположность необходимо. То же самое нужно сказать и о противопоставлении образовательной силы человеческого духа и образовательной силы природы, мира идеального и реального" (Потебня, 1910, 105). Вот эта-то ориентация на стихийный материализм русских революционеров-демократов XIX века и помогла Потебне, более или менее удовлетворительно дать лингвистическую, а не философскую, вернее, языково-философскую интерпретацию в.я.ф. и тем самым сделать это понятие достоянием лингвистики. "В слове мы различаем", говорит Потебня, "внешнюю форму, т.е. членораздельный звук, содержание, объективизируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание" (Потебня, 1922, 145) Так в слове "окно" его внутренняя форма — "око", в слове "стол" — "стлать", в слове "облако" — "обволакивать" (Потебня, 1922, 83).

Таким образом Потебня отводит внутренней форме вполне определенное место в системе языка — для него это понятийное ядро, вокруг которого образуются внешние формы, слова, выражающее, вернее, имеющие в своей этимологической основе общее понятие более или менее далекое от существующего в настоящем времени "значения" слова. Потебня различает слова с горящим и с угасшим внутренним ядром: "Всякое удачное исследование этимологически неясного слова приводит к открытию в нем такого представления, связующего это слово со значением предшествующего слова и так далее в неограниченную глубину веков (Потебня, 1905, 13). Потебня таким образом подводит лингвистическое толкование в.я.ф. к семантической структуре слова и сближает ее с понятием этимона. Подобным образом внутреннюю форму толкует и Леонхард Йост (Jost, 1960, 73). Карл Бюлер, разбирая Гумбольдтовское понятие в.я.ф., приходит к таким же, или по крайней мере похожим выводам, как и Потебня

(Bühler, 1934, I51-I52). В современном семантическом анализе, в основе своей являющимся компонентным анализом, лежит все тот же принцип, впервые сформулированный Потебней на основании изучения им в.я.ф. Гумбольдта: для определения смысловой структуры слова выделяется его смысловое ядро (архилексема, инвариант и т.п.) = этимон, вокруг которого группируются дополнительные смысловые компоненты - признаки. "Условный комплекс, т.е. набор этих признаков представляет собой внутреннюю форму Гумбольдта или конфигурацию содержания (Blanke, 1973,74).

Несколько иную трактовку понятия в.я.ф. Гумбольдта предлагает Андре Йолес, в основном оставаясь на исходных позициях Потебни. Чем важнее понятие, утверждает Йолес, тем больше языковых средств, слов втягиваются в эту группу, чтобы более полно и всесторонне выразить его (понятие) в языке. Йолес предлагает восстановить в своих лингвистических правах термин синонимон, под которым он понимает не отдельные синонимы, а скорее само понятие, его ядро, не имеющее в языке отдельного (однозначного) слова, но к которому стремится каждое отдельно и все вместе взятые слова, выражающие его (Уфимцева, 1961, 55).

Перечисление подобного рода трактовок и экспликации Гумбольдтовского понятия в.я.ф. можно и значительно расширить. В предлагаемой статье мы хотели лишь обратить внимание на то, что это понятие представляет собой как бы перекресток, от которого возможны два пути, два направления: одно - в философию языка, т.е. к проблемам "языкового видения мира", к проблемам "языкового междумира" Вейсгербера, и второе - к проблемам чисто лингвистического характера, т.е. к семантическому анализу смыслового содержания, или шире - к компонентному анализу. Этот второй путь и был более или менее полноуказан и разработан выдающимся русским языковедом А.А. Потебней.

Л и т е р а т у р а

- Добродлюбов Н.А. Собрание сочинений в 3-х томах. М., 1950.
Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления. (Вопросы теории и психологии творчества). Харьков, 1910, т. 2, вып. 2. 25

- Потебня А.А. Мысль и язык. Одесса, 1922.
- Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
- Уфимцева А.А. Теории "семантического поля" и возможности их применения при изучении словарного состава языка. В сб.: "Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике" М., 1961, стр. 30-63.
- Blanke, G. Einführung in die semantische Analyse. München, 1973.
- Bühler, K. Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Humboldt, Wilhelm von. Gesammelte Schriften. Ausgabe der Preussischen Akademie der Wissenschaften, besorgt von A. Leitzmann. 17 Bde. Berlin, 1903-1936.
- Jost, L. Sprache als Werk und wirkende Kraft. Bern, 1960.
- Locke, J. The Philosophical Works of John Locke. Ed. by J.A. St. John, London, 1902-1903.
- Luther, W. Sprachphilosophie als Grundwissenschaft. Heidelberg, 1970.
- Porzig, W. Der Begriff der inneren Sprachform. In Idg. Forschungen 41, 1923, S. 150 ff.
- The Works of Francis Bacon, ed. by Spedding, Ellis & Heath, London 1857. (De dignitate et augmentis scientiarum).
- Zwirner, E. Stellungnahme. In: Satz und Wort im heutigen Deutsch. Bd. 1. Düsseldorf, 1967, S. 412-415.

О СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ НОВАЦИЯХ
В УПОТРЕБЛЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ДАТСКИХ ГЛАГОЛОВ

А.Г. Геринг

Предметом рассмотрения данной статьи являются семантико-синтаксические новации в употреблении ряда датских глаголов, отмеченных пометкой *ny brug* (новое употребление) в списках новых слов в датском языке, приведенных датской языковой комиссией за период 1956-1969 годов. (NSP). В данном обзоре мы не будем рассматривать изменения существующих и появление старых словоформ; первостепенный интерес для нас представляет в данном случае изменение валентности слова - "концентрированной способности к сочетаемости, которая является имманентным свойством лексической единицы. (Уэдинская, 1975, 136).

Рассмотрению подлежат следующие типы изменений:

- I Изменение свойств транзитивности - нетранзитивности;
- II Новое распределение предложно-беспредложных связей;
- III Метафорическое использование некоторых глаголов-терминов.

Поскольку и журнал "Nordiske sprogproblemer" отмечающий появление употребления, и словарь "Nudansk" регистрирующий отдельные новации как норму, систематически ссылаются на существующие нормативные сочетания в родственных языках, являющиеся эквивалентами интересующих нас новаций, то нельзя не установить возможности иноязычного влияния в отдельных случаях семантико-синтаксических изменений, происходящих в рассматриваемых нами глаголах.

Для нас, однако, интересен не момент заимствования функции или формы, а момент собственного развития внутри языка, хотя это и происходит в ряде случаев при участии катализирующих явлений иноязычного влияния. По-видимому, наличие общих изменений в двух родственных языках, даже если эти изменения не носят синхронного характера, может свидетельствовать об общих тенденциях в развитии языков как в плане частных, так и в плане общих магистральных изменений. В рамках определенных интернационализированных сфер действия "этимологически общие лексические микроструктуры" (Маковский, 1971,

14) могут, как показывает практика, претерпевать монологические функциональные изменения. С ростом англо-датского билингвизма близкородственные слова часто сближаются в плане "набора синтаксических признаков" (Апресян, 1967, 26).

Разберем первый тип изменений на следующем примере: В 1957 году было отмечено употребление глагола "lande", до этого употреблявшегося лишь как **непереходный** со значением "gaa ned paa" в новом транзитивном значении. При этом делается ссылка на английский глагол "land" в том же значении, допускающая возможность иноязычного влияния или заимствования.

"... at lande et jetjager paa et hangarskib".

(Politiken, 22/10, 1957.)

Данный случай нельзя, вероятно, объяснить только иноязычным влиянием. Семантически глагол "lande" входит в группу глаголов движения: "købe, flyve, komme". Все названные глаголы могут употребляться с объектом в значении: "faa til at købe, flyve, komme."

"købe en bil, flyve en maskine, komme sukker i kaffen."

Таким образом, поскольку часть глаголов движения в датском языке может употребляться транзитивно, то, видимо, глагол "lande" тоже оказался втянутым в эту систему по законам "лексической аттракции" (Маковский, 1971) и получил характеристики, формирующие данную группу глаголов как целое.

Другим примером может служить глагол "eksplodere", до 1957 года, употреблявшийся лишь как непереходный. Вряд ли можно утверждать, что наличие в английском глаголе "explode" v.t.&l. явилось решающим фактором, влияющим на появление грамматического значения транзитивности у глагола **eksplodere** в датском. Есть основания предполагать, что появление транзитивности у "eksploder" было вызвано причинами, наличествующими в самом датском языке.

Как известно, в нем существуют глаголы "spraenge" и "springe", имеющие одним из своих значений транзитивное значение "взрывать". Корневая морфема "spraeng" является продуктивной для образования сложных существительных: "spraengladning, sprængstof" и прилагательных "spraengfarlig, sprængfaerdig" существительным, обозначающим результат действия, переданного транзитивными глаголами, **spraenge, springe** и нетранзитивным "eksplodere" являлось одно слово "eksplosion".

Таким образом, синтаксические отношения, заложенные и

существовавшие в отглагольном существительном "eksplosion" могли послужить основой и толчком к транзитивному использованию глагола "eksplodere", и, следовательно, послужили выравниванию лексико-синтаксических характеристик этих трех глаголов.

"... før de eksploderede deres første bombe."

(Information, 22/1, 1957)

В качестве третьего примера приведем глагол "fotografere": "Hun fotografierer godt, et yndlingsobjekt for et kamera."

(Ekstra Bl. 9/2, 1963)

В данном случае глагол "fotografere" v.t. употребляется в значении "være egnet til at blive fotograferet". Это значение не свойственно переходным глаголам в датском языке в активе, было бы естественно употребить простую форму пассива "fotograferes" с возвратно-страдательным значением. Поскольку данное новое употребление глагола единично и не находит параллелей в датском языке, есть основания считать данный пример результатом влияния английской модели:

"She makes good pictures. She photographs well".

с тем же значением.

Английское влияние, очевидно, сказывается и в новом употреблении глагола "citere" с предлогом "for". Сравним английское: "cite smb. for saying smth."

"Bladet har citeret ham for nogle udtalelser til fordel for planen" (Information 11/1, 1964)

В приведенном примере употребление прямого и предложного дополнения передает значение, которое до последнего времени могло быть передано в датском языке лишь при помощи двух глаголов: "citere uden" и "anføre det der blev sagt". Более экономичное с точки зрения использования языковых средств английская конструкция послужила, вероятно, моделью для нового использования глагола "citere", что привело к дополнительному разграничению набора его семантической структуры.

Ко второму типу семантико-синтаксических новаций можно отнести новое использование глагола "dufte", вместо глагола "lugte", зарегистрированное в 1965 году и ставшее нормативным.

"I stedet duftede hun til de smukke roser." (Aktuelt, 18/9, 65)

До шестидесятых годов глагол "dufte" употреблялся лишь в значении восприятия органов чувств, наряду с глаголами: "fåle, smage, lugte" как глагол-связка в именном сказуемом

со значением положительного качества в отличие от своего синонима "lugte" - с нейтральным или отрицательным значением. Эта грамматическая функция объединяла его с остальными глаголами восприятия.

"Det føler frisk."

"Det smager sød."

"Det lugter af tobak."

"Det dufter godt."

Особенность глагола *dufte* заключалась в том, что он не употреблялся в предложенных конструкциях, нарушая тем самым функциональную системность группы глаголов восприятия, позволяющих связи типа: *føle paa ngt, smage paa ngt, lugte til ngt*.

Использование глагола *"dufte"* в связях с предлогом *"til"*: *"Jeg vil dufte til magnolierne"* (Aktuelt 18/9, 65) реализует языковую тенденцию к законченности звеньев семантически родственных глаголов, оно вызвано лексической аналогией и желанием подчеркнуть наличие положительного качества, чему конотационно мешает нейтрально-отрицательный элемент значения глагола *"lugte"*; таким образом предложенное употребление *"dufte"* разграничило лексическое значение: *"lugte til ngt."* - нюхать вообще, *"dufte til ngt."* - нюхать нечто приятное.

Отдельно от рассмотренных выше чисто грамматических изменений в употреблении глаголов стоят случаи метафорически-метонимического переноса в таких глаголах как датские: *"bulldoze, cementere, overophede"*; английские: *"bulldoze, cement, overheat"*. Расширение сферы употребления этих глаголов не связано с изменением свойственных им синтаксических связей. Под влиянием общей тенденции к проникновению части терминологической лексики в речевые жанры, не связанные с той или иной областью науки и техники, приведенные выше глаголы употребляются в переносном значении в речевых ситуациях, требующих особой "дескриптивно-тематической формы" (Амосова, 1968).

"Han har en personlighed som bulldozer tilvaerelsen med fredelige hestekraefter."

(Politiken 9/4, 65)

"Det cementerer royalisternes position at sige dette."

(Aktuelt 14/9, 64)

"... en overophedning af den samlede byggeaktivitet."

(Politiken 19/3, 64)

Подобное использование терминологической лексики для достижения особых стилистических воздействий наблюдается во многих европейских языках (Бурляй, 1974, 2). Рассматриваемые глаголы имеют параллели в английском, где как и в датском они образованы от существительных: англ. "bulldozer, cement, heat"; датск. "bulldozer, cement, hede". Используемые способы словообразования: суффиксально-префиксальный - англ. "overheat"; датск. "sementere, overophede" и способ обратных образований: англ. "cement, bulldoze"; датск. "bulldoze" являются продуктивными в обоих языках.

Этимологически датские исходные представляют собой в одном случае - слово общегерманского корня "hitze", датск. "hede", англ. "heat", в другом - заимствование из латыни "cementum", датск., англ. "cement", в третьем случае заимствование из английского "bulldozer". Общим для них является этимологическая родственность с английскими эквивалентами.

Следует отметить, что в датском языке метафорически-метонимические употребления отмечены впервые в 1964 году (NSP), т.е. позже чем в английском. Это дает основания считать, что используя собственные и заимствованные языковые средства, датский язык выработал образные формы речевого употребления под влиянием английского и благодаря общим тенденциям во взаимодействии общеупотребительной и терминологической лексики.

Заканчивая краткий анализ семантико-синтаксических глагольных новаций, нельзя не обратить внимание на явление выравнивания синтаксических характеристик понятийных синонимов внутри языка и топологически внутри близкородственных языков, а также на использование общих лексических вариантов для передачи общих понятий, фиксируемых родственными языками часто под влиянием одного из них.

Л и т е р а т у р а

- Амосова Н.Н. Английская контекстология. Л., 1968.
- Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского языка. М., 1967.
- Бурляй С.А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики в современном французском языке. Автореферат диссертации, МГПИИЯ. М., 1974.

Маковский М.М. Теория лексической аттракции. М., 1971.

Уздинская Е.Н. Изучение сочетаемости слов в формально грамматическом и семантическом планах. Калининский ГУ. Калинин, 1975.

NSP (1956-1969): Nordiske sprogproblemer. København.

КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ТЕКСТАМИ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ (ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СЛОВАРНОГО СОСТАВА И ЧАСТЕЙ РЕЧИ)

С. Клявиня

0.1. Корреляционный анализ предоставляет возможность установить не только непосредственные, функциональные, но и опосредованные связи, вытекающие из множества факторов, что особенно характерно для лингвистических совокупностей. Поэтому корреляционный анализ успешно использован уже несколькими лингвистами.

Изучение статистической корреляции позволяет выявлять связи не только между элементами или признаками совокупностей (см., напр., Herdan, 1956: 348-349; Muller, 1972: 142-146; Статистичні параметри стилів 1967: 41-43; Головин 1971: 160-166; Головин 1974: 5-16), но и между самими совокупностями (см. напр., Herdan 1956: 49-61; Фрумкина 1964: 61-78; Маткаш 1967: 13-15; Микерина 1967: 10-13; Шайкевич 1968: 64-76; Рубинштейн 1971: 29-30; Tuldava 1972: 171-175). Корреляционный анализ помогает обнаружить без обращения к смыслу семантические и стилистические связи элементов, напр., слов (см. Иванова 1967, Шайкевич 1969: 254-271). Особенно широкое применение он может найти в дистрибутивно-статистическом описании языка, основанном на анализе текста (см. напр., Прицкер, 1971: 51).

В данной статье корреляционный анализ использован для сопоставления текстов разных функциональных стилей на материале частотных списков латышского языка.

0.2. В латышском языкознании корреляционный анализ до сих пор почти не применялся. Впервые он использован Л. Ц е л и т с о м для изучения употребления бессоставных конструкций в современном латышском литературном языке (Serlītis 1964: 180-185). Им установлена корреляция, во-первых, между количеством бессоставных конструкций и объемом речи персонажей в текстах художественной прозы и поэзии; во-вторых, между количеством бессоставных конструкций и объемом предложений в этих же текстах. Коэффициенты корреляции ($r = +0,41$; $r = -0,58$) показывают, что количество бессоставных конструкций больше зависит от размеров предложений, чем от объема речи персонажей.

Интересное исследование, в котором используется корреляционный анализ, проведено И. Фрейденофелдом (Freidenfelds 1970: I22-I42). Им сделано сравнение употребительности частей речи и специально (по-лексемно) употребительности предлогов во всех периодах латышской письменной речи. Основным источником материала выбраны газеты, а для сравнения привлечены сборники стихов Райниса и латышские народные песни.

Коэффициент корреляции И. Фрейденофелдом вычислен по относительным частотам частей речи и предлогов. В исследовании сравниваются данные по источникам одинакового характера и одного периода, разного характера и одного периода, разного характера и разных периодов, а также данные всех газетных источников с данными всех источников поэзии и с данными народных песен.

Автор исследования получил несколько выводов, важных для латышского языкознания, об употребительности предлогов и других частей речи во всех периодах латышской письменной речи (см. Freidenfelds 1970: I32, I36-I37). Это убедительно доказывает, что математические приемы, в частности - установление степени корреляции, целесообразно использовать также в исследовании истории литературного языка.

I. Цель, объект и метод исследования

I.0. В нашем исследовании сопоставлены при помощи корреляционного анализа частотные списки современных латышских текстов разных функциональных стилей. Сопоставление ведется установлением степени корреляции в употреблении слов и частей речи.

Корреляционный анализ нами использован для оценки близости нашей статистической модели современных латышских публицистических текстов (Kļavira 1968; далее - П1) к статистическим моделям, описывающим другую совокупность современных публицистических текстов (Jakubaite 1969; далее - П2) и совокупности других функциональных стилей - научного (Jakubaite 1966; далее - НТ) и художественной литературы (Jakubaite 1972; далее - Хл).

I.1. Прежде всего было выяснено, являются ли имеющиеся частотные списки полноправными репрезентантами статистичес-

кой структуры текстов сопоставляемых функциональных стилей. Правомерность использования их подтверждает текстообразовательная способность (или процент покрытия текста) всех четырех словников (см. табл. 1), а также результаты экспериментальной проверки эффективности словников (см. табл. 2).

Таблица 1
Покрытие текстов (в %)

Количество слов от начала частотного списка	П1	П2	НТ	Хл
10	13	14	14	17
50	26	28	27	36
100	33	35	34	45
1000	67	66	70	73
2000	78	77	80	81

Таблица 2
Покрытие проверочных текстов (в %)

Количество слов от начала частотного списка	П1	П2	НТ	Хл
10	12	14	13	19
50	22	29	23	37
100	28	35	28	43
1000	60	65	55	69
2000	73	76	64	78

1.2. На основе вышеназванных четырех частотных списков нами установлена попарная корреляция между П1 и П2, П1 и НТ, П1 и Хл. Следовательно, сопоставлены тексты одного функционального стиля (П1 и П2) и тексты разных функциональных стилей (П1 и НТ; и П1 и Хл).

Коррелянтами являются частоты слов и частей речи в сопоставляемых текстах.

Для оценки степени корреляции вычислен коэффициент корреляции Пирсона:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (a_i - M_a) (b_i - M_b)}{n \sigma_a \sigma_b} \quad (I)$$

где a_i - значение частоты слов в П1,
 b_i - значение частоты слов в П2 (или в НТ, или в Хл),
 M_a - среднее арифметическое величин a ,
 M_b - среднее арифметическое величин b ,
 n - количество коррелянтов,
 σ_a - среднеквадратическое отклонение величин a ,
 σ_b - среднеквадратическое отклонение величин b .

Следует отметить, что коэффициент корреляции Пирсона до настоящего времени советскими лингвистами использован не очень интенсивно (Шайкевич 1968: 64-76; Головин 1971: 160-166; Tuldava 1972; I71-I75). Наиболее распространенный способ сопоставления частотных списков - это вычисление коэффициента ранговой корреляции Спирмена (Фрумкина 1964: 61-78; "Статистичні параметри стилів" 1967: 41-43; Маткаш 1967: 13-15; Микерина 1967: 10-13; Микерина 1968: 53-60; Андрющенко 1968: 25; Калинина 1968: 79-87; Рубинштейн 1971: 29-30; Головин 1974: 5-16). Причиной этому является то, что расчеты коэффициента ранговой корреляции менее трудоемки, чем вычисления коэффициента корреляции Пирсона. Кроме того, для вычисления ранговой корреляции не требуются точные численные значения элементов или признаков; ее коэффициент можно вычислить как для количественных, так и для качественных признаков, если только их можно ранжировать.

Однако метод ранговой корреляции обладает значительными недостатками (см. об этом Гаспарова 1970: 58-61). Даже по отношению к общей части сравниваемых списков он не может дать подлинно верную характеристику. Если слова, имеющиеся в одном списке, но отсутствующие в другом, выписывать в конце последнего списка и придавать им ранги (см. Калинина 1968: 83-84), получится более адекватная картина. (Последнее относится также к методу корреляции Пирсона). Такое дополнение методики ранговой корреляции, однако, не снимает других недостатков этого метода, который может быть использован лишь для грубой и быстрой оценки корреляции при небольшом числе вариантов.

Коэффициент корреляции Пирсона вычислялся нами по преобразованной формуле:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n a_i b_i - \frac{\sum_{i=1}^n a_i \sum_{i=1}^n b_i}{n}}{\sqrt{\left(\sum_{i=1}^n a_i^2 - \frac{(\sum_{i=1}^n a_i)^2}{n}\right) \left(\sum_{i=1}^n b_i^2 - \frac{(\sum_{i=1}^n b_i)^2}{n}\right)}} \quad (2)$$

Уровень достоверности δ (confidence level. Sicherheitsgrad) для каждого коэффициента корреляции вычислен по формуле:^I

$$\delta = \frac{\int_0^t \left(1 + \frac{x^2}{m}\right)^{-\frac{m+1}{2}} dx}{\int_0^{\infty} \left(1 + \frac{x^2}{m}\right)^{-\frac{m+1}{2}} dx}, \quad (3)$$

$$\text{где } t = \frac{r \sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r^2}} - \text{ критерий достоверности } r, \quad (4)$$

n - количество коррелянтов,

$m = n - 2$ - число степеней свободы.

Если $\delta = 1$, корреляция неоспоримая, если $\delta = 0$, корреляция не существует.

При установлении степени корреляции между частями речи отдельно вычислены также показатели корреляции для имен собственных и имен нарицательных, для причастий и деепричастий, для аббревиатур (эти группы именуем классами слов).

Если количество слов сопоставляемой части речи или класса слов в словнике или в зоне словника меньше трех, коэффициенты корреляции для них не вычислялись.

1.3. Для расчетов коэффициентов корреляции по материалам частотных списков были составлены таблицы частот слов для

^I Формула, исходя из плотности вероятности t -распределения (Шторм 1970: 151), получена Ю. Крикисом и Л. Рейзиньшом, а впервые использована И. Фрейденфелдом (Freidenfelds 1970: 127).

каждой пары сопоставляемых текстов.

При записи данных в запоминающее устройство ЭВМ место порядка занимают цифры, обозначающие часть речи или класс слова, а место мантиссы - абсолютная частота слова в сопоставимой паре текстов: первая половина отведена для частоты слова в публицистических текстах (П1), а вторая - для частоты этого же слова в научно-технических текстах (НТ), при сравнении П1 с П2 или с Хл соответственно для частоты слова в П2 или Хл.

В таблицы в первую очередь включены все слова, абсолютная частота которых в П1 больше или равна 3 ($F_{П1} \geq 3$), далее добавлены слова, частота которых в П1 меньше 3 ($F_{П1} < 3$), но в сопоставляемых текстах (П2 или НТ, или Хл) больше или равна 3 ($F_{П2} / F_{НТ} / F_{Хл} \geq 3$).

В результате такого подбора материала при установлении степени корреляции между П1 и П2 использованы 8542 слова, между П1 и НТ - 10646 слов, а между П1 и Хл - 10433 слова.

Вычисления коэффициентов корреляции и их уровней достоверности для попарно сопоставленных списков выполнены на ЭВМ "БЭСМ-4" (для П1 и НТ - на "БЭСМ-2" в 1969 году) в Вычислительном центре Латвийского государственного университета им. П. Стучки по программе Ю. Крикиса.

2. Обзор результатов

2.0. Корреляционный анализ - формальный математический метод, не раскрывающий причины связи или близости совокупностей. Они выясняются в процессе интерпретации результатов.

2.1. Корреляция частот слов между текстами

Корреляция каждой пары текстов неоспорима ($\chi = 1$) и высокая. Объясняется это значительным количеством общего лексического материала (см. табл. 3). Лишь 16% слов из списка П1 встречаются только в этих текстах.

Выдвинем гипотезу о том, что наибольшая общность словарного состава и его употребления в текстах одного функционального стиля (П1:П2).

Выдвинутую гипотезу подтверждают коэффициенты корреляции r .

Таблица 3

Общая лексика в парах текстов (в % от объема словаря П1)

П1 и П2		П1 и НТ		П1 и Хл	
всего	только П1 и П2	всего	только П1 и НТ; П1, П2, НТ	всего	только П1 и Хл, П1, П2, Хл
74	15	42	12	57	27

2.1.1. Самая высокая корреляция между текстами одного функционального стиля ($r_{П1:П2} = 0,979$), ниже - между публицистическими и научно-техническими текстами ($r_{П1:НТ} = 0,862$), но самая низкая степень корреляции - между публицистическими и художественными текстами ($r_{П1:Хл} = 0,801$)¹.

Степень корреляции отражает общность словарного состава и близость частот употребления слов.

Как было уже указано выше, коэффициент корреляции вычислен без учета слов с $F_{П1} < 3$ и $F_{П2/НТ/Хл} < 3$. Таким образом корреляционным анализом охвачены слова с $F_{П1} \geq 3$ (5744 единицы) и слова с $F_{П1} < 3$, но с $F_{П2/НТ/Хл} \geq 3$.

Таблица 4 в общих чертах показывает соответствие $F_{П1}$ и $F_{П2}$, $F_{НТ}$, $F_{Хл}$.

Таблица 4

$F_{П1}$ соответствующие $F_{П2}$, $F_{НТ}$, $F_{Хл}$
(количество слов в % в зоне $F_{П1}$)

$F_{П1}$	Кол-во слов с $F_{П1}$	Количество слов с частотой								
		≥ 40			3 - 39			< 3		
		П2	НТ	Хл	П2	НТ	Хл	П2	НТ	Хл
≥ 40	781	88,6	50	43	11	29	45	0,4	21	12
3-39	4963	10	12	9	68	30	40	22	58	51
< 3	2798 (П1:П2)	0,1			99,9					
< 3	4166 (П1:НТ)		7			93				
< 3	4689 (П1:Хл)			2			98			

¹ Сравнение коэффициентов корреляции проведено с использованием трансформации z Р. Фишера и критерия t (см. Урбах 1964: 293-294).

Как подтверждают данные, для совокупностей одного, даже неоднородного функционального стиля – публицистики – характерна ярко выраженная общность словарного состава (см. табл. 3) и близость общих тенденций частот употребления слов (см. табл. 4). Особенно ярко она проявляется в зоне достоверных частот ($F_{\text{ПІ}} \geq 40$): 88,6% слов этой зоны в текстах П2 имеют частоту $F_{\text{П2}} \geq 40$, ПІ – частоту $3 \leq F_{\text{П2}} \leq 39$ и только 3 слова (atbrucosanas "разоружение", plastmasa "пластмасса", kodolizmēginājumi "ядерные испытания") имеют $F_{\text{П2}} < 3$. В свою очередь, среди слов с $F_{\text{П2}} \geq 40$ также только 3 слова (kafija "кофе", stends "стенд", tēlot "изображать", "играть") имеют частоту $F_{\text{ПІ}} < 3$.

2.1.2. Общая лексика ПІ и НТ составляет только 42% от всего словарного состава ПІ, из этого 30% является общепотребительной лексикой (ПІ, П2, НТ, Хл и ПІ, НТ, Хл), а 12% – для публицистических и научно-технических текстов общей лексикой (ПІ, П2, НТ; ПІ и НТ). По данным Т.А. Якубайтис (Якубайтис 1974: 303, 304), полученным при сравнении словарного состава П2, НТ и Хл, 46% от всего количества слов НТ или 57% от количества слов достоверных частот использованы только в научно-технических текстах (в П2 – соответственно 33% и 38%, в Хл – 45% и 39%). Следовательно, лексика научно-технических текстов является самой специфичной.

Частоты употребления слов в публицистических и научно-технических текстах также существенно отличаются: только 50% слов с достоверными частотами в ПІ имеют в научно-технических текстах также частоту $F_{\text{НТ}} \geq 40$, но уже 21% слов соответствует частота $F_{\text{НТ}} < 3$. Таким образом, на фоне общего лексического материала выделяются группы слов, характерных, типичных для одного стиля и нехарактерных для другого стиля.

Коэффициент корреляции $r_{\text{ПІ:НТ}}$ в общем суммарном виде представляет сопоставление словарного состава ПІ и НТ.

2.1.3. Хотя общая лексика ПІ и Хл составляет 57% от всего словника ПІ, степень корреляции между ними самая низкая среди сопоставленных пар. Очевидно, причиной этого являются различия частот слов в зоне достоверных частот (см. табл. 4): 43% слов имеют в художественных текстах также $F_{\text{Хл}} \geq 40$, 45% – $3 \leq F_{\text{Хл}} \leq 39$, но 12% – $F_{\text{Хл}} < 3$. В свою очередь, стиль художественной литературы характеризуют слова с $F_{\text{ПІ}} < 3$, а $F_{\text{Хл}} \geq 40$.

Следовательно, наряду со значительной общностью словарного состава в публицистических и художественных текстах имеются существенные различия в частотах употребления слов, что отражается и в численном значении $r_{\text{П1:Хл}}$

2.1.4. От коэффициентов корреляции $r_{\text{П1:П2}}$ и $r_{\text{П1:Хл}}$ всего списка не существенно отличаются коэффициенты корреляции для слов с $F_{\text{П1}} \geq 3$ (см. табл. 5). Однако коэффициент корреляции $r_{\text{П1:НТ}}$ всего списка ниже, чем для слов с $F_{\text{П1}} \geq 3$ - понижение степени корреляции происходит из-за вышеупомянутых 7% специфичной лексики научно-технических текстов. Доля аналогичных слов в П2 и Хл незначительна (см. табл. 4), поэтому она существенно не влияет на коэффициенты корреляции всего списка.

Таблица 5

Корреляция для слов с $F_{\text{П1}} \geq 3$

	П1:П2	П1:НТ	П1:Хл
r	0,979	0,867	0,801
γ	1,000	1,000	1,000

2.2. Корреляция частот слов между текстами по зонам словаря

2.2.0. Словник априори был разбит на 4 зоны:

- 1-я зона - первые 100 слов,
- 2-я зона - 101 по 1000 слово,
- 3-я зона - 1001 слово по 5744 слово,
- 4-я зона - 5745 слово до конца списка, т.е. слова с $F_{\text{П1}} < 3$, но $F_{\text{П2/НТ/Хл}} \geq 3$

Степень корреляции между текстами установлена для каждой зоны по частям речи и классам слов. Дополнительно вычислена корреляция для первой тысячи слов.

2.2.1. Во всех трех парах текстов первое место по степени корреляции занимает первая зона (первые 100 слов).

Слова этой зоны общие для всех совокупностей текстов (исключение - существительное vasensiba "соревнование", ко-

торое отсутствует в словнике научно-технических текстов).

Функционально-стилистические, особенно тематические, различия текстов вырисовываются уже в первой сотне слов частотного списка.

Высокой частоте употребления в публицистических текстах у меньшинства слов не соответствует частота той же зоны в научно-технических и художественных текстах. Эти слова и образуют для публицистики характерный, специфичный словарный состав, напр. valsts "государство", partija "партия", republika "республика", rajons "район", ražošana "производство", valdība "правительство", saimniecība "хозяйство", organizācija "организация", komiteja "комитет" и т.п.

Различия в частоте 5 слов (rūpniecība "промышленность", lauksaimniecība "сельское хозяйство", celtniecība "строительство", iela "улица", miljons "миллион") в П1 и П2 объяснимы с тематическими и хронологическими отличиями комплектования выборок.

Отношения частот употребления первой сотни слов в совокупностях текстов П1, П2, НТ и Хл фиксируют коэффициенты корреляции. Разумеется, наибольшее численное значение r у пары текстов одного функционального стиля ($r_{П1:НТ} = 0,979$), степень корреляции ниже у пары П1:НТ ($r_{П1:НТ} = 0,889$) и у пары П1:Хл ($r_{П1:Хл} = 0,874$).

2.2.2. И в следующих зонах повторяется такая же последовательность пар по численным значениям коэффициентов корреляции.

Если проследить за динамикой степени корреляции по зонам в каждой паре текстов, то наблюдаем убывающую последовательность коэффициентов. Для каждой следующей зоны степень корреляции ниже предыдущей зоны, так как с возрастанием порядкового номера слова в частотном списке появляется все больше и больше различий в списках как по частоте слов, так и по лексическому составу.

2.3. Корреляция частот между текстами по частям речи

2.3.0. Отношения между сопоставленными совокупностями текстов по употребительности частей речи характеризуют по их суммарным частотам вычисленные коэффициенты корреляции (см. табл. 6).

Таблица 6

	ПІ:П2	ПІ:НТ	ПІ:Хл
r	0,916	0,935	0,561

Численные значения r говорят о высокой корреляции между публицистическими и научно-техническими текстами, а также об отличиях использования частей речи в художественных текстах. Текстам публицистики, науки и техники характерно интенсивное использование имен, однако текстам художественной литературы – активное употребление глаголов, местоимений, наречий, союзов, междометий и частиц.

Степень корреляции установлена для частей речи как во всем списке, так и в его зонах.

Упорядочим части речи по степени корреляции их частот между текстами (см. табл. 7).

Таблица 7

Ранг по	Части речи		
	ПІ:П2	ПІ:НТ	ПІ:Хл
1	междометие	союз	союз
2		частица	предлог
3	союз, предлог	глагол	глагол
4	частица	местоимение	числительное
5	местоимение	предлог	частица
6	глагол	числительное	наречие
7	прилагательное	наречие	прилагательное
8	числительное	прилагательное	местоимение
9	наречие	существительное	междометие
10	существительное		существительное

Как видно из этой таблицы, во всех парах хорошо коррелируют частоты союзов (средний ранг коэффициента корреляции $i = 1,5$; сумма разницы рангов $d_i = 3$), но частоты существительных во всех парах скоррелированы хуже всех других частей речи ($i = 9,7$; $d_i = 2$). Неустойчивая степень корреляции в разных текстовых парах у междометий ($d_i = 18$), местоимений ($d_i = 8$), числительных ($d_i = 8$), глаголов ($d_i = 6$), предло-

гов ($d_1 = 6$), наречий ($d_1 = 6$) и частиц ($d_1 = 6$).

Однако у всех частей речи корреляция частот в текстах одного функционального стиля (П1:П2) значительно выше, чем в текстах разных функциональных стилей (относительно небольшая разница в коэффициентах корреляции частот союзов).

2.3.1. При сопоставлении частот частей речи в текстах одного функционального стиля по численным значениям коэффициентов корреляции, рельефно разграничиваются служебные и самостоятельные слова: степень корреляции частот всех служебных частей речи выше степени корреляции частот всех самостоятельных слов. Интересно отметить, что из самостоятельных слов лучше всех коррелируют частоты местоимений. Следовательно, и ряд численных значений коэффициентов корреляции, отражая употребление частей речи, косвенно указывает на их лексико-грамматическую сущность и функциональные особенности.

Коэффициенты корреляции подтверждают устойчивость состава и частот употребления служебных слов в рамках одного функционального стиля, что в свою очередь, несомненно, вытекает из грамматической сущности этих слов и их функций в образовании текста и что обусловлено уже структурой языка.

Но употребление самостоятельных слов из-за их соотносительности с объективной действительностью находится под влиянием различных экстралингвистических факторов, в результате чего и создаются различия их использования даже в текстах одного функционального стиля.

2.3.2. Именной характер публицистических и научно-технических текстов ярко выражается в процентном перевесе имен в этих текстах (см. табл. 8).

Таблица 8

Употребительность имен (в % от всех словоупотреблений)

Тексты	Интервал частот ^I
П1	57,6 ... 58,4
НТ	56,1 ... 56,8
П2	52,3 ... 52,9
Хл	34,2 ... 34,8

^I Здесь и далее указываются 95,5% доверительные интервалы арифметического среднего.

Тексты	Интервал частот
в том числе имен существительных	
П1	48,9 ... 49,4
НТ	46,2 ... 46,6
П2	43,6 ... 44,0
Хл	27,7 ... 28,0

Употребительность имен прилагательных и имен числительных в текстах П1, П2 и НТ также значительно превышает их употребительность в текстах Хл.

2.3.3. Однако для текстов художественной литературы особенно характерно активное использование глаголов (см. табл. 9).

Таблица 9

Глаголы в текстах

Тексты	Количество (в % от объема словаря)	Употребительность (в % от всех словоупотреблений)
Хл	32,8 ... 34,1	23,0 ... 23,3
НТ	19,5 ... 20,9	17,5 ... 17,7
П1	19,5 ... 20,7	15,7 ... 16,0
П2	16,1 ... 17,1	17,3 ... 17,5

Думается, что в интенсивном использовании имен в публицистических и научно-технических текстах проявляются отвлеченно-обобщенный характер и определенная статичность этих стилей. В свою очередь - конкретная образность, эмоциональность в содержании и динамичность повествования художественной литературы реализуются в активности глаголов. Таким образом, пропорции употребления имен и глаголов в текстах являются существенным стиледифференцирующим признаком.

2.3.4. Зато активное использование предлогов в научно-технических текстах свидетельствует о характерном стремлении этого стиля к точности и однозначности.

Употребительность предлогов разграничивает публицистический и художественный стили от научно-технического стиля (см. табл. 10).

Самый низкий коэффициент корреляции по употребительности предлогов получен при сопоставлении ПІ с НТ. Ранговая таблица частей речи по корреляции между текстами (см. табл. 7) также говорит об отличии научно-технического стиля от публицистики и художественной литературы по употребительности предлогов.

Таблица ІО

Употребительность предлогов
(в % от всех словоупотреблений)

Тексты	Интервалы частот
НТ	6,9 ... 7,1
Хл	5,1 ... 5,3
П2	5,1 ... 5,3
ПІ	5,0 ... 5,2

2.3.5. Коэффициенты корреляции фиксируют также особенности употребления междометий в разных функциональных стилях. Мизерное количество и употребительность характерны для всех публицистических текстов, в результате чего высокая корреляция в употреблении этих единичных междометий. Однако их заметное количество и употребительность в художественных текстах, конечно, является причиной низкой корреляции между этими и публицистическими текстами по данному признаку.

Коэффициент корреляции частот междометий для ПІ:НТ не вычислен, так как число их в текстах этой пары меньше трех.

Расчеты и результаты свидетельствуют о том, что целесообразно использовать корреляционный анализ для статистического сопоставления текстов разных функциональных стилей. Он помогает установить общие явления в одном функциональном стиле и различия в разных стилях, позволяет определить степень близости и общности текстовых совокупностей.

Л и т е р а т у р а

- Андрющенко В.М. Частотный словарь – справочник немецкой общественно-политической лексики. – "Частотные словари и автоматическая переработка лингвистических текстов". (Тезисы докладов II Межвузовской конференции). Минск, 1968, с. 25.
- Гаспарова Э.М. Некоторые вопросы корреляции частотных списков. – "Linguistica", II, Tartu, 1970, 57–61.
- Головин Б.Н. Опыт применения корреляционного анализа в изучении языка. – В кн.: Вопросы статистической стилистики. Киев, 1974, с. 5–16.
- Иванова Н.С. Установление смысловых связей между словами на основе статистической методики. – Труды ЦНИИПИ. Вып. I. Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвостатистических работ. М., 1967.
- Каливина Е.А. Изучение лексико-статистических закономерностей на основе вероятностной модели. – В кн.: Статистика речи. Л., 1968, с. 79–88.
- Маткаш Н.Г. Лексика и морфология молдавской публицистики в сравнении с лексикой и морфологией других дакроманских функциональных стилей. Автореф. канд. дисс. Л., 1967, с. 13–15.
- Микерина Т.А. Некоторые статистические приемы лексико-морфологического описания функционального стиля. Автореф. канд. дисс. Л., 1967, с. 10–13.
- Микерина Т.А. Использование корреляционных методов при сопоставлении частотных списков. – "Частотные словари и автоматическая переработка лингвистических текстов". (Тезисы докладов II Межвузовской конференции). Минск, 1968, с. 53–60.
- Прицкер А.И. Об одном статистическом способе выделения грамматических дистрибутивных классов слов. Материалы Всесоюзной конференции "Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики". Кишинев, 1971, с. 51.
- Рубинштейн Г.А. Опыт сопоставления ЧС английских сельскохозяйственных текстов. – Материалы Всесоюзной конференции "Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики". Кишинев, 1971, с. 29–30.

- Статистичні параметри стилів. Київ, 1967, с. 41-43.
- Урбах В.Ю. Биометрические методы. М., 1964, с. 267-300.
- Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики. М., 1964, с. 55-78.
- Шайкевич А.Я. Опыт статистического выделения функциональных стилей. - ВЯ, 1968, № I, с. 64-76.
- Шайкевич А.Я. Корреляционный анализ в лингвостатистике и понятие интервала текста. - Труды ЦНИИПИ. Вып. 2. Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвостатистических работ. М., 1969, с. 254-271.
- Шторм Р. Теория вероятностей. Математическая статистика. Статистический контроль качества. Перевод с немецкого. М., 1970, 368 с.
- Якубайтис Т.А. О статистических пластах лексики. - В кн.: Вопросы статистической стилистики. Киев, 1974, с. 299-314.
- Seplītis L. Bezkopas konstrukcijas mūsdienu latviešu literārajā valodā. - Grām.: Teikuma uzbūve. Rīga, 1964, 111-195. lpp.
- Freidenfelds I. Par lingvostatistiku latviešu literārās valodas vēsturē.- Grām.: Latviešu valodas un literatūras problēmas. Rīga, 1970, 122.-142. lpp.
- Herdan G. Language as Choice and Chance. Groningen, 1956, p. 45-61.
- Jakubaite T., Kristiveka D., Ozola V., Prūse R., Sika N. Latviešu valodas biežuma vārdnīca, 1. sēj. Tehnika un rūpniecība, 1. daļa. Rīga, 1966, 125.-597. lpp.
- Jakubaite T., Gulevska D., Ozola V., Prūse R., Rubīna A., Sika N. Latviešu valodas biežuma vārdnīca, 2. sēj. Laikraksti un žurnāli, 1. daļa. Rīga, 1969, 151.-608. lpp.
- Kļaviņa S. Latviešu publicistikas biežuma vārdnīca (рукопись, 294 с.) Смoтpи: Kļaviņa S. Latviešu publicistikas valodas biežuma vārdnīca. - P. Stučkas Latvijas Valsts universitātes Zinātniskie raksti, 86. sēj. Latviešu leksikas attīstība. Rīga, 1968, 199.-216. lpp.
- Muller Ch. Einführung in die Sprachstatistik. Berlin, 1972, S. 133-157.
- Tuldava J. Korrelatsioonanalüüs keeleteaduses. - "Linguistica", IV. Tartu, 1972, 163-198; "Linguistica", V. Tartu, 1974, 208-223.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ТЕРМИНЕ "ДЕТЕРМИНАТИВ"

М. Лаар

Во многочисленных работах по вопросу синтаксиса субстантивного словосочетания английского предложения часто встречается термин "детерминатив". При детальном ознакомлении с текстом становится ясным, что разные авторы вложили в этот термин разное содержание. Из контекста ясно, что этот термин употребляется для того, чтобы обозначать определенную группу слов, главной функцией которых является определение имени существительного, так что традиционные толкования термина как "корневого определителя" или "ключа иероглифа" (Ахманова, 1969: 129; Прокош, 1954: 283) не соответствуют смыслу.

Группа детерминативов (на эстонском языке "nimisõna piiiritlejad" (Ehin, 1970: 16)) представляет собой замкнутую систему слов-определителей имени существительного. Критерии определения наличия системы по книге Р. Квэрка и др. следующие:

- 1) единицы замкнутой системы немногочисленны и, как правило, система не расширяется за счет новых единиц;
- 2) единицы являются взаимно исключающими, то есть выбор одной единицы несовместим с употреблением какой-либо другой единицы данной системы;
- 3) единицы системы легче определяются через другие элементы системы, чем изолированно взятыми (Quirk et al., 1973)

Ч. Фриз определяет эту группу слов как группу А среди 15 групп функциональных слов (Fries, 1952: 88-89). Общее количество единиц функциональных слов у Фриза только 154 (Fries, 1952: 104), то есть число единиц системы детерминативов должно быть крайне лимитировано.

Ч. Фриз определяет своеобразие функциональных слов тем, что обычно трудно или невозможно определять лексическое значение этих слов отдельно от их структурального значения.

По Фризу самым существенным в определении функциональных слов является факт, что хорошее знание единиц групп функциональных слов необходимо для понимания всей структуры, в состав которой эти слова входят в качестве своеобразных связывающих-определяющих элементов.

Детерминативы выделяются своим местом в субстантивном

словосочетании. Так, Д.С. Бархударов называет одним из отличительных признаков детерминативов то, что в сложном субстантивном словосочетании с распространенным ядром они стоят, как правило, на первом месте (Бархударов, 1966: 57). Еще подробнее дается порядок координированных предпозиционных определений в субстантивном словосочетании в работе Л. Лимарь и др., в которой по схеме

UI	У	IU	III	II	I	N
all	the	ten	fine	old	stone	houses

настоящими детерминативами называют слова, которые могут занимать позицию У, при этом на позиции UI преддетерминативы, на позиции IU — квантификаторы и на позициях III и II квалификаторы, которые распадаются на две группы по их семантическому содержанию (Лимарь и др., 1970: 34–35).

Следовательно, в изучении субстантивного словосочетания перспективным является выяснение точного перечня детерминативов, определение их связи с окружением и с именами существительными, которые они определяют, и использование созданной системы для успешного преподавания английского языка. Однако ознакомление с перечнями детерминативов в разных грамматиках показывает, что пока нет однородного списка единиц этой системы.

При этом первой спорной проблемой является вопрос о месте английских артиклей в этой системе.

Некоторые грамматики исключают артикли из группы детерминативов, так как

- 1) артикли не имеют собственного лексического значения и
- 2) следовательно, они не могут выполнять функции членов предложения (Жигадло и др., 1956: 17).

Однако нелегко определить степень лексического значения в конкретном словосочетании и строго отличать служебные части речи от полнозначных по этому признаку. Так, притяжательные местоимения "his" в предложении "He put his hand into his pocket" почти полностью утратили свое значение принадлежности. Так же слово "piece" в словосочетании "a piece of bread" мало сохранило от своего лексического значения и выполняет почти тождественную роль с "some" в словосочетании "some bread" (Sweet, 1892: 24) в то время, как артикль сохраняет свое лексическое значение в словосочетании "one at a time".

Исключение артикля из группы детерминативов ведет к

двусмысленным утверждениям. Например, С. Цисере в своей кандидатской работе утверждает, что хотя артикль теоретически не относится к детерминативам, в практическом преподавании грамматики предлагается изучать его как отдельное слово — детерминатив имени существительного (Цисере, 1961: 97). В коллективной работе ленинградских грамматистов артикль по принципу исключается из группы детерминативов, но в некоторых примерах в конце книги артикль появляется как детерминатив (отв. ред. Иоффик, 1972: 36, 100, 106-107).

Многие грамматисты включают артикль в группу детерминативов (Бархударов, Штелинг, 1965; Хорнби, 1958; Израилевич, Качалова, 1955; Roberts, 1964 и др.).

В пользу тех, кто группирует артикли вместе с детерминативами, можно выделить два аргумента:

1) в историческом развитии науки английской грамматики неоднократно по различным критериям выделялась группа слов — определителей имени существительного (Обзор грамматик XVI-XVIII веков см. Миронец, 1969). Назывались эти слова по-разному, то "Distinctive or Pronominal Adjectives" (West, 1919), то "Determinative Pronouns" (Deutschbein, 1926), то "Demonstrative Adjectives" (Nesfield, 1938), по мере того, какие свойства этих слов принимались во внимание, те, которые соединяли их с прилагательными, или те, которые соединяли их с местоимениями, то есть они являлись местоимениями, которые употреблялись в функции имени прилагательного для модификации имени существительного или же они имена прилагательные, способные выступать в роли заместителей имен существительных как имена местоимения (Palmer, 1955: 32);

2) точное определение слов этой группы дает возможность построить более строгую систему и этим способствует обучению артиклю и его заместителям.

Разногласию в толковании термина "детерминатив" способствует и факт, что английские термины "determinative" и "determiner" трактуются как синонимы (Morokhovskaya, 1973: 172) и имеют только один общий эквивалент "детерминатив" на русском языке. Хотя и в работах английских авторов нет точного разграничения этих терминов, тенденции отмечены в работе Г. Кививяли, в которой "determinatives" определяются как слова, которых нельзя группировать вместе с именами прилагательными, так как они выступают только в роли определителей и не могут быть именной частью сказуемого и к которым редко

примыкают расширяющие их слова. "Determiners" - это служебные слова-признаки имени существительного (Kiviväli, 1971: 45).

Из этого ясно, что "determiners" более узкая группа слов, чем "determinatives".

Какие слова входят в группу детерминативов? Именно здесь мнения расходятся и нет единого перечня всех единиц этой группы.

Так Ч. Фриз выделяет the, no, one, that, a/an, my, all, some, every, our, both, John's, etc (Fries, 1952). Из этих слов "all" и "both" теперь приняты называть преддетерминативами, так как возможны словосочетания типа: "both the boys" или "all the boys".

По Л.С. Бархударову, к числу детерминативов относятся:

- 1) указательные местоимения this/these, that/those,
- 2) так называемая "присоединяемая форма" притяжательных местоимений my, your, his, her, its, our, their,
- 3) местоимения which, whose, each, every, some, any, no, (n)either, enough, much, more, most,
- 4) существительные или субстантивные словосочетания с морфемой 's кроме случаев, когда форма N's является согласно терминологии английских грамматик т.н. "qualifying" или "descriptive genitive", которую следовало бы трактовать как адъективизацию формы N's (Бархударов, 1966: 57-59).

Иртеньева и др. отличают две подгруппы детерминативов: определенные и неопределенные. К определенным детерминативам относятся: the, this(these), that (those), my, our, his, her, your, their, its и what, whose, which. К неопределенным детерминативам относятся: a(an), another, some, any, every, (n)either и no (Irtenyeva et al., 1969:14).

Так как в определении детерминативов самым важным критерием является синтаксический критерий, то более целесообразными способами для выявления слов группы детерминатива являются трансформация (Бархударов, 1966) и субституция (в том числе и пробы переставления и опускания) (Grimm, 1970).

После определения всех членов группы станет возможным выявить сходства и различия между отдельными членами (Grimm, 1971) или связи между детерминативами и определяемыми словами (Quirk et al., 1972) или же между детерминативами и их окружностью (Christ, 1967).

Но пока нет единого мнения о группе функциональных (служебных) слов, которые являются сигналом о субстантивном словосочетании и которые называются разными авторами детерминативами, словами-определителями существительного, "determinatives, determiners, Artikelwörter, Begleiter des Substantivs, nimisõna piiritlejad, и.т.д.

Из многочисленных определений детерминатива можно выделить следующие общие черты:

1) это группа функциональных (служебных) слов, которые немногочисленны и представляют собой замкнутую систему;

2) они являются своеобразным признаком-сигналом о том, что словосочетание, в которое они входят, субстантивное;

3) они характеризуются своим определенным местом на левой стороне субстантивного словосочетания. Они обычно стоят на первом месте в словосочетании, перед ними могут стоять только так называемые преддетерминативы: all, both, double, twice, thrice, half, such, quite, rather;

4) присутствие одного детерминатива исключает использование какого-либо другого детерминатива в данной синтагме;

5) лексическое значение детерминативов отличается высокой степенью абстракции и его трудно определять если детерминатив изучается отдельно от имени существительного вне синтаксических связей.

Л и т е р а т у р а

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966.

Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М., 1965.

Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. М., 1956.

Израилевич Е.Е., Качалова К.Н. Практическая грамматика английского языка. М., 1955.

Иофик Л.Л. (от. ред.) Структурный синтаксис английского языка. Пособие по теоретической грамматике. Л., 1972.

Лимарь Л., Некрасова А., Степанова Т. Конспект лекций по теоретической грамматике английского языка. Л., 1972.

- Миرونец Ю.А. Учение об артикле в английской грамматике XVI-XVIII веков. - Филологический сборник. Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Гос.Университет им. А.А. Жданова. Л., 1969.
- Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.
- Хорнби А.С. Конструкции и обороты современного английского языка. М., 1958.
- Цисере С. Категория определенности и неопределенности имени существительного в английском языке и методика ее преподавания в сравнительном аспекте с латышским языком.Канд. дисс. Рига-Тарту, 1961.
- Christ, H.I. Modern English in Action. Boston 1967.
- Deutschbein, M. Grammatik der englischen Sprache für höhere Schulen auf wissenschaftlicher Grundlage. Leipzig 1926.
- Ehin, A. Inglise keele grammatika keskkoolile. Tallinn 1970.
- Fries, Ch. The Structure of English. New York 1952.
- Grimm, H.-J. Der Artikel im modernen Deutsch. - Sprachpflege, Heft 1, Januar 1970.
- Grimm, H.-J. Synonymische Beziehungen zwischen einigen Artikelwörtern der deutschen Sprache. - Deutsch als Fremdsprache, Heft 5, 1971.
- Irteneva, N.F., Shapkin, A.P., Blokh, M.Y. The Structure of the English Sentence (A Practical Course). Moscow 1969.
- Kiviväli, G. Theoretical English Grammar. An Introduction to the Discipline. Tartu 1971.
- Morokhovskaya, E.J. Theoretical Grammar through Practice. Leningrad 1973.
- Nesfield, J.C. Outline of English Grammar. London 1938.
- Palmer, H. A Grammar of Spoken English. Cambridge 1955.
- Quirk, R., Greenbaum, S. A Concise Grammar of Contemporary English. New York 1973.
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. A Grammar of Contemporary English. New York, London 1972.
- Roberts, P. English Syntax. A Book of Programmed Lessons. New York 1964.
- Sweet, H. A New English Grammar, Logical and Historical, Part I. Oxford 1892.
- West, A.S. The Revised English Grammar. Cambridge 1919.

LEXICAL TRANSFORMATION IN TRANSLATION
(A CONTRASTIVE STUDY)

U. Lehtsalu, G. Liiv

The aim of a linguistic theory of translation is to establish laws governing the main aspects of the process of translation. Due to differences in the structures of different languages the translator has to resort to numerous typical changes, which may be called interlingual transformations (Бархударов, 1975:6). Transformations in translation include both lexical and grammatical changes.

Lexical transformations consist in the use of lexical units in the target language which are not necessarily included in dictionaries as equivalents of the corresponding lexical unit in the source language.

As all lexical transformations are based on various logical relations between the notions involved, they are not limited to a definite pair of languages (Гар, 1971:78, 82). The choice of the most suitable types of transformation, however, depends on the peculiarities of each language pair (Пенкер, 1974: 39).

In the following brief survey the most typical types of lexical transformation will be discussed: substitution (concretization, generalization, semantic expansion based on the logical relations of cross interchange), addition and omission.

Concretization of meaning is a type of interlingual transformation based on the logical relation of subordination. Actually two types of concretization can be distinguished: the substitution of something more special for a general notion and of a concrete thing for an abstract notion.

Concretization of meaning is often caused by the existence in English of words of a general meaning with no semantically exhaustive counterpart in Estonian. To this group of words belong nouns like "thing", "affair", "business", "drink". Concretization in each case depends largely on the context, e.g.

"I wish to God I had a drink," I whispered. (G. Greene)
"Kui mul, taeva pärast, oleks ometi tubli naps," so-
sistasin.

Pyle had invited himself for what he called a drink.
(G. Greene)

Pyle oli end külla pakkunud - klaasi viski peale, nagu
ta ise ütles.

"Coming over for a drink, honey?" Eva asked her.
(J. Braine)

"Kas tulete meiega natukeseks klaasi tõstma, kallid?"
küsis Eva temalt.

There are also a number of verbs in English (say, come, go, be, have, etc.) which are more general in meaning than the closest Estonian equivalents and which are often differentiated in translation, e.g.

He got leukemia and died when we were up in Maine.
(J.D. Salinger)

Ta haigestus valgeveresusse ja suri ... kui me veel
Maine'is elasime.

It was all about this play she was in in school.
(J.D. Salinger)

Seal oli pikalt-laialt näidendist, milles ta kaasa män-
gis.

Concretization is frequently caused by differences in usage of stylistic considerations, as can be seen in the following example:

"We win, or what?" he said. "Nobody won," I said ...

"What?" he said. He always made you say everything
twice. "Nobody won," I said. (J.D. Salinger)

"Kas meie võit või?" - "Keegi ei võitnud," vastasin ma
... "Kuidas nii?" imestas ta. Ta laskis sul alati üht
asja kaks korda korrata. "Keegi ei võitnud," vastasin
ma.

Concretization is also due to the fact that abstract words occur more frequently in English than in Estonian. For instance, abstract nouns denoting qualities, actions or states, typical of English, are replaced by more concrete ways of expression in Estonian, e.g.

She is of an unbelievable barbarousness. (E. Hemingway)

Ta on uskumatult jõhker naine.

A choke came up in his throat. (J. Galsworthy)

Midagi lämmatavat kerkis talle kurku.

Annette murmured assent. (J. Galsworthy)

Annette promises midagi nõusolevat.

Concretization of meaning is a most typical feature of lexical transformation in translating from English into Estonian.

Another type of lexical substitution based on the logical relation of subordination but opposite to concretization is generalization of meaning.

Generalization in translation consists in the substitution of the general for the specific, of the generic for the individual. In the translation of fiction generalization is often caused by pragmatic considerations. The pragmatic aspect of translation is connected with the extralinguistic experience of the participants in communication, with their background information (Neubert, 1960: 30-31). While scientific literature is usually meant for specialists in a certain field all over the world, fiction is written, in the first place, for native speakers. Consequently, it may include information not comprehensible to the speakers of the target language. Translating lexical units denoting national realia the translator must often resort to generalization, in order to avoid harassing his reader with an excess of explanatory notes, e.g.

I'd have been willing to wait for the Crescent to come down on us. (T. Capote)

... oleksin meelsasti oodanud, kuni kiirrong mulle ot-
sa kihutab.

... he was one of these very intelligent guys - he had the highest I.Q. of any boy at Whooton. (J.D. Salinger)

... ta oli väga intelligentne poiss - kõige kõrgema intelligentsitasemega üle kogu kooli.

Elizabeth and I am planning a Halloween party. (T. Capote)

Elizabeth ja mina plaanitseme pühakute päeva puhul häs-
ti maruda olengu korraldada.

Old Stradlater was putting Vitalis in his hair. (J.D. Salinger)

Stradlater määris pumatiga oma juukseid.

In general, however, due to the peculiarities of English and Estonian generalization may be regarded as less typical in translating from English into Estonian.

Semantic expansion consists in lexical transformation based on the logical relation of cross interchange (e.g. the relations between cause and result, action and state (or consequence), subjective and objective, etc.). In the present study only a few most typical examples are given.

The objective point of view in English is often replaced by a subjective one in Estonian, e.g.

The great clumsy thing heated his forehead. (J. Galsworthy)

Suure kohmaka peakatte all oli ta laubal palav.

Each sunbeam which came through the chintz had annoying brilliance. (J. Galsworthy)

Iga päikesekiir, mis läbi sitseesriide paistis, tundus talle ärritavalt eredana.

... horror stirred within Jolyon. (J. Galsworthy)

... vana Jolyon tundis õudust.

Causal relations serve as the basis for various kinds of transformation. For instance, action and result, event and consequences, reason and consequences can be interchanged:

I would like to have it hidden in the utmost security. (E. Hemingway)

Ma tahaksin, et ta oleks võimalikult kindlas kohas.

... he lowered himself... and drank from the stream.

The water was achingly cold. (E. Hemingway)

Ta ... kummardus ja jõi ojust. Külmast veest hakkas suulagi kipitama.

He is dead since April. (E. Hemingway)

Aprillis sai surma.

A letter, handed to him after dinner, reduced him to silence. (J. Galsworthy)

Pärast sööki toodi talle kiri; seda lugenud, jäi ta vaikseks.

Another frequent type of lexical transformation is addition of lexical units in translation.

It is a characteristic feature of English to omit in the surface structure some semantic element present in the deep structure of the sentence (Бархударов, 1975: 221). In other words, a semantic element may be implicit in the source language. Z.S. Harris calls such elements "appropriate words". He defines an appropriate word as "the main word to occur with the particular other words in the given culture or subject matter" (Harris, 1970: 559-560). For instance, if we say in English "I began the novel" the appropriate word may be either "to read" or "to write", depending on the situation.

As identical deep structures may be associated with different surface structures in different languages, the implied appropriate word has often to be rendered explicit in translation, e.g.

The conductor came round for old Mrs. Morrow's ticket.
(J.D. Salinger)

Just sel hetkel tuli konduktor missis Morrow piletit kontrollima.

Additions are often inevitable in the translation of attributive word-combinations, as the semantic relations between their components may be more complicated in English than in Estonian, e.g.

Un-American Committee - Ameerikavastase tegevuse uurimise komisjon

solid engine - tahkekütusel töötav mootor

In fact, a nose for danger was the most useful single gift in the political in-fighting. (C.P. Snow)

Tõepoolest, hea nina hädahoju suhtes oli sisemises poliitilises võitluses kõige kasulikum anne, mis ühele inimesele oli antud.

Additions are often connected with pragmatic considerations in order to provide the reader with necessary additional information, e.g.

... for dessert you got Brown Betty, which nobody ate.
(J.D. Salinger)

... magussõõgiks oli "pruun Betty", õuna-leiva vorm, mida keegi ei söönud.

... she used to have a pipe and a can of Prince Albert.
(T. Capote)

... tal oli piip ja purgitäis "Prints Alberti" tubakat.

As a rule, additions are used translating words formed by means of conversion, e.g.

She was a stout, good-looking thirty-five and still unmarried. (A. Sillitoe)

Lydia oli lopsakas ja nägus kolmekümne viie aastane piiga, alles vallaline.

... the fire-brigade had hosed the square. (G. Greene)

... tuletõrje oli skvääri oma voolikutega puhtaks uhtunud.

Due to differences in usage additions are also frequently resorted to in rendering the semantic function of certain expressive means and stylistic devices, such as metonymy and epithets, which are not characteristic of Estonian, e.g.

The theatre had been wild. (I. Shaw)

Õntu teatris oli olnud pöörane.

Mr. Bates ... turned his chair to look at the small tight dynamite headmaster as he entered the room. (A. Sillitoe)

Mr. Bates ... pööras tooli, et jälgida klassi sisenevad lüheldast, sitket, otsekui dünamiidiga laetud direktorit.

The formal monotonous ticking of the Louis Quatorze clock annoyed him. (O. Wilde)

Louis XIV stiilis kella ühetooniline tiksumine ärritas teda.

Omissions constitute another type of lexical transformation, opposite to additions. Omissions in translation are often caused by the existence in the source language of semantically redundant elements, i.e. elements the meaning of which is supplied by the context. (Бархударов, 1975: 226).

In translation from English into Estonian omissions occur in rendering the semantic function of pairs of synonyms with identical or closely related referential meaning, e.g.

The treaty was pronounced null and void.

Leping kuulutati kehtetuks.

She seated herself in the swing, very silent and still.

(J. Galsworthy)

Väga vaikselt istus Holly kiigel.

Omissions may sometimes also be regarded as typical in the translation of modal verbs, for instance, of the modal verb 'can' with verbs denoting perception of senses and mental perception, e.g.

... she could see plainly the still lighted window.

(J. Galsworthy)

... üsna lähedal nägi ta selgesti alles valgustatud aknaid.

... he could feel nothing but utter physical sickness.

(J. Galsworthy)

... siis ei tajunud ta midagi peale ülima tülgastuse.

Modality may become redundant in translation in a certain context. e.g.

Did Soames think they must go down if there was war?

(J. Galsworthy)

... kas Soames arvab, et nad lähevad, kui sõda tuleb?

Different types of lexical transformation should not be regarded as isolated from one another by strict borderlines. More often than not various types of transformation are manifest simultaneously. For instance, transformations based on the interchange of cause and consequences, objective and subjective point of view can often be found existing together, e.g.

The last drenching night in the tree-house had left me with a bad cold. (T. Capote)

Viimasel läbiletaval ööl puu-elamus olin mina saanud rängalt külmetada.

Moreover, lexical transformations are often accompanied by changes in the structure of the sentence, i.e. by grammatical transformations.

We can also speak of complex types of transformation. For instance, a widely occurring type called antonymous transformation involves the interchange of antonymous lexical units (thus consisting in semantic expansion based on the interchange of opposite notions) as well as that of affirmative and negative constructions, e.g.

Selena's attitude defied clemency. (J.D. Salinger)

Selena hoiak ei kutsunnd leebusele.

I'm biased. I want to keep her. (G. Greene)

Ma pole erapooletu. Tahan teda endale hoida.

The complex nature of transformation creates difficulties in practical translation, nevertheless, it is an extremely interesting phenomenon from the point of view of the theory of translation.

R e f e r e n c e s

Harris, Z.S. Papers in Structural and Transformational Linguistics. Dordrecht 1970.

Neubert, A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung. Beihefte zur Zeitschrift "Fremdsprachen", II. Leipzig 1968.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Москва, 1975.

Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. В кн.: Семантическая структура слова. Психологические исследования. Москва, 1971.

Ренкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика, Москва, 1974.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОНЯТИИ ОЦЕНКИ
В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ РЕЧИ
(на материале шведской прессы)

И. Мулламаа

Целью данной статьи является краткое изложение вопроса о значимости оценки в газетно-публицистическом стиле речи, особенно в подстиле передовой статьи, а также возможность лингвистического опознавания оценки и различения ее от описывающей характеристики предметов, явлений и событий.

Проблема оценки и ее лингвистического выражения приобретает особую значимость при изучении языка и стиля средств массовой информации и пропаганды. Язык газетной публицистики следует при этом рассматривать как принадлежащий к отдельному функциональному стилю речи, который понимается как "определенная социально осознанная разновидность речи, соответствующая той или иной сфере общественной деятельности и форме сознания, обладающая своеобразной стилистической окраской, создаваемой особенностями функционирования в этой области языковых средств и специфической речевой организацией (структурой), имеющая свои нормы отбора и сочетания единиц, определяющиеся задачами общения в соответствующей сфере" (Кожина, 1966: 13).

Газета как общественное явление является не только средством передачи информации читателям, но и средством оценки излагаемых фактов и событий, оказывающей идеологическое воздействие на читателей.

Эффективность этого воздействия зависит в лингвистическом плане от умения авторов статей использовать языковые средства для достижения поставленной ими цели, так как одна и та же тематика, одни и те же идеи могут быть переданы разными языковыми средствами, даже одни и те же денотаты могут в известных пределах обозначаться разными, но более или менее эквивалентными языковыми знаками, лексическими и грамматическими синонимами.

В то же время важно заметить, что сама цель газеты определяет язык газеты как принадлежащий к отдельному функциональному стилю, ибо "стилистическое построение есть построенное целевое, целесообразное, а следовательно, различные типы

этих построений могут между собой различаться по тому, какаа цель тому или иному построению предпослана, каково структурное задание каждого такого построения в каждом отдельном случае" (Винокур, 1976: 45).

От характера целей и целесообразного использования языковых средств зависит эффективность социально-политической деятельности авторов газет. Эта целесообразность связана с использованием газетных стандартов и с их преодолением для усиления экспрессии (Костомаров, 1971: 31; Vinje, 1970: II6). Обе тенденции обнаруживаются во всех жанрах газеты и можно полагать, что именно умение создать экспрессию, использовать свежий язык и новые выражения и слова делает газету более интересной, а тем самым, и более способной к эффективному воздействию на читателей.

Интересно заметить, что иногда такая экспрессивность связывается с оценочным характером высказывания (Костомаров, 1971: 158). Нам представляется однако, что понятие экспрессивности шире понятия оценочности и что не всякая языковая экспрессия представляет собой оценку, а лишь такая, где можно выделить структурные компоненты оценки. Наличие экспрессивной окраски, характеризующейся отсутствием оценочного момента, отмечается и Н.М. Разинкиной (Разинкина, 1972: 24).

Содержанием и функциональной сферой газетно-публицистического стиля речи является общественная жизнь с ее разными областями — экономической, идеологической, культурной, спортивной и др. Следовательно, изложение и оценка событий в газете охватывают практически все стороны жизни общества и потому имеют огромное значение для выработки социально-политических установок его отдельных членов.

Статистика показывает, что в Швеции общий тираж газет постоянно растет, хотя число названий газет уменьшается (в 1974 году в Швеции издавалось 4 602 800 экземпляров в рабочие дни — Statistisk årsbok, 1975: 506).

С точки зрения исследования оценки и ее лингвистического выражения в крупных шведских газетах (stortidningarna) наибольший интерес представляет жанр передовой статьи, который, по мнению шведского лингвиста Л. Грана, является самым типичным представителем газетного стиля, наряду с репортажем (Grann, 1962: I21-I22). В передовых статьях содержится больше оценок, чем в каком-либо другом жанре (исключая, может быть, фельетон), так как целью передовиц служат коммен-

тарии и оценки самых важных внутри- и внешнеполитических событий; в то же время эти комментарии и оценки часто выражают не мнение отдельного автора, а позицию той или иной партии и еще шире — общественного класса, рупором которого и выступает газета.

Отбор лингвистических средств производится отдельным автором на основе осознания целей этого класса, целей данной статьи и целей конкретных высказываний в ней. Система этих целей отражается и особым образом преломляется в каждом конкретном высказывании и выступлении публициста.

Языковое оформление газетных материалов зависит не столько от тематики конкретной статьи, сколько от задач агитации и пропаганды (Костомаров, 1971: 38), а это значит, что в нем выявляется прагматическая сторона газетных текстов, т.е. выражается отношение автора высказывания к используемым им языковым знакам, к предмету мысли и к читателям. Это трехстороннее отношение определяется прежде всего целью данного акта коммуникации, в ходе которого автор стремится вызвать у читателей соответствующее отношение к объекту высказывания (Клаус, 1967: 21; Бархударов, 1975: 66—67). Прагматика включает отношение к языковым символам как отправителя, так и получателя информации, поскольку прием прагматической информации означает завершение коммуникативного акта, достижение поставленной автором цели.

Представляется, что прагматические моменты в высказываниях со стороны отправителя информации не в последнюю очередь реализуются через оценивание, использование оценочных слов. В философском плане оценивание должно рассматриваться как системный компонент человеческой деятельности, как особый вид отражения человеком окружающей действительности (Канган, 1974: 45).

Оценивающая деятельность человека (и ее выражение в речи) неразрывно связана с познавательной деятельностью, но не тождественна ей. Различие состоит в том, что при оценивании активность человека (субъекта), будучи направлена на предмет (объект), имеет характер осознания значимости и ценности объекта для этого человека (субъекта). Значит, оценка главным образом исходит от субъекта и определяется им, а не объектом, на который оценивающая деятельность субъекта направлена (Хапсироков, 1972: 258). Важнейшим при раскрытии сущности ценности и оценки является вывод о том, что их можно

определить только как базирующиеся на отношении между субъектом и объектом (Дробницкий, 1966: 33; Ивин 1970: 13; Каган, 1974: 63; Столович, 1972: 30, 39-40).

Оценивающая деятельность имеет определенную целенаправленность, ее функцией является создание ценностной ориентации или воздействие на уже имеющуюся ценностную ориентацию. Если учесть, что именно посредством знаковых систем, преимущественно через язык как первичную знаковую систему, через речевую деятельность оценочные суждения передаются другим членам общества, то можно полагать, что оценивание в процессе коммуникации перерастет в воздействие данного оценивающего субъекта на другие субъекты. Субъектом может при этом быть не только индивид, но "и социальная группа, общественный класс и общество в целом" (Каган, 1974: 69). В последнем случае мы имеем дело с общественным субъектом, и в газетно-публицистическом стиле речи, а особенно в передовых статьях, оценивание представляет собой оценку и воздействие через нее со стороны общественного субъекта на ценностную ориентацию читателей в сфере общественной психологии и идеологии.

Речевая коммуникация, речевая деятельность подчинена общей цели человеческой деятельности, т.е. имеет неречевую цель, и всякое высказывание, хотя оно и лингвистически детерминировано (структурой данного языка и языковой нормой), является высказыванием содержания, которое в конечном счете определяется экстралингвистическими целями и потребностями говорящего или пишущего лица. Можно полагать, что каждое полнозначное языковое выражение и языковый знак имеют объективный, предметнологический план, связанный с характером означиваемых денотатов - референциальное значение, далее также объективное внутрilingвистическое значение и наконец субъективный план, зависящий от установок, намерений и целей субъекта - прагматическое значение (Бархударов, 1975: 65-68).

В языковом выражении социально-политической проблематики мы имеем дело с осознанными речевыми высказываниями, т.е. субъект (говорящее или пишущее лицо) имеет полное представление о том, какие цели он своим высказыванием преследует, кому адресуется это высказывание, какие лингвистические (а также паралингвистические) средства нужно выбрать для передачи данного содержания читателю. Цели высказывания определяют его лингвистический план, который может в согласии с общим системным пониманием человеческой деятельности иметь

абстрактно выделяемые констативную, оценочную и предписательную части (Ивин, 1970: II; Шатков, 1975: 64).

Изучение языковых средств, которые используются в оценивающих целях, требует точного определения самого понятия оценки, а также анализа структуры оценок. Это важно и потому, что оцениваются не сами языковые знаки, а то, что ими обозначается — денотаты; нельзя анализировать выражение оценок, не уяснив сперва, что оценки представляют собой в гносеологическом и логическом планах.

В философской, а тем более в лингвистической литературе нет пока однозначной трактовки вопроса об оценке. Мнения лингвистов расходятся, например, в том, считать ли оценкой лишь суффиксально выраженную личную оценку, (напр. миленький, трусишка (в русском языке), или существуют еще кое-какие лингвистические способы выражения оценки (Никитевич, 1960: 81-91). В большинстве лингвистических работ, упоминающих об оценке, не делается даже попытки дефинировать ее понятие. Более приемлемым является, на наш взгляд, аксиологическая интерпретация понятия оценки А.В. Зубовым, который дает следующее определение: "Оценка есть определение ценности (значимости) объекта для субъекта. Оценка (познание ценности) не эквивалентна познанию объективных свойств оцениваемого объекта. Следовательно, нет оценки без субъекта (как и без объекта) (Зубов, 1973: 55).

Это определение кажется нам принципиально правильным, но нуждается в уточнении понятия ценности, отношения ценности и оценки, а также в дополнительном рассмотрении вопроса о структуре оценки, так как представляется, что каждая оценка должна иметь принципиальную структурную композицию.

Более подробный анализ природы и структуры оценок требуется и потому, что не всякая характеристика предмета или явления является оценкой. Трудно различать дескриптивное и оценивающее использование слов без контекста, но в зависимости от последнего иногда различают чисто оценочные слова (*rena värdeord*) смешанные оценочные слова (*blandade värdeord*), с помощью которых одновременно дается описание и оценка, и дескриптивные слова (*deskriptiva ord*) (Mare-Wogau, 1967: 13).

В нашем понимании оценочный характер лексики зависит от того, выделяется ли в речи субъектно-объектное отношение и структура оценки. Если такого выделения нет, то мы имеем

дело с чисто дескриптивным использованием языковых средств.

Выделение оценки усложняется и тем, что не существует каких-то формальных критериев, которые могли бы служить основанием для отнесения языковых выражений к оценкам, так как авторы передовых статей обычно воздерживаются от прямых оценок, в которых имеется наглядно выраженный оценочный предикат, напр.: "Tanken att ... är befängd". (Dagens nyheter, 30/3, 1974). Такие прямые и открытые оценки встречаются очень редко даже в передовицах на внутривнутриполитические темы.

Чаще всего оценку выражают через т.н. выбор чистых фактов, что в большинстве случаев означает варьирование лексем для обозначения одних и тех же денотатов, где положительное или отрицательное значение входит в семантическую структуру слова, напр.: *sysselsättningsminskningen*, *personalminskningen*, *det minskade personalbehovet*; *permitteringen*, *avskedandet*, *bortrationaliseringen*, *friställningen av arbetskraften*.

Нередко используются также переносы и сравнения, которые создают дополнительную оценочную экспрессию. Напр.: "Det är som om den tidigare fullblodspolitikern, som slogs med hetta för sina idéer, höll på att förvandlas till ett nationalmonument i kylig marmor".

"Detta samhälle präglas i dag av en hänsynslös rovdrift på både den mänskliga och fysiska miljön. (Dagens nyheter, 8/3, 1974)".

Оценивание не является описывающей характеристикой объекта, так как оценивающая деятельность направлена не на объект познания как таковой, а на его ценность или значимость для субъекта, т.е. по сути дела эта ценность или значимость и является объектом. Это значит, что ценностями являются не сами эти предметы, а их предрасположенность, потенциальная возможность быть значимыми для субъекта. Как пишет И.С. Нарский, "ценности существуют диспозиционно" (Нарский, 1969: 225). Эта предрасположенность, диспозиция становится действительной функцией предмета и выступает как оценка только в определенных связях с познающим субъектом: "Ценность как объект оценки не может существовать ни сама по себе, ни для другого (предмета - И.М.). Актуально она существует только для нас (для субъекта - И.М.)" (Хапсироков, 1972: 140). Значит, ценность всегда объективна, но оценивание ее является субъективным (Столович, 1972: 55), т.к. исходит из

потребностей, установок, требований и стремлений субъекта, которые в конечном счете общественно детерминированы.

Раз оценки субъективны, то они и релятивны, но могут быть правильными или ложными. Релятивность оценок в газетном языке проявляется, например, в хорошо известном придавании разного оценочного значения словам *demokrati, frihet, socialism, kapitalism, kommunism* etc. в газетах, представляющих разные общественные классы и разные партии Швеции. С точки зрения содержания истинными мы считаем оценки, входящие в идеологическую систему исторического прогрессивного класса, в наше время - в идеологию рабочего класса. С точки зрения структуры оценки мы имеем здесь дело с разными оценивающими субъектами и с разными основаниями оценки и именно этим объясняется разное оценочное значение одних и тех же лексем, хотя их детонаты и одинаковы (ср. Зубов, 1973: 63).

Возможность разных оценок одних и тех же предметов и явлений обуславливается своеобразием принципиальной структуры оценки. Попытаемся сейчас в основном на основании работ А.А. Ивина и А.Я. Хапсирокова (Ивин, 1970; Хапсироков, 1972) дать краткое объяснение понятия оценки и ее структуры, это объяснение мы считаем необходимой предпосылкой для анализа языковых средств выражения оценки.

Представляется возможным определить оценку как выражение субъективной деятельности, направленной на объект на основании его ценности для того же субъекта. В этом определении встречаются все четыре компонента оценки, которые разработаны в философской литературе - субъект, объект, основание и характер.

Эти четыре компонента структуры оценок должны в принципе присутствовать (эксплицитно или имплицитно) при любой оценке. Например, в предложении "Felet med hr.Strängs politik under de gångna åren har varit att åtgärderna kommit för sent". (Dagens nyheter, 14/3, 1974) можно вывести все четыре компонента оценки. Здесь мы очевидно имеем дело с критикой политики министра финансов Швеции. Объектом является политика, субъектом автор статьи и конкретным, эксплицитно выраженным основанием негативного характера оценки (*felet*) то обстоятельство, что конкретные меры его политики в течение последних лет оказались запоздалыми.

При определении оценки было бы идеальным, если бы мы во всех случаях могли выделить все четыре компонента структуры

оценки, но в лингвистическом выражении оценки некоторые компоненты часто отсутствуют или выражены имплицитно. Это особенно к основанию оценки, т.е. к ее аргументации. Опущенные аргументации часто стараются заменить выражениями *reell(t), egentligen, i realiteten, i själva verket, etc.*, которые на первый взгляд кажутся пустыми выражениями, однако по существу отражают позицию газеты, характеризуя ее как реальную и действительную, т.е. позитивную. Эта позиция и является основанием отнесения всех других взглядов к неправильным и негативным. В большинстве шведских передовиц трудно найти примеры указанного типа:

"Men oavsett hur det må gå med den saken är den reella innebörden av lördagens EG-uppgörelse skäligen dunkel". (Dagens nyheter, 27/3, 1974).

"Men i själva verket ligger priserna ... betydligt högre". (Dagens nyheter, 27/3, 1974).

Из трактовки оценивания как выражения субъектно-объектных отношений логически следует, что основным в этих отношениях является субъект, так как оценка всегда является чьей-то оценкой. Можно согласиться с определением субъекта оценки А.А. Ивиным: "Под субъектом (субъектами) некоторой оценки понимается лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки" (Ивин, 1970: 21). Нужно добавить, что под определением "группа лиц" следует понимать групповой или общественный субъект и что оценка по своему выражению носит преимущественно личный характер, так как выражается отдельным индивидом. Когда мы говорим об общественном субъекте оценки, то имеем в виду, что эта оценка общественно детерминирована, например, классовой принадлежностью автора статьи в газете. Субъект оценки и сама оценка неразделимы, взаимоопределяют друг друга, т.е. оценка, данная какому-то объекту, характеризует и как бы расшифровывает самого субъекта.

Под объектами оценок мы понимаем те предметы и явления, в адрес которых выражается отношение субъекта (субъектов) (ср. Ивин, 1970: 24). Объект оценки является источником ее возникновения, но не полностью обуславливает оценку по содержанию и по форме (Халсироков, 1972: 159). Значит можно утверждать, что понятие, содержащееся в оценке, связывается с ценностными качествами конкретного объекта, но не является описывающей характеристикой этого объекта.

Объектами оценки могут быть предметы и явления материальной, надстроечной и духовной сферы человеческой деятельности. В газетно-публицистическом стиле речи и особенно в передовых статьях преобладают оценки в адрес общественного объекта (разные классы общества, общество в целом или отдельные его представители), в адрес его политической, правовой и общекультурной деятельности, а также в адрес соответствующих духовных явлений и продуктов.

Важно отметить, что объект оценки может быть многоаспектным и что субъект, оценивая объект, обычно выбирает одно конкретное свойство объекта, которое в лингвистическом плане является денотатом названия. Выбор этот очевидно должен быть поставлен в зависимость от каких-то обстоятельств, более устойчивых, чем установки, стремление и потребности, влияющие на оценку, производимую субъектом. Всякая оценка осуществляется на основании чего-то. Представляется возможным под основанием оценки понимать то инвариантное, в конечном счете общественно детерминированное в потребностях и установках субъекта, что определяет содержание и характер оценки (ср. Ивин, 1970: 21). Основанием оценки могут служить общественные стандарты и идеалы, а также другие оценки, которые в таком случае могут приобрести статус своеобразных стандартов и идеалов.

Как было отмечено выше, основание часто не имеет конкретного лингвистического выражения, а является имплицитным, зависящим от социального контекста. Отсутствие эксплицитно выраженного основания намекает на немотивированность и недостаточную аргументацию оценки, и степень субъективизма таких оценок очень высока.

Различие между объектом и основанием оценки заключается в том, что "если оцениваемый объект определяет направленность оценки, делая тем самым ее конкретной и определенной, то основание оценки обуславливает ее по содержанию, форме и типу" (Хапсироков, 1972: 163).

Основание оценки является и определителем характера оценки, который может быть негативно маркированным, позитивно маркированным или немаркированным, т.е. иметь, соответственно, отрицательное или положительное значение для субъекта или является нейтральным, безразличным к потребностям и установкам субъекта. Так как при лингвистическом анализе важно выделить маркированность оценки, не будем вдаваться в

неразрешенную проблему названия разных полюсов оценки и ценности у разных авторов (см. Ивин, 1970; Хапсироков, 1972; Тугаринов, 1968; Дробницкий, 1966; Анисимов, 1970).

Под характером оценки следует понимать конкретный способ ее выражения, который зависит прежде всего от потребностей и установок субъекта, исходит от субъекта и составляет сущность оценки. Характер оценки не тождественен характеру познания оцениваемого объекта.

Настоящая статья не ставила целью полное описание лингвистических средств выражения оценки в передовицах шведских газет. Наблюдения над использованием и выражением оценки в передовых статьях газеты "Dagens nyheter" за 1974 год выдвинули нашу главную задачу — определить понятие оценки и ее основные структурные компоненты. Такое определение является необходимым для любого лингвистического анализа выражения оценки в речи вообще и в интересующем нас жанре газетной публицистики — в частности.

Л и т е р а т у р а

- Анисимов С.Ф. Ценности реальные и мнимые. М., 1970.
- Бархударов Д.С. Язык и перевод. М., 1975.
- Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология (методологическая справка) в: Хрестоматия по теоретическому литературоведению I. Тарту, 1976.
- Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценности в: Проблемы ценности в философии. М.-Л., 1966.
- Зубов А.В. Относительно некоторых лингвистических средств оценки в прессе в: Сборник научных трудов МГПИИЯ, вып. 72. М., 1973.
- Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970
- Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974.
- Клаус Г. Сила слова. М., 1967.
- Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966.
- Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
- Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.
- Никитевич В.Н. К вопросу о категории оценки в русском языке. Н.Д.В.Ш. Филологические науки. № 3. М., 1960.

- Разинкина И.М. Стилистика английской научной речи. М., 1972.
- Столович Л.Н. Природа эстетической ценности. М., 1972.
- Тугаринов В.Ц. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.
- Шатков Г.В. О философских основах науки о переводе. - Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков. Материалы всесоюзной научной конференции I. М., 1975.
- Grahn, L. Ledare och reportage. Försök till stilistisk analys av några texter i Dagens Nyheter hösten 1962. "Nysvenska studier", 42, 1962.
- Marc-Wogau, K. Värdeomdömen, språk och språkvård. "Språk och kommunikation". Lund 1967.
- Statistisk årsbok, Stockholm, 1975.
- Vinje, F.-E. Moderne norsk avisspråk. Oslo, 1970.

ON THE RELATIVE SEQUENCE OF NOUN PREMODIFIERS AND
ADJECTIVES IN MIXED COORDINATION

Oleg Mutt

In present-day English attributive adjuncts usually precede the noun they qualify. The exceptions from this general rule (poetical licence, remnants of French phrases, etc.) are not numerous, and are given in any of the major grammars (e.g. Zandvoort, 1966: 242-244).

The premodified noun phrase in English is potentially a very complex phenomenon. The head of the group can be premodified by a wide variety of items such as adjectives, participles, -s genitives, nouns, adverbial phrases and even whole sentences. Several types of premodifiers may occur alongside one another and be in turn premodified by adverbs, so that a maximally premodified nominal group might be something like the following: all my four very own such extremely attractive funny large black square varnished do-it-yourself Indian mahogany chairs (cf. Godfrey, 1965: 101; Quirk et al., 1973: 919). Such a clumsy and stylistically objectionable sequence is admittedly contrived and would not occur in actual use except perhaps in a humorous context. Sequences consisting of a noun head premodified by one or two nouns coordinated with adjectives are, however, a common occurrence in English to day (weekly and morning newspapers; in brisk, business terms; a large white mink detachable collar).

This possibility of using noun premodifiers alongside true adjectives has existed at least since the late 16th century. Examples from Shakespeare include you secret, black and midnight hags (Macbeth, IV, 1, 40); Cicero lookes with such ferret and such fiery eyes (R2, III, 2, 166); their alabaster innocent arms (R3, IV, 3, 11). In the 18th and 19th centuries the coordinated use of noun and adjective premodifiers spread gradually and has now become a familiar feature of English syntax (Jespersen, 1922: 314-315).

Multiple or heavy premodification, i.e. the use of

two or more noun premodifiers continues to be the subject of some controversy among English grammarians and stylists (Mutt, 1975: 29-37). No similar discussion has arisen around the kind of heavy premodification that involves the coordinated use of nouns and adjectives. This is probably because such a usage is rarer and hence less conspicuous. On the whole, little attention has been paid to the phenomenon we are here concerned with except from the viewpoint of its significance as a diagnostic criterion of the possible adjectivization of noun premodifiers.

Practically the only instance of a pertinent evaluative attitude the present writer has come across is H. Gleason's reference to "a certain resistance from native speakers to coordination of adjective and noun modifiers" (Gleason, 1965: 414). H. Gleason points out that wood and plastic furniture is generally preferred to wooden and plastic furniture. Likewise Californian and Nevadan customs, or California and Nevada cars, are acceptable but not +Californian and Nevada ... nor +Californian and Nevadan...; ocean and river water, but not +salty and river water. There is some reason to believe, however, E. Gleason goes on to say, that resistance to mixed coordination of this sort is relaxing at the present time and that "if this is the case, it probably portends a significant restructuring of patterns of modification". Such a restructuring is indeed taking place as recent books and periodicals abound in examples of the coordination of noun premodifiers and adjectives (see, the wide range of examples in, e.g. Gutschow, 1963: 12-13; Roey, 1964: 50-51).

At the same time a number of relevant questions remain unanswered. These include the question of the order in which noun and adjective premodifiers stand before their headword. This matter of word order is of considerable interest already from the practical aspect of English language teaching. Why is it, for instance, that in English one speaks of the Great October Socialist Revolution instead of +the Great Socialist October Revolution, which reproduces the word order of the same elements in, say, Russian and Estonian? Is the English word order in this case merely a

matter of tradition or are there constraints of balance and rhythm involved? Are there, perhaps, some established patterns from which native speakers select when they arrange the order of noun and adjective premodifiers? It is the aim of this paper to find out whether there are any factors governing the choice of word order in a mixed sequence of noun premodifiers and adjectives. The findings reported on are based on a limited amount of material and consequently of a preliminary and tentative character.

In case of coordination, the adjective(s) and the noun(s) may be (1) linked by a conjunction (television and commercial companies; commercial or business experience)¹, (2) separated by a comma representing a pause (their care-free, holiday look; in the open-air, healthy life) or (3) stand side by side without an intervening conjunction or comma (a first-class scientific translation, a 15th-century oak-timbered week-end cottage).

As may be seen from the two examples given in brackets after each of the three possibilities listed, the position of the noun premodifier with regard to the adjective appears to be free, i.e. one can use either the sequence noun premodifier + adjective or that of adjective + noun premodifier.

In actual fact, a free word order occurs only in cases (1) and (2), whereas case (3) is subject to certain constraints. The general principle here (i.e. when the premodifiers are not separated by a conjunction or comma) appears to be the same as for multiple adjectival premodification, viz. the premodifier most closely connected with the headword in meaning comes next to it (Sweet, 1924: 7; Иргеньева, 1975: 5-12). This means that of two or more premodifiers preceding a noun, that referring to inherent qualities such as colour, material, physical state, nationality, etc. usually comes directly before the headword: a long dark road; a steep rocky hill; a pretty French girl; a first-class scientific translation; our experienced Rome correspondent.

¹ All the illustrative examples here and hereinafter have been taken from **works** of fiction or periodicals published not earlier than the 1950s.

Examples of the order noun premodifier + adjective are conspicuously more common than those of the reverse order. It would appear that this is due, at least in part, to the existence in English of numerous analytical or semi-compounds consisting of an adjective and its headword, e.g. human being, long jumper, hot dog. The use of a noun premodifier before such an analytical compound is essentially different from the use of a coordinated sequence of noun + adjective premodifiers (cf. a top-class long jumper and a Carnaby Street woollen jumper). At the same time the existence of this common pattern (noun premodifier + adjective) would seem to have encouraged the habitual placing of a noun premodifier before the adjectival one.

When there are only two coordinated premodifiers their relative sequence is a fairly simple matter to decide. In a normal English attributive group (premodified noun phrase), however, there can be up to six premodifying items and hence six positions of order class (or precedence) of modifiers, counting right to left according to their proximity to the headword (Миракян, 1966, 7; Эмлина, 1968: 35-44; Sears, 1971: 37-407. The relative positioning of these items remains controversial. The fullest account to date of the dispositioning of premodifying items relative to one another and accessible to the present writer is that provided by R. Quirk and his co-authors in "A Contemporary Grammar of English" (Quirk et al., 1973: 916-926). Here one finds a number of discerning observations on the contrasts of meaning available through choice of position as well as on subtle points such as the preference (due to factual non-linguistic information) for beautiful long hair (to long beautiful hair), but long straight hair (instead of straight long hair). It is likewise pointed out that the item which must come next before the head is the type of adjective meaning 'consisting of', 'involving', or 'relating to'; next closest to the head is the noun premodifier: the London social life; a city political problem. Evaluative or subjective adjectives frequently precede those relating to size, while those in turn frequently come before those expressing shape; within size, expressions of height tend to

precede those of girth (a tall fat man rather than a fat tall man). Attempts to explain preferences have invoked rhythm; the tendency to use short items before long ones, common items before rare ones, restrictive before non-restrictive. Quirk et al. suggest the principle of a subjective/objective polarity accounting for all premodifiers. This means that modifiers relating to properties which are (relatively) inherent in the head of the noun phrase, visually observable, objectively recognizable or assessable, will tend to be placed nearer to the head and be preceded by modifiers denoting properties not visually observed and only subjectively assessable (Quirk et al., 1973: 926-927).

It should be pointed out, however, that the same authors qualify most of their pertinent statements with the words 'frequently', 'usually', 'often', etc. They also admit that with criteria which are themselves so subjective, there is plenty of room for difference of opinion, and that grammarians are far from being agreed on the factors that condition the native speaker's preferences (Quirk et al., 1973: 924). All the relevant observations are recapitulated in a summary Table (ibid., p. 925) which illustrates the principal tendencies in the ordering of different types of premodifiers in present-day English:

De- ter- miners etc.	Gene- ral	Age	Colour	Par- ticiple	Pro- venance	De- Noun nominal	Head
	the	extra- vagant				London social life	
	a			crumb- ling		church	tower
	a		grey	crumb- ling	Gothic	church	tower
	his	heavy new				moral responsi- bilities	
	a	small	green	carved	Chinese	jade	idol

Although Quirk et al. had the advantage of drawing upon the rich corpus of the Survey of English Usage in their research, the normal order of premodifiers obviously needs a fuller investigation in an experimental framework with native speakers of English. As far as is known to the

present writer this has not yet been done. All that we have is the results of a few rough sample tests and these do not seem to provide any conclusive evidence for assuming a regular or even a preferential sequence of premodifiers. Thus S. Chatman (1960: 98) describes how he distributed among six people a pack of eight cards which had been shuffled into random order and upon which were written the following words: (1) houses, (2) old, (3) dark, (4) beautiful, (5) the, (6) ten, (7) were torn down, and (8) stone. The subjects were instructed to make an English sentence. Six different arrangements of the words were obtained, viz., the ten dark old beautiful stone houses, the ten old beautiful dark stone houses, the ten old dark beautiful stone houses, the ten beautiful old dark stone houses, the ten dark beautiful old stone houses, the ten beautiful dark old stone houses. The ratios were as follows: four subjects placed beautiful first, one second and one third; one placed dark first, two second, and three third; and one placed old first, three second, and two third. Naturally, a much larger number of subjects, and a larger experiment might possibly show that certain sequences are preferred, but it seems doubtful, says S. Chatman, whether this has anything more than stylistic significance.

.....

The only conclusions that may be safely drawn from the foregoing survey are the following:

(1) Multiple premodification, including the coordinated use of noun and adjective premodifiers, is a characteristic and spreading feature of present-day English.

(2) There is no rigidly fixed normal ordering of premodifiers in English (cf. the relatively fixed order of premodifiers in present-day German as described by K.E. Sommerfeldt in this publication, pp. 103 ff.); the main principles that govern such dispositioning are meaning (communicative purpose) and various nonlinguistic considerations.

(3) In the case of the premodification of a headword by a noun premodifier and an adjective there is a marked tendency for the latter to be placed immediately before the headword (probably due to the widespread occurrence in the

language of analytical compounds like human being, hot dog, etc.

(4) Further research within an experimental framework, involving the problem of acceptability/non-acceptability and taking account of possible Anglo-American differences, etc. will hopefully shed more light on the generalizations that underlie the native speaker's preferences regarding word order in this relatively neglected area of English usage.

R E F E R E N C E S

- Chatman, S. (1960). Pre-adjectivals in the English Nominal Phrase. "American Speech" Vol. XXXV, No. 2.
- Gleason, H. A. (1965). Linguistics and English Grammar. New York.
- Godfrey, J. A. (1965). The Survey of English Usage. "English Language Teaching" Vol. XLX, No. 3.
- Gutschow, H. (1963). Probleme des attributiven und prädikativen Substantivs im Englischen. "Praxis des neu-sprachlichen Unterrichts" Vol. X, No. 1.
- Jespersen, O. (1922). A Modern English Grammar on Historical Principles. Part II, Syntax. First Volume. Heidelberg.
- Mutt, O. (1975). On a Controversial Point of English Stylistics. (Multiple Substantival Premodification - Asset or Liability?). "Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis" No. 357, Tartu.
- Quirk, R., S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik (1973). A Grammar of Contemporary English. London.
- Roey, J. van (1964). A Note on Noun-Noun Combinations in Modern English. "English Studies" Vol. 45, No. 1.
- Sears, D. A. (1971). The Noun Adjuncts of Modern English. "Linguistics" Vol. 72, August.
- Sweet, H. (1924). A New English Grammar. Part II, Syntax. London.
- Zandvoort, R. W. (1966). A Handbook of English Grammar. Fourth Edition. London.
- Иртеньева Н.Ф. (1975). К вопросу о расположении предьменных прилагательных в именной фразе. "Вопросы теории английского языка". МГПИ им. В.И. Ленина. Москва.
- Миракян Э.В. (1966). Испытание гипотезы В. Ингве на именной группе с препозитивным атрибутивным комплексом на материале английского языка. Автореферат канд. дисс. Ереван.
- Эмдина Ю.М. (1968). О некоторых факторов определяющих сложность и громоздкость английских именных сочетаний с препозитивными определениями. Научно-техническая информация (Серия 2), № 1.

STRUKTURELL-SEMANTISCHE ANALYSE DER DESEMANTISIERTEN VERBEN
legen, setzen und stellen IM VERGLEICH ZU IHREN ESTNISCHEN
ÄQUIVALENTEN panema/asetama

Mari-Ann Palm

O. Im vorliegenden Artikel wird ein Versuch unternommen, die deutschen kausativen Verben legen, setzen und stellen strukturell-semantic zu untersuchen und mit ihren estnischen Entsprechungen panema/asetama zu vergleichen. Da die deutschen Verben legen, setzen und stellen in mehreren syntaktischen Modellen vorkommen und dementsprechend viele Bedeutungen aufweisen, würde es die Grenzen eines Aufsatzes überschreiten, alle syntaktischen Modelle und Bedeutungen bzw. Bedeutungsnuancen in allen Einzelheiten darzulegen und sie dazu noch mit der estnischen Sprache zu vergleichen. Daher haben wir uns nur auf die desemantisierte Verwendungsweise der genannten Verben beschränkt.

Das Material für die Analyse haben wir aus fünf zeitgenössischen deutschen Romanen und zwei Wörterbüchern bekommen.¹ Bei der Feststellung der estnischen Entsprechungen haben wir zwei Wörterbücher zu Rate gezogen.²

Auf Grund der Valenz des Verbs haben wir die syntaktischen Modelle der Verben legen, setzen und stellen festgestellt. Bei der Bestimmung der Valenz des Verbs stützen wir uns auf G. Helbig (1971) und Helbig/Schenkel (1975). Insgesamt haben wir für die genannten Verben 11 syntaktische

¹ H. Böll, Und sagte kein einziges Wort, Moskau 1966 (H.B.); L. Feuchtwanger, Goya, Rudolstadt, sine anno (L.F.); H. Kant, Die Aula, Berlin und Weimar 1968 (H. K.); B. Kellermann, Totentanz, Berlin 1954 (B. K.); D. Noll, Die Abenteuer des Werner Holt, Berlin 1963 (D. N.); Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von R. Klappenbach und W. Steinitz, Berlin (WDG); Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Herausgegeben von E. Agricola, Leipzig 1962 (WW).

² V. Liiv, A. Haberman, M. Paivel, Saksa-eesti fraseoloogismide ja väljendite sõnaraamat, Tallinn 1973; E. Kibbermann, S. Kirotar, P. Koppel, Saksa-eesti sõnaraamat. Tallinn 1975.

Modelle ermittelt. Sechs von ihnen ($S_n V S_a pS$, $S_n V S_d S_a pS$, $S_n V S_a$, $S_n V S_d S_a$, $S_n V Refl_a pS$, $S_n V Refl_a$) sind allen Verben gemeinsam. Je zwei Modelle weisen die Verben stellen ($S_n V Refl_a A_{adv}$, $S_n V Refl_a A_{adv} pS$) und setzen ($S_n V pS$, $Es V S_a$) auf; das Modell $S_n V S_a A_{adv}$ ist den Verben setzen und stellen eigen. Unsere Standpunkte über das Verhältnis zwischen Struktur und Semantik haben wir früher dargelegt (Palm, 1976, 143), deshalb werden wir sie hier nicht wiederholen. Verschiedene Bedeutungen eines polysemen Verbs nennen wir im Anschluß an A. Smirnitzki (Смирницкий, 1954), W. Schmidt (1966) und Th. Schippan (1972) lexisch-semantische Varianten.

Im folgenden wenden wir uns der vergleichenden Analyse der Verben legen, setzen und stellen sowie ihrer estnischen Entsprechungen panema/asetama zu. Wie schon gesagt, betrachten wir nur die desemantisierte Verwendungsweise der genannten deutschen Verben. Wir halten eine lexisch-semantische Variante des Verbs für desemantisiert, wenn sie die für die Hauptbedeutung charakteristischen Bedeutungselemente¹ nicht aufweist (Palm, 1972, 78 - 79). Deshalb ist es wohl angebracht, auch die Hauptbedeutung der zu untersuchenden Verben in die Analyse einzubeziehen. Desemantisiert ist das Verb vor allem in Streckformen und phraseologischen Verbindungen (Idiomen).

Unter Streckformen oder analytischen Verbalverbindungen verstehen wir die Verbindung eines substantivischen Abstraktums mit einem bedeutungsschwachen Verb. Entscheidend ist dabei, daß das Verb vornehmlich eine strukturelle Aufgabe erfüllt, nur ein Funktionselement ist, während das Substantiv der Hauptträger der Bedeutung ist (V. Schmidt, 1968; Popadič, 1971). Zum Unterschied von manchen Linguisten (V. Schmidt, 1968; W. Schmidt, 1966) zählen wir die analytischen Verbalverbindungen nicht zu der eigentlichen

¹ Die Mehrzahl der Bedeutungstheorien, die die Bedeutungsstruktur der Sprache beschreiben und erklären wollen, gehen davon aus, daß die lexikalischen Bedeutungen Bündelungen von Bedeutungselementen, Bedeutungskomponenten darstellen, daß sich jede Bedeutung in kleinere, linguistisch nicht mehr zerlegbare Elemente gliedern läßt (Schippan, 1972, 220).

Phraseologie. Zur eigentlichen Phraseologie oder zur Phraseologie im engeren Sinne gehören nach unserer Auffassung phraseologische Verbindungen (nach Tschernyschewa фразеологические единства, s. Чернышева, 1970), die durch die Bedeutungsisolierung (die Idiomaticität) und durch die Tatsache, daß ihre Bedeutung nur auf einen streng bestimmten Kontext beschränkt ist (единичная сочетаемость), gekennzeichnet sind, z. B. jmdm. einen Korb geben, etw. auf Eis legen, sein Licht unter den Scheffel stellen.¹

Streckformen und phraseologische Verbindungen mit den Verben legen, setzen und stellen kommen in 5 syntaktischen Modellen vor ($S_n V S_a$ pS, $S_n V S_d S_a$ pS, $S_n V S_a$, $S_n V S_d S_a$ und $S_n V Refl_a$ pS), die allen erwähnten Verben gemeinsam sind. Diese Modelle unterziehen wir auch einer näheren Betrachtung. Dabei verwenden wir folgende Symbole:

S_n, S_a, S_d, S_g - Substantiv oder substantivisches Pronomen im Nominativ, Akkusativ, Dativ und Genitiv

pS - präpositionales Substantiv

S_{ngp} - Substantiv im Nominativ od. Genitiv od. Partitiv

S_{ill} - Substantiv im Illativ

S_{all} - Substantiv im Allativ

S_{tr} - Substantiv im Translativ

post - Postposition

V - finites Verb

Refl_a - Reflexivpronomen im Akkusativ

A_{adv} - Adjektiv in adverbialer Verwendung

Adv - Adverb

I - Infinitiv

B - belebtes Wesen

\bar{B} - unbelebtes Wesen

P - Person

K - konkreter Gegenstand

\bar{K} - abstrakter Begriff

\bar{K} (als P) - Kollektivbegriff (auf Institutionen bezogen)

der schräge Strich (/) bezeichnet die Alternativität.

¹ S. näher darüber M.-A. Palm, Polysemie und Desemantisierung. In: Linguistica III, Tartu 1971, S. 109 - 110.

1. Das häufigste syntaktische Modell, in dem die Verben legen, setzen und stellen auftreten, ist $S_n V S_a pS$, wobei p eine Richtungspräposition ist. Dieses syntaktische Modell weist verschiedene semantische Umgebungen und mehrere lexisch-semantische Varianten auf.

1.1. Für die Hauptbedeutung des Verbs legen 'etw./jmdn. an eine bestimmte Stelle, in eine bestimmte Lage (zum Liegen) bringen', des Verbs setzen 'etw./jmdn. an eine bestimmte Stelle, zum Sitzen bringen' und des Verbs stellen 'etw./jmdn. an einen bestimmten Ort, in stehende Haltung bringen' ist folgende semantische Umgebung charakteristisch: P V K/B pK.

Das Mädchen legte das Bild in eine Schublade...

(H. K. 43)

Er legte die Gabel mit der Hühnerschnitte auf den Teller.

(B. K. 8)

Er legte sie (Frau Ziesche) auf ihr Bett, zog ihr den verbrannten Mantel aus und deckte sie zu.

(D.N. 305)

... und mit einem Schwung setze ich den schweren Eimer auf den Boden.

(H. B. 52)

Ich setzte den Kleinen in seinen Stuhl...

(H.B. 181)

Marion ergriff das Kätzchen und setzte es auf ihre Schulter.

(B. K. 70)

Er nahm seine Akte und stellte sie wieder an ihren Platz.

(H.K. 250)

Er stellte eine neue Flasche auf den Tisch.

(B.K. 237)

Möhn hob sie (Charlotte) auf und stellte sie wieder auf die Beine.

(B.K. 189)

Die Hauptbedeutungen der Verben legen, setzen und stellen bestehen aus folgenden Bedeutungskomponenten:

1) HANDELNDE PERSON, 2) OBJEKT DER HANDLUNG (ein konkreter Gegenstand od. ein Lebewesen), 3) VERÄNDERUNG DER STELLE DES OBJEKTES, 4) HINWEIS AUF DIE NEUE STELLE DES OBJEKTES, 5) HINWEIS AUF DIE NEUE LAGE DES OBJEKTES (das Liegen, das Sitzen, das Stehen). Wie wir sehen, unterscheiden sich die Hauptbedeutungen der Verben legen, setzen und stellen voneinander nur durch eine Bedeutungskomponente, die NEUE LAGE DES OBJEKTES.

Dieser lexisch-semantischen Variante der genannten

deutschen Verben entsprechen estnische synonyme Verben panema und asetama. Das syntaktische Modell ist $S_n V S_{ngp}$
 S_{all}/S_{ill} :¹

Tütarlaps pani/asetas pildi sahtlisse.

Ta pani/asetas kahvli taldrikule.

Ta pani/asetas proua Ziesche voodisse.

Ma panen/asetan ämbri pörandale.

Ma panin/asetasin poisi tema toolile (istuma).

Marion pani/asetas kassikese oma õlale.

Ta pani/asetas toimiku oma kohale.

Ta pani/asetas lauale uue pudeli.

Statt S_{all}/S_{ill} ist im Estnischen auch S_{g+post} möglich: Er legte die Gabel auf den Teller. - Ta pani kahvli taldriku peale.

Es ist interessant zu bemerken, daß den drei deutschen Verben legen, setzen und stellen im Estnischen nur panema/asetama entsprechen, wobei die estnischen synonymen Verben gleichwertige Äquivalente der genannten deutschen Verben sind. Die Wahl zwischen legen, setzen und stellen, die dem Deutsch lernenden Esten manche Schwierigkeiten bereitet, hängt meistens von den objektiven und außersprachlichen Merkmalen der Gegenstände ab (Helbig/Schenkel, 1975, 332), oder sie ist eine Frage der Stilistik (Forstreuter, 1968, 340). Im Estnischen kann dem finiten Verb panema noch ein Infinitiv (lamama, magama, istuma, seisma) oder ein Adverb (püsti, pikali) hinzutreten. Das ist gewöhnlich der Fall, wenn $S_a = B$. Auf diese Weise wird die Lage des Objektes, die durch die estnischen Verben panema/asetama nicht so deutlich zum Ausdruck kommt wie durch die deutschen Verben legen, setzen, stellen, präzisiert. So z. B.:

Sie legte das Kind auf das Sofa. - Ta pani lapse diivanile lamama/pikali.

Sie setzte das Kind auf den Stuhl. - Ta pani lapse toolile istuma.

¹ Auf die Tatsache, daß dem deutschen Akkusativ im Estnischen drei verschiedene Kasus entsprechen können, gehen wir hier nicht näher ein. Es ist eine Besonderheit der estnischen Sprache und hängt mit dem sogenannten Total- und Partialobjekt zusammen.

Sie stellte das Kind auf den Stuhl. - Ta pani lapse
toolile seisma/püsti.

Das syntaktische Modell sieht dann folgendermaßen aus:

S_n V S_{ngp} S_{all} I/Adv.

1.2. Dasselbe syntaktische Modell S_n V S_a pS ist auch für Streckformen (analytische Verbalverbindungen) mit den Verben legen, setzen und stellen charakteristisch. Die semantische Umgebung des Verbs ist dann natürlich eine andere, denn in den analytischen Verbalverbindungen geht das Verb mit einem abstrakten Substantiv eine feste Verbindung ein. Beim Modell S_n V S_a pS sind zwei Gruppen der Streckformen zu unterscheiden: das Verb bildet eine Einheit mit dem Akkusativobjekt oder mit dem präpositionalen Substantiv. Die Verben legen, setzen und stellen sind in den Streckformen inhaltlich abgeblaßt, desemantisiert, denn die den Hauptbedeutungen der Verben eigenen Bedeutungskomponenten (vgl. Modell 1.1. S. 84) sind nicht vorhanden.

1.2.1. Das Verb bildet mit dem Akkusativobjekt, das einen abstrakten Begriff bezeichnet, eine feste Verbindung: Wert auf etw. legen, Gewicht auf etw. legen, Ehrgeiz in etw. legen usw.

Genosse Völschow aber legt Wert auf etw. Schriftliches. (H. K. 153)

Schuhmacher legten Gewicht darauf, als kleine Adelige, als Hidalgo angesehen zu werden. (L. F. 9)

Die semantische Umgebung von legen in den Streckformen ist P/\bar{K} (als P) V \bar{K} pB/p \bar{B} , wenn S_a = Wert, in übrigen Fällen aber P/\bar{K} (als P) V \bar{K} p \bar{K} . Häufig, man kann sogar sagen, in den meisten Fällen, entspricht dem deutschen Verb legen in diesen Streckformen das estnische Verb panema, nicht aber sein Synonym asetama. Gewöhnlich ist das Verb panema nur eine mögliche Variante neben den anderen: Wert auf etw. legen - millelegi rõhku panema (auch: midagi kõrgelt hindama, millelegi tähtsust või väärtust omistama), den Nachdruck auf etw. legen - millelegi rõhku panema (auch: midagi rõhutama, alla kriipsutama, esile tõstma), Gewicht auf etw. legen - millelegi rõhku panema (auch: millelegi erilist tähtsust/kaalukust omistama), Zoll auf etw. legen - tolli mil-

lelegi panema (auch: midagi tollima), den Akzent/die Betonung/den Ton auf etw. legen -- millelegi rõhku panema (auch: midagi rõhutama).

Wie die obigen Beispiele zeigen, entspricht verschiedenen bedeutungsnahen deutschen Substantiven (Wert, Gewicht, Nachdruck, Akzent, Betonung, Ton) in Verbindung mit dem desemantisierten Verb legen im Estnischen in Verbindung mit dem Verb panema nur das Substantiv rõhk. Wenn ein anderes sinnverwandtes estnisches Substantiv gewählt wird, so muß auch ein anderes Verb gebraucht werden, z. B.: väärust/tähtsust omistama. Zu den weiteren Entsprechungsmöglichkeiten der estnischen Sprache gehören die mit dem abstrakten Substantiv der Streckform stammverwandten synthetischen Verben (rõhutama) oder das Verb in Verbindung mit einem Adverb (kõrgelt hindama) bzw. einem Hilfsadverb (esile tõstma).

Ehrgeiz in etw. legen - auahnust millesegi panema,
Kraft in etw. legen - jõudu millesegi panema/rakendama,
den Grund(stein) für etw. legen - millelegi alust panema/rajama,
das Fundament zu etw. legen - millelegi alust panema/rajama.

Das syntaktische Modell im Estnischen ist $S_n V S_{ngp}$ S_{all}/S_{ill} , also dasselbe wie bei der Hauptbedeutung. Dem deutschen präpositionalen Substantiv entspricht in der estnischen Sprache der Allativ, wenn $p = \text{auf/für/zu}$ (Er legt Wert auf das gute Essen. - Ta paneb rõhku heale toidule. Wir müssen einen festen Grund für dieses Unternehmen legen. - Me peame sellele ettevõttele kindla aluse panema. Er legte ein solides Fundament zu diesem Unternehmen. - Ta pani sellele ettevõttele soliidse aluse.); wenn aber $p = \text{in}$, so steht im Estnischen der Illativ (Er legt seine ganze Kraft in die Arbeit. - Ta panem kogu oma jõu töösse.).

Daneben gibt es auch einige Streckformen mit legen, die nicht durch panema, sondern durch ein anderes Verb übersetzt werden: einen (strengen) Maßstab an etw./jmdn. legen - kedagi/midagi range mõõdupuuga mõõtma, Rechnung über etw. legen - aru andma millestki.

Verbindungen der zur emotionalen Sphäre gehörenden Substantive Gefühl, Liebenswürdigkeit, Schärfe, Wärme mit

dem Verb legen stehen den Streckformen ziemlich nahe. Sie unterscheiden sich von den Letztgenannten dadurch, daß ihr Gebrauch verhältnismäßig beschränkt ist, d.h., sie lassen sich mit sehr wenigen Substantiven in Präpositionalgruppen verbinden: Wärme in die Stimme/in den Ton/in seine Worte legen.

"Das ist freundlich von Ihnen, Don Francisco", sagte mit jener grausamen Liebenswürdigkeit, die allein sie in ihre Stimme legen konnte, Cayetana. (L. F. 243)

Das Verb ist in diesen Verbindungen wie in den echten Streckformen desemantisiert und wird im Estnischen durch das Verb panema wiedergegeben: Wärme/Schärfe/Gefühl/Liebenswürdigkeit in die Stimme/in den Ton/in die Worte legen - häälesse/hääletooni/sõnadesse soojust/teravust/tundeid/armastusväarsust panema.

Das Verb stellen hat keine Streckformen dieser Art. Auch ist die Zahl ähnlicher Streckformen mit setzen verhältnismäßig klein ($S_n V S_a pS \rightarrow P/\bar{K}(\text{als } P) V \bar{K} p\bar{K}/pK/pP$).

Welches Vertrauen setzte dieser ihm unbekannte Taubenhaus in ihn? (B. K. 90)

In einigen dieser Streckformen entspricht dem Verb setzen sein estnisches Äquivalent panema, gewöhnlich wohl als nur eine Variante neben übrigen Möglichkeiten (a), in anderen dagegen nicht (b).

a) Seine Hoffnungen auf jmdn./etw. setzen - lootusi panema kellelegi/millelegi (auch: kellegi/millegi peale), Mühe an etw. setzen - jõupingutusi/vaeva panema millesegi (auch: vaeva kulutama/rakendama millekski).

b) Sein Vertrauen in jmdn./etw. setzen - usaldama kedagi/midagi, sein Mißtrauen in jmdn./etw. setzen - umbusaldama kedagi/midagi, seinen Zweifel in etw. setzen - kantelema milleski, seinen Stolz auf jmdn./etw. setzen - uhke olema kellegi/millegi üle. Im Falle (b) wird die deutsche analytische Verbalverbindung mit setzen im Estnischen meistens durch ein dem abstrakten Substantiv sinn- und stammverwandtes synthetisches Verb wiedergegeben. Falls das estnische Verb panema gebraucht wird (a), so ist das syntaktische Modell $S_n V S_{ngp} S_{ill}/S_{all}/S_{g+post}$, wobei die Postposition peale ist.

1.2.2. Das Verb geht eine feste Verbindung mit dem abstrakten präpositionalen Substantiv ein.

Das Verb legen kommt in solchen Streckformen nicht vor, die Streckformen mit setzen und stellen sind aber zahlreich.

Sie lächelte triumphierend und setzte die Zigarette in Brand. (B. K. 18)

Ich blieb fast eine halbe Stunde noch dort, trank Schnaps und setzte die Kurbel in Bewegung...

(H. B. 89)

Nicht als ob das Heilige Offizium das Urteil außer Kraft gesetzt hätte... (L. F. 566)

Bei setzen ist $S_n V S_a pS \rightarrow B/\bar{B} V B/K/\bar{K}$ (als P) $p\bar{K}$, d. h., für S_n gelten keine Selektionsbeschränkungen, für S_a fast keine Selektionsbeschränkungen; entscheidend ist, daß das Substantiv in der Präpositionalgruppe abstrakt ist. Die häufigste Präposition ist in, daneben kommen noch außer, auf und unter vor. Es gibt eine Reihe von Streckformen mit setzen, denen das estnische Verb panema in Verbindung mit dem entsprechenden Substantiv bzw. mit einem sinnverwandten Verb im Infinitiv entspricht. Manchmal ist panema nur eine der Möglichkeiten neben anderen Verben.

Etwas in Brand setzen - midagi põlema panema/süütama, etw. in Bewegung setzen - käima/liikuma panema, etw. in Gang setzen - käima panema/käivitama/käiku laskma, etw. in Schwung setzen - liikuma panema/hoogu andma millelegi, etw. in Tätigkeit setzen - käima panema/tegevusse rakendama, etw. in Zweifel setzen - midagi kahtluse alla panema/kantlema milleski, jmdn. in Arrest setzen - kedagi aresti alla panema, jmdn. in Erstaunen setzen - üllatama panema/üllatama, jmdn. in Verwunderung setzen - hämmastama panema/imestama panema, jmdn. auf eine Liste setzen - kedagi nimekirja panema/kandma, ein Pferd in Trab setzen - hobust traavima panema.

Das syntaktische Modell ist $S_n V S_{ngp} S_{ill}/S_{g+post}$ (die panen sind nimekirja. Kohus pani tunnistaja sõnad kahtluse alla), häufiger aber $S_n V S_{ngp} I$ (Kurjategija pani maja põlema. Tema sõnad panevad mind hämmastama).

Andererseits gibt es weit mehr Streckformen mit

setzen, in deren estnischen Entsprechungen das Verb 'panema nicht möglich ist. In diesen Fällen wird im Estnischen ein dem abstrakten Substantiv der analytischen Verbalverbindung sinn- und stammverwandtes synthetisches Verb oder ein ganz anderes Verb in Verbindung mit dem entsprechenden Substantiv gebraucht.

Etw. in Betrieb setzen - midagi käiku laskma/ekspluatatsiooni andma, etw. in Umlauf setzen - midagi ringlusse laskma, etw. außer Umlauf setzen - midagi ringlussest kõrvaldama, etw. in Kraft setzen - midagi jõustama, etw. außer Kraft setzen - midagi tühistama/kehtetuks muutma, etw. in Kurs setzen - midagi käibele laskma, etw. (Münzen) außer Kurs setzen - midagi käibelt kõrvaldama, etw. außer Gebrauch setzen - midagi kasutuselt võtma/tarvituselt kõrvaldama, etw. in Beziehung setzen - midagi ühendusse viima/seostama millegagi, etw. (ein Gedicht) in Noten/in Musik setzen - millelegi muusikat looma/komponeerima, etw. in Szene setzen - midagi lavastama, etw. ins Werk setzen - midagi teostama/täide viima, etw. auf die Tagesordnung setzen - midagi päevakorda võtma, jmdn. in Angst setzen - kedagi hirmutama, jmdn. in Begeisterung setzen - kedagi vaimustama/vaimustusse viima, jmdn. in Furcht setzen - kedagi hirmutama, jmdn. in Schreck setzen - kedagi kohutama, jmdn. in Verlegenheit setzen - kedagi kimbatusse/segadusse viima, jmdn. in Verwirrung setzen - kedagi segadusse viima, jmdn. in Freiheit setzen - kedagi vabastama/vabaks laskma, jmdn. unter Druck setzen - kellelegi survet avaldama, jmdn. außer Gefecht setzen - kedagi võitlusvõimetuks tegema, jmdn. ins Bild setzen - kedagi informeerima, jmdn. ins Kenntnis setzen - kedagi informeerima/kellelegi teatama midagi, jmdn. ins Unrecht setzen - kellelegi ülekohut tegema, jmdn. in Verbindung setzen - kedagi ühendusse/kontakti viima, jmdn. auf Rente setzen - kedagi pensionile saatma/kellelegi pensioni andma.

In einigen analytischen Verbalverbindungen kommt noch ein präpositionales Substantiv hinzu. Das syntaktische Modell wäre dann $S_n V S_a pS pS$, aber wir halten es für eine Erweiterung des Modells $S_n V S_a pS$, da das zweite präpositionale Substantiv nicht von der Valenz des Verbs abhängt,

sondern durch die Semantik des zu der Streckform gehörenden Substantivs bedingt ist, z. B.: jmdn. in Kenntnis setzen über/von etw., jmdn. ins Bild setzen über etw., jmdn. in Verbindung setzen mit jmdm., etw. in Beziehung setzen mit etwas.

Also ... bist du hervorragend geeignet für die Verwirklichung des Planes, über den wir dich hier in Kenntnis setzen wollen.

(H. K. 287)

Bei stellen ist die semantische Umgebung P/\bar{K} V P/\bar{K} $p\bar{K}$. Er war Freund des Großinquisitors Sierra, der Lorenzana gestürzt und unter Anklage gestellt hatte.

(L. F. 202)

Nur schade, daß sie niemals deine Tugend auf die Probe stellt.

(L. F. 32)

Hier aber gab es eine neue Schwierigkeit, die den ganzen Plan überhaupt in Frage stellte.

(B. K. 161)

Von den Präpositionen kommen in den Streckformen mit stellen an, auf, außer, unter, vor und zu vor.

Für eine Reihe von Streckformen mit stellen gibt es estnische Entsprechungen mit dem Verb panema: jmdn. auf die Probe stellen - kedagi proovile panema, etw. auf eine Grundlage stellen - midagi (ueele) alusele panema (auch: rajama), jmdn. an die Spitze stellen - kedagi etteotsa panema, etw. in Zweifel stellen - midagi kahtluse alla panema/milleski kahtlema, etw. in Rechnung stellen - midagi kellegi arvele panema/kirjutama, etw. (eine technische Anlage od. ein Verkehrsmittel) in Dienst stellen - midagi käiku panema/käima panema/käiku laskma, jmdn./etw. unter Aufsicht stellen - kedagi/midagi järelevalve alla panema, etw. unter Denkmalschutz/Naturschutz stellen - midagi muinsuskaitse/looduskaitse alla panema, etw. zur Schau stellen - midagi näitusele panema/välja panema. Es ist erwähnenswert, daß in einigen estnischen Entsprechungen der Streckformen mit stellen neben panema auch asetama verwendet wird, was sonst nicht der Fall ist: jmdn. vor ein Rätsel stellen - kedagi mõistatuse ette panema/asetama, jmdn. vor die Wahl stellen - kedagi valiku ette panema/asetama, jmdn. vor vollendete Tatsachen stellen - kedagi fakti ette asetama. Das

syntaktische Modell ist $S_n V S_{ngp} S_{ill}/S_{all}/S_{g+post}$, wobei meistens die Postpositionen alla und ette gebraucht werden. Manchmal ist das syntaktische Modell $S_n V S_{ngp} I$.

Den übrigen deutschen Streckformen mit stellen entsprechen im Estnischen entweder synthetische Verben, die den abstrakten Substantiven der analytischen Verbalverbindungen stamm- und sinnverwandt sind (etw. außer Zweifel setzen - midagi mitte kahtlustama, etw. in Erwägung stellen - midagi kaalutlema/vaagima, etw. in Abrede stellen - midagi salgama/eitama, etw. unter Beweis stellen - midagi tõendama/tõestama, jmdn. unter Anklage stellen - kedagi süüdistama), oder Wortverbindungen mit einem anderen Verb als panema/asetama (etw. außer Dienst stellen - midagi välja lülitama/käigust ära jätma, etw. in Frage stellen - midagi küsitavaks pidama, etw. in Aussicht stellen - lootusi andma millegi suhtes, etw. in jmds. Belieben/Ermessen stellen - midagi kellegi otsustada jätma/kellegi heaksarvamist mõõda teha laskma, etw. unter Strafe stellen - millegi eest karistust määrama/midagi karistuse ähvardusel keelama, etw. zur Bedingung stellen - midagi tingimuseks seadma, etw. zur Debatte/Diskussion stellen - midagi arutusele võtma, jmdn. zur Rede stellen - kelleltki seletust nõudma/aru pärima, etw. zur Verfügung stellen - midagi (kellegi) käsutusse andma).

In den Streckformen zur Verfügung stellen und zur Seite stellen tritt zusätzlich ein Dativobjekt hinzu (vgl. oben S. 90).

... und der Hotelier stellte ihm zu mäßigen Preisen zwei geeignete Räume zur Verfügung. (B. K. 135)

1.3. Auch phraseologische Verbindungen mit den Verben legen, setzen und stellen können das syntaktische Modell $S_n V S_a pS$ aufweisen. Hier werden sowohl das Verb als auch die übrigen Bestandteile der Wendung übertragen gebraucht; das Verb kann als desemantisiert betrachtet werden.

Der sonst so sichere Sebastián Martínez war bemüht, auch an diesem Abend bürgerliche Gehaltenheit an den Tag zu legen. (L. F. 361)

Ah, erst jetzt legst du die Hände an die Rippen...

(H. K. 385)

"Jeder setzt einmal im Leben alles auf eine Karte",
entgegnete sie. (D. N. 190)

"Ist es nicht eine Schande", setzte sie englisch hin-
zu, "daß die vielen jungen Männer ihr Leben aufs Spiel
setzen müssen wegen eines Wahnsinnigen?" (B. K. 376)
Man soll sein Licht nicht unter den Scheffel stellen.

(B. K. 21)

Damit war das "Europahotel" auf die Beine gestellt.

(B. K. 216)

In einigen estnischen Entsprechungen der phraseologi-
schen Verbindungen mit den Verben legen, setzen und stellen
wird das Verb panema, seltener asetama gebraucht. Dann han-
delt es sich gewöhnlich um wortwörtliche Äquivalente der
deutschen Idiome, doch brauchen die übrigen Bestandteile
der stehenden Wendung nicht immer durch das genaue estni-
sche Äquivalent wiedergegeben zu werden. Auch gibt es manch-
mal gleichberechtigte Varianten neben panema/asetama.

Die Hände in den Schoß legen - käsi rüppe panema,
jmdn. auf den Rücken/aufs Kreuz legen - kedagi selili/sel-
jale panema, kedagi jalust maha lööma/võtma, Geld auf die
hohe Kante legen - raha (mustadeks päevadeks) kõrvale pane-
ma, etw. auf Eis legen - midagi kalevi alla panema/edasi
lökkama; den Punkt auf i setzen - i-le punkti panema,
etw. (z. B. sein Leben, seine Ehre) aufs Spiel setzen - mi-
dagi mängu/kaalule panema, alles auf eine Karte setzen -
kõike ühele kaardile panema, alle Hebel in Bewegung setzen
- kõiki rattaid käima panema, Himmel und Hölle in Bewegung
setzen - kõiki rattaid käima panema, jmdn. auf Wasser und
Brot setzen - kedagi vee ja leiva peale panema, etw./jmdn.
ins rechte Licht setzen - midagi õigesse valgusesse asetama;
sein Licht unter den Scheffel stellen - oma küünalt va-
ka alla panema, etw. ins falsche Licht stellen - midagi va-
lesse valgusesse asetama/midagi valesti valgustama. Das
syntaktische Modell ist $S_n V S_{ngp} S_{ill}/S_{all}/S_{g+post}/I$.

In anderen Idiomen mit den genannten Verben sind die
estnischen Verben panema/asetama dagegen nicht am Platz:
etw. an den Tag legen - midagi üles näitama/midagi ilmuta-
ma, die Karten offen auf den Tisch legen - lahtiste kaarti-
dega mängima, jedes Wort auf die Goldwaage legen - iga sõna

hoolikalt kaaluma/vaagima, sein Schicksal in jmds. Hände legen - oma saatust kellegi kätesse andma/usaldama, eine Kesse Sohle aufs Parkett legen - hoogsalt tantsima;einen Strich unter etw. setzen - joont millelegi alla tõmbama, jmdn. an die frische Luft/auf die Straße/aufs Pflaster/vor die Tür setzen - kedagi tänavale tõstma/kellelegi ust näitama/kedagi vallandama, jmdn. auf freien Fuß setzen - kedagi vabaks laskma; etw. auf den Kopf stellen - midagi pea peale pöörama/segi ajama, etw. auf die Beine stellen - midagi organiseerima/jalule aitama, jmdn. auf eigene Füße stellen - kedagi jalule/järjele aitama, jmdn./etw. in den Schatten stellen - kedagi/midagi varju jätma, jmdn. an den Pranger stellen - kedagi häbiposti naelutama.

2. Das syntaktische Modell $S_n V S_d S_a pS$ ist nur für wenige phraseologische Verbindungen charakteristisch, abgesehen von einigen erweiterten Streckformen, die schon oben erwähnt worden sind. Der zusätzliche Mitspieler des Verbs, das Dativobjekt, ist unbedingt notwendig, damit man in diesen Fällen überhaupt von einem Idiom sprechen kann. Vgl. zum Beispiel den Stuhl vor die Tür setzen und jmdm. den Stuhl vor die Tür setzen.

Es ist nicht schwer, anderen Menschen Unsinn in den Mund zu legen. (H. K. 431)

Man konnte ihm doch nicht ohne weiteres den Stuhl vor die Tür setzen, oder? (B. K. 27)

Und wie du mich mit der einen verheiratet hast, so hast du mir die andere in den Kopf gesetzt. (H. K. 425)

In estnischen Entsprechungen dieser wenigen Phraseologismen wird häufig das Verb panema gebraucht: jmdm. etw. ans Herz legen - kellelegi midagi südamele panema, jmdm. etw. zur Last legen - kellelegi midagi süüks panema, jmdm. eine Äußerung in den Mund legen - kellelegi midagi (sõnu, rumalusi, ütlust) suhu panema, jmdm. den roten Hahn aufs Dach setzen - punast kukke katusele panema, jmdm. das Messer an die Kehle setzen - kellelegi nuga kõrile panema, jmdm. die Pistole auf die Brust setzen - kellelegi nuga kõrile panema, jmdm. einen Floh ins Ohr setzen - kellelegi mingit (veidrat/rumalat) mõtet või (raskesti täidetavat)

soovi pöhe panema, jmdm. etw. in den Kopf setzen - kellelegi midagi pöhe panema. Das syntaktische Modell ist $S_n V S_{all} S_{ngp} S_{all}/S_{ill}/S_{tr}$.

Dagegen aber: jmdm. Hindernisse in den Weg legen - kellelegi takistusi teele veeretama, jmdm. den Stuhl vor die Tür setzen - kellelegi ust näitama/kedagi välja viskama, jmdm. eine Laus in den Pelz setzen - kellelegi ebameeldivusi/raskusi valmistama.

3. Das dritte gemeinsame syntaktische Modell der Verben legen, setzen und stellen ist $S_n V S_a$, das über viele lexisch-semantische Varianten verfügt. Streckformen und phraseologische Verbindungen mit diesem Modell weist aber nur das Verb stellen auf.

3.1. Wenn das Verb stellen im Modell $S_n V S_a$ mit einem abstrakten Akkusativobjekt eine feste Verbindung eingeht, (die semantische Umgebung ist $P/\bar{K}(\text{als } P) V \bar{K}$), haben wir es mit einer Streckform zu tun, in der das Verb die der Hauptbedeutung eigenen Bedeutungskomponenten (vgl. S. 84) nicht aufweist und in abgebläster Bedeutung zur Umschreibung eines Verbalbegriffes dient.

Vera stellte diese Frage an jedem Morgen eines Arbeitstages... (H. K. 23)

Eine Bedingung aber werde ich unter allen Umständen stellen müssen... (B.K. 454)

Bis auf eine Ausnahme (die Diagnose stellen - diagnoosi panema) kennen die estnischen Äquivalente des Verbs steller diese lexisch-semantische Variante nicht. Im Estnischen werden in dieser Funktion verschiedene andere Verben verwendet, meistens ist es das Verb esitama: Anforderungen/Forderungen stellen - nõudmisi esitama, eine Bitte stellen - palvet esitama, eine Frage stellen - küsimust esitama, eine Bedingung stellen - tingimust esitama, ein Gesuch stellen - sooviavaldust esitama, ein Ansinnen stellen - nõudmist esitama, eine Aufgabe stellen - ülesannet andma, ein Thema stellen - teemat andma, einen Antrag stellen - ettepanekut tegema, eine Frist/einen Termin stellen - tähtaega määrama, einen Ersatz stellen - kedagi/midagi asendama.

Das Modell $S_n V S_a$ kann manchmal erweitert werden, indem meistens ein fakultatives Dativobjekt, seltener ein Präpositionalobjekt hinzugefügt wird: jmdm. ein Thema stellen - kellelegi teemat andma, jmdm. eine Frist stellen - kellelegi tähtaega andma/määrama, jmdm./an jmdn. ein Ansinnen stellen - kellelegi nõudmist esitama.

3.2. Phraseologische Verbindungen mit dem Modell $S_n V S_a$ scheinen eine Seltenheit zu sein. Wir haben nur eine belegt: seinen Mann stellen. Im Estnischen: lootusi õigustama, ootustele vastama, mehe eest väljas olema.

... daß ich, wenn es darauf ankommt, dem Papst und dem Großinquisitor gegenüber sehr wohl meinen Mann zu stellen weiß! (L. F. 531)

4. Das weitere gemeinsame syntaktische Modell der Verben legen, setzen und stellen $S_n V S_d S_a$ ist nur einigen Streckformen (setzen) und phraseologischen Verbindungen (legen, stellen) eigen.

4.1. Im syntaktischen Modell $S_n V S_d S_a$ mit der semantischen Umgebung P/\bar{K} (als P)/ $\bar{K} V P/\bar{K}$ (als P)/ $\bar{K} \bar{K}$ bildet das Verb setzen mit dem Akkusativobjekt eine feste Einheit (Streckform) und ist desemantisiert. Unter Umständen kann man von der Bedeutungsnuance 'etw. bestimmen, festlegen' sprechen.

Der Alte Fritze setzte der Reihung fernöstlich-verfremdeter Lernbereiche mit einem Hüsteln ein Ende... (H. K. 407)

Die deutsche Luftabwehr hat ... den feindlichen Angriffsverbänden gezeigt, daß ihrer Vernichtungswut Grenzen gesetzt sind. (D. N. 137)

Bis auf sehr wenige Ausnahmen (Grenzen/Schranken setzen - kellelegi/millelegi piiri panema) haben die estnischen Verben panema/asetama diese lexisch-semantische Variante nicht: jmdm. eine Bedingung setzen - kellelegi tingimust määrama/seadma, ein Ende setzen - millelegi lõppu tegema/midagi lõpetama, jmdm. ein Ziel setzen - kellelegi eesmärki seadma. Wenn $S_n \rightarrow P/\bar{K}$ (als P), ist das Dativobjekt

fakultativ: Er/Das Ministerium setzt eine Frist (Helbig und Schenkel, 1975, 332).

4.2. Die Verben legen und stellen kommen im Modell $S_n V S_d S_a$ nur vereinzelt vor, wobei das Modell nur für phraseologische Verbindungen kennzeichnend ist.

... die nur darauf warten, dem Genossen Nußbank ein Bein zu stellen. (H. K. 96)

Die Gestapo ist der Arm des Führers, der unbarmherzig allen Feinden des Reiches das Handwerk legt.

(D. N. 257)

Das kleine Material ermöglicht es nicht, weitgehende Vergleiche mit der estnischen Sprache zu machen. Anhand unserer wenigen Belege können wir sagen, daß bis auf eine Ausnahme (jmdm. ein Bein stellen - kellelegi jalga taha panema) in den estnischen Entsprechungen der Phraseologismen mit diesem Modell die Verben panema/asetama nicht gebraucht werden: jmdm. eine Falle legen/stellen - kellelegi lõksu seadma/kedagi lõksu meelitama, jmdm. Schlingen legen - kellelegi püünist seadma, jmdm. das Handwerk legen - kellegi (kahjulikule) tegevusele lõppu tegema. Gerade das Dativobjekt unterscheidet hier den entsprechenden Phraseologismus von der lexisch-semantischen Variante ohne S_d : eine Falle legen (d.h. für das Wild) und jmdm. eine Falle legen 'jmdm. hereinlegen (wollen)'.
(H. K. 96)

5. Das letzte gemeinsame syntaktische Modell der Verben legen, setzen und stellen, das wir näher betrachten und in dem die Verben desemantisiert verwendet werden, ist $S_n V Refl_a pS$.

5.1. Wenn die Verben legen, setzen und stellen im Modell $S_n V Refl_a pS \rightarrow P V Refl_a pK$ gebraucht werden, so haben wir es mit einer Variante ihrer Hauptbedeutung zu tun ('sich in die waagerechte Lage bringen', 'sich in die sitzende Stellung begeben' und 'sich an einen bestimmten Ort begeben und dort eine stehende Haltung einnehmen'). Der syntaktische Unterschied zum Modell $S_n V S_a pS$ besteht darin, daß hier statt des Akkusativobjektes das Reflexivpronomen

im Akkusativ steht. Was die Semantik dieser lexisch-semantischen Variante anbetrifft, so sind alle Komponenten der Hauptbedeutung vorhanden (vgl. S. 84), nur daß das Objekt der Handlung kein konkreter Gegenstand bzw. kein anderes Lebewesen ist, sondern die handelnde Person selbst, die Handlung ist auf die handelnde Person, auf das Subjekt gerichtet ($S_n = S_a$).

Wieder ging ich hinauf, legte mich aufs Bett...
(H. B. 114)

Zu Hause angelangt, legte er sich auf den Diwan.
(B. K. 179)

Dann setzte sich der kränkliche und schwache Peter an den Flügel.
(D. N. 9)

Der Hannes setzt sich auf den Stuhl am Herd.
(B. K. 152)

Ich nickte nur, stellte mich an die Wand neben der Theke und sah mich um.
(H. B. 50)

Er stellte sich an den rechten Flügel seiner Batterie.
(D. N. 217)

Ist das Akkusativobjekt ein Reflexivum, so ist das Subjekt nicht nur auf die Personen beschränkt, sondern auch andere Lebewesen können als Subjekt auftreten. Das Gesagte gilt für legen und setzen.

... und da legte sich das Untier (der Hund) auf die andere Seite und schnarchte weiter.
(H. K. 47)

Die Katze hat sich auf den Pfosten gesetzt. (WDG)

Wenn $S_a = \text{Refl}_a$, ist der Satz mit dem Verb setzen auch ohne pS grammatisch:

"Ja", sagte Robert und setzte sich.
(H. K. 27)

In Sätzen mit dem Verb legen kann statt der Präpositionalgruppe ein Infinitiv stehen:

Fabian legte sich schlafen.
(B. K. 148)

Mit den Präpositionen neben und zu ist auch pS \rightarrow pP möglich:

Don Manuel setzte sich zu ihm, redete auf ihn ein...
(L. F. 95)

Die estnischen Verben panema/asetama kennen die reflexive Verwendungsweise nicht. Der lexisch-semantischen Variante 'sich in die waagerechte Lage bringen' des Verbs

legen entspricht im Estnischen das Verb heitma (Ma heitsin voodisse.) oder dasselbe Verb in Verbindung mit dem Infinitiv des Verbs magama bzw. mit dem Adverb pikali (Fabian heitis magama. Ta heitis pikali). Die lexikalisch-semantischen Variante 'sich in sitzende Stellung begeben' sind das Verb istuma oder die Wortverbindung istet võtma. Die lexikalisch-semantische Variante 'sich an einen bestimmten Ort begeben und dort eine stehende Haltung einnehmen' wird im Estnischen durch die Verben asuma, seisma (jääma), astuma und die Wortgruppe aset võtma wiedergegeben.

5.2. Dasselbe syntaktische Modell weisen auch Streckformen mit den Verben legen, setzen und stellen auf. Streckformen mit diesem Modell haben nur setzen und stellen, nicht aber legen. Das Verb bildet eine stehende Verbindung mit dem präpositionalen Substantiv.

Der Oberst telefoniert mit Gott und der Welt, um sich zur Verfügung zu stellen... (B. K. 315)

Holt sah, wie Wolzow auf den großen, blonden Buraschen losschlug, der sich nur kurze Zeit zur Wehr setzte und bald wieder hinfiel. (D. N. 76)

"Wenn wir angreifen", meinte Gomulka, "setzen wir uns ins Unrecht." (D. N. 192)

Die Streckformen mit stellen sind nicht zahlreich und in ihren estnischen Entsprechungen werden die Verben panema/asetama nicht gebraucht: sich zur Verfügung stellen - (end) kellegi vöi millegi käsutusse andma, sich in den Dienst (einer Sache) stellen - (mingi asja) teenistusse asuma, sich zur Schau stellen - end näitama. Auch in den Streckformen mit setzen werden die estnischen Verben panema/asetama in der Regel nicht verwendet. Da analytische Verbalverbindungen mit setzen häufig den Beginn einer Tätigkeit oder eines Vorgangs bezeichnen, wird im Estnischen das Verb hakkama gebraucht, das dieselbe Funktion übernimmt. Das präpositionale Substantiv wird häufig durch den Infinitiv eines sinnverwandten Verbs wiedergegeben: sich in Bewegung setzen - liikuma hakkama, sich in Lauf setzen - jooksuma hakkama, sich in Marsch setzen - marssima hakkama, sich in Trab setzen - traavima hakkama, sich zur Wehr setzen - kaitsele asuma. In zwei Streckformen kommen aus-

nahmsweise die Verben panema und asetama vor: sich ins Unrecht setzen - end ebaõiglasesse olukorda asetama/panema, sich in Szene setzen - end maksma/kehtima panema.

In einigen analytischen Verbalverbindungen tritt noch ein präpositionales Substantiv oder ein Genitiv dazu, die von der Semantik des präpositionalen Substantivs der Streckform abhängig sind: sich in Verbindung setzen mit jmdm. - kellegagi ühendusse astuma, sich ins Benehmen/Einvernehmen setzen mit jmdm. - kokkuleppele jõudma kellegagi, sich in den Besitz einer Sache setzen - millegi omanikuks saama.

5.3. Alle drei Verben haben phraseologische Verbindungen mit dem Modell $S_n V \text{Refl}_a \text{pS}$.

Als sich indes Don Manuel und Goya immer heftiger ins Zeug legten, verstummt auch sie... (L. F. 72)

... dann konnte es nur bedeuten, daß sie sich mit ihrer ganzen Person vor ihn stellte. (L. F. 298)

Unter den von uns belegten phraseologischen Verbindungen mit den Verben legen, setzen und stellen haben wir keine gefunden, in denen ihre estnischen Äquivalente panema/asetama vorkommen: sich aufs Ohr legen - magama heitma, sich auf die Lauer legen - luurele asuma, luurama/varitsema hakkama, sich auf die faule Haut legen - laisklema/looderdama hakkama, sich auf den Rücken legen - (üllatusest) pikali kukkuma/lendama, sich ins Zeug legen - vaeva nägema/pingutama; sich zwischen zwei Stühle setzen - kahe tooli vahele istuma, sich in ein Wespennest setzen - herilasepesasse istuma, sich in die Nesseln setzen - endale ebameeldivusi valmistama/kimbatusse sattuma, sich in die Tinte setzen - ebameeldivasse olukorda sattuma/pigisse sattuma, sich aufs hohe Roß setzen - end tähtsaks tegema/nina püsti ajama, sich auf die Hinterfüße setzen - vastu ajama/vastu punnima / tõrksaks muutuma, sich auf die Hosen/auf den Hosenboden setzen - usinalt õppima hakkama/püksitagumikku kolutama; sich auf eigene Füße stellen - (majanduslikus mõttes) iseseisvaks saama/oma jalule tõusma, sich auf die Hinterbeine stellen - tõrkuma/vastu hakkama, sich auf den Kopf stellen - nahast välja pugema, sich jmdm. in den Weg stellen - kedagi takistama/kellelegi teele ette tulema, sich vor jmdn. stellen - kedagi kaitsma, kellegi kaitseks välja

astuma, sich hinter jmdn. stellen - kellegi eest valja astuma/kellegi pooldajaks hakkama.

6. Zusammenfassend kann man feststellen, da nur den Hauptbedeutungen der deutschen Verben legen, setzen und stellen (das Modell 1.1.) ihre beiden estnischen aquivalente panema und asetama entsprechen, wobei die letztgenannten Verben als gleichwertige aquivalente der drei genannten deutschen Verben gebraucht werden konnen.

Anders sieht es aus, wenn die Verben legen, setzen und stellen desemantisiert sind, zum Beispiel, wenn sie Bestandteile der Streckformen und der phraseologischen Verbindungen sind. Was die Streckformen und Phraseologismen mit dem syntaktischen Modell $S_n V S_a pS$ betrifft, so kann man verallgemeinernd sagen, da es stehende Wortverbindungen gibt, in denen die estnischen Entsprechungen panema/asetama nicht am Platz sind und auch solche, in denen sie gebraucht werden, wobei panema uberwiegend bevorzugt wird und asetama nur vereinzelt vorkommt. Dasselbe last sich uber das syntaktische Modell $S_n V S_d S_a pS$ sagen. Den Phraseologismen mit diesem Modell entsprechen meistens estnische stehende Wortverbindungen mit panema (asetama kommt nicht vor). Die Streckformen mit dem Modell $S_n V S_a$ werden im Estnischen nicht durch panema/asetama, sondern durch andere Verben oder Wortverbindungen wiedergegeben. Im Modell $S_n V S_d S_a$ (Streckformen und Phraseologismen) entspricht den deutschen Verben nur vereinzelt das estnische Verb panema.

Wenn die Verben legen, setzen und stellen reflexiv verwendet werden, dann entsprechen ihnen nie ihre estnischen aquivalente panema/asetama. Das gilt sowohl fur die Hauptbedeutung als auch fur die desemantisierte Verwendungsweise der untersuchten Verben. Dasselbe haben wir ubrigens fur alle anderen lexisch-semantischen Varianten und syntaktischen Modelle der reflexiven Verben legen, setzen und stellen festgestellt, die wir in dem vorliegenden Aufsatz nicht behandelt haben.

Falls den deutschen Verben legen, setzen und stellen die estnischen Verben panema/asetama entsprechen, so sieht das syntaktische Modell folgendermaen aus:

$S_n V S_{ngp} S_{ill}/S_{all}/S_{g+post}$ oder $S_n V S_{ngp} I$.

L I T E R A T U R

- Forstreuter, E. Zur semantischen Spezifizierung der Umgebung einiger Verben. - Deutsch als Fremdsprache, 1968, Heft 6, S. 336-342.
- Helbig, G. Theoretische und praktische Aspekte eines Valenzmodells. Beiträge zur Valenztheorie. Halle (Saale) 1971, S. 31-49.
- Helbig, G., Schenkel, W., Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 3. Auflage. Leipzig 1975.
- Palm, M.-A. Polysemie und Desemantisierung. - Linguistica III. Tartu 1971, S. 93-112.
- Palm, M.-A. Über den Gebrauch der desemantisierten Verben in der belletristischen Prosa. - Linguistica IV. Tartu 1972, S. 77-95.
- Palm, M.-A. Strukturell-semantische Analyse des deutschen Verbs geben im Vergleich zu seinem estnischen Äquivalent andma. Linguistica VII. Tartu 1976, S. 147-163.
- Popadić, H. Untersuchungen zur Frage der Nominalisierung des Verbalausdrucks im heutigen Zeitungsdeutsch. - Institut für deutsche Sprache. Forschungsberichte. Herausgegeben von U. Engel und I. Vogel. Bd. 9. Mannheim 1971.
- Schippan, Th. Einführung in die Semasiologie. Leipzig 1972.
- Schmidt, V. Die Streckformen des deutschen Verbuns. Halle (Saale) 1968.
- Schmidt, W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Berlin 1966.
- Смирницкий, А.И., К вопросу о слове. - Труды Института языкознания АН СССР, т. IV. Москва 1954, стр. 3 - 49.
- Чернышева, И.И., Фразеология современного немецкого языка. Москва 1970.

ZUR REIHENFOLGE KOORDINIERTER ATTRIBUTE

K.E. Sommerfeldt

Wir beziehen uns bei unseren Untersuchungen nur auf die Attribute innerhalb der Substantivgruppe. Die dort auftretenden Attribute können zu folgenden Grundtypen der Substantivgruppe gehören:

- 1) Attribut 1 ist Attribut 2 untergeordnet:

der ihm dankbare Sohn
 └──────────┘↑

- 2) Attribut 1 bezieht sich auf die Einheit von Attribut 2 und substantivischem Kern ("ungleichwertige Attribute"):

ein interessantes philosophisches Problem
 └──────────┘ ┘↑

- 3) Beide Attribute beziehen sich in gleicher Weise auf den Kern, sie sind koordiniert:

ein kleines, amüsiertes ... Lächeln
 └──────────┘ ┘↑

(Feuchtwanger)¹

Für die Wortfolge der Attribute, die sich auf den substantivischen Kern beziehen, vor allem solcher der Gruppe 2, gelten eine Reihe Prinzipien. Die Folge der Attribute hängt ab:²

- 1) von der Wortart bzw. Wortform der Attribute
Auf Grund der Wortart bzw. Wortform hat jedes Attribut seine Normalstellung.
- 2) von der syntaktisch-semanticchen Bindung an den Kern
Je enger das Attribut semanticch an den Kern gebunden ist, desto näher steht es bei ihm.
- 3) vom Mitteilungswert
Dieses Prinzip drückt sich vor allem darin aus, daß Attribute von ihrer Normalposition entfernt und evt. verselbständigt werden können.³

In diesem Beitrag soll untersucht werden, welche Prinzipien für die Reihenfolge koordinierter Attribute gelten. Wir wählen zur Demonstration nur einige Arten von Substantivgruppen aus.

Gruppen mit koordinierten Adjektiven

Auf jeden Fall sind mehrere Prinzipien zu berücksichtigen. Die Auffassung der Duden-Grammatik kann nicht akzeptiert werden! "Bei mehreren nebengeordneten Adjektiven richtet sich deren Reihenfolge ... nach ihrem Mitteilungswert, wenn auch der Sprecher hier größere Freiheit hat."⁴

Zunächst einmal lassen sich ähnliche Gesetzmäßigkeiten beobachten wie bei ungleichwertigen Adjektiven. Der Unterschied besteht nur darin, daß der Mitteilungswert eine größere Rolle spielt, daß also häufiger die umgekehrte Reihenfolge anzutreffen ist als bei den ungleichwertigen. Beide Adjektive sind auch, was die Akzentuierung betrifft, gleichberechtigt.

1. Relative Adjektive stehen beim Kern:

echter, französischer Rotwein

aber auch:

den hölzernen, runden Bottich

2. Adjektive der Einschätzung drängen an die Spitze:

um den hübschen, biegsamen Hals

einwandfreie, rosarote Krallen

die gute, alte Erde

aber auch:

die schwere, schöne Frau

von gängigen, prächtigen Pferden

Reine Wertadjektive können aber z. B. nicht mit relativen Adjektiven, die mit dem Substantiv eine feste Verbindung bilden, koordiniert werden. Folgende Verbindungen entsprechen daher nicht dem Sprachgebrauch:

erfolgreiche, erzieherische Arbeit

ausgezeichnete, erzieherische Möglichkeiten

ausgezeichnete, sprachliche Wendungen

3. Dimensionsadjektive nehmen häufig die erste Stelle ein:

eine kleine, goldene Damenuhr
die starke, fleischige Nase
in kleine, gütige Augen

aber auch:

am wackligen, kleinen Tisch

4. Auch Intensitäts- und Charakterisierungswörter streben nach vorne:

der feine, warme Regen
das fröhliche, nußbraune Haar

Neben diesen auch bei ungleichwertigen Adjektiven feststellbaren Regularitäten gibt es andere, die bei den koordinierten Adjektiven stärker in Erscheinung treten als bei den ungleichwertigen.

5. Das umfangreichere Glied tritt vielfach nach hinten: auf verhängnishaft und übrigens menschlich sehr eindrucksvolle Weise

6. Vielfach entscheidet die Wichtigkeit. Das Schwergewicht liegt auf dem 2. Adjektiv, das zur Präzisierung und Unterstreichung des ersten dient:

der blasse, nichtssagende Ausdruck
oberstes, bestimmendes Prinzip
die spannende, mitreißende Gestaltung der Widersprüche
(als) erste und wichtigste Aufgabe

Vielfach sagen die zweiten Adjektive aber nichts Neues. Sie sind eigentlich überflüssig:

eine objektiv wahrnehmbare und feststellbare Krankheit

die eigentlichen, reinen Bluterkrankungen

Bei wertenden Adjektiven führt das zum Schwulst:

ein fescher, eleganter, wunderbarer Mann

Wir können also sagen:

1. Bei ungleichwertigen und bei koordinierten Adjektiven treffen wir die

Reihenfolge: quantifizierende und einschätzende
Wörter

qualitative Wörter

Die semantische Bindung spielt also eine große Rolle.

2. Bei koordinierten Adjektiven richtet sich die Wortstellung weiterhin nach dem Umfang des Gliedes und dem Mitteilungswert.
3. Eine Umkehrung ist aber häufiger als bei den ungleichwertigen Attributen, da der Mitteilungswert eine größere Rolle spielt.

Gruppen mit koordinierten Partizipien

1. Wie bei den koordinierten Adjektiven gelten auch hier diestellungsregeln der ungleichwertigen Adjektive. Quantifizierende Wörter drängen nach vorne; in bestimmten, dafür vorgesehenen Räumen in dem abschließenden, stärker historisch orientierten Teil
 2. In vielen Gruppen trägt das zweite Partizip das Schwergewicht (Mitteilungswert):
in ... überwachende und regulierende Tätigkeit
 3. Die Wichtigkeit des zweiten Partizips wird durch den Umfang unterstrichen:
die zwingende, auch die Studenten mitreisende Überzeugungskraft
eine dosierte, richtig angewandte Kreislaufgymnastik
 4. Partizipien bezeichnen auch Geschehen in chronologischer Reihenfolge:
der an ansteckender Tuberkulose erkrankte und Tuberkelbazillen ausscheidende Mensch
- Die Reihenfolge wird durch die Form der Partizipien

untermauert: erst das Partizip der Vorzeitigkeit, dann das der Gleichzeitigkeit.

die zierlich und präzise gekrauste und gepuderte Perücke

Dabei spielt die Form des Partizips (Part. I oder II) kaum eine Rolle.

Gruppen mit koordinierten nachgestellten Substantiven

Bei den koordinierten Genitiven und Substantiven mit Präposition lassen sich folgende Tendenzen erkennen:

1. Der Mitteilungswert spielt insofern eine Rolle, als das Wichtigste bewußt an die Spitze gestellt wird und so eine "Rangordnung" entsteht:

Vertreter der Partei der Arbeiterklasse, der Regierung der DDR, des Rates des Bezirkes, der gesellschaftlichen Organisation ...

im Gespräch mit DDR-Trainer Jule Feicht und jungen Schwimmern der DDR

2. Das logische Prinzip findet seinen Ausdruck

- 2.1. in der chronologischen Reihenfolge:

auf die Jahre der Kindheit und der Jugend
die Sicherheit im Erkennen und Anwenden der Formen nach ihrer Leistung

- 2.2. in der Reihenfolge Allgemeines - Besonderes:

nur mit den Methoden des funktionalen Sprachunterrichts und im besonderen der funktionalen Grammatik

auf die Frage nach der "Gemeinsamkeit" und nach unserer Mannschaft

Die Problematik soll an einem Beispiel erläutert werden. Die koordinierten Glieder "Erziehung und Bildung" werden in dieser und auch in umgekehrter Reihenfolge gebraucht. Ich definiere diese beiden Begriffe nach A. Hermann (Manuskript zu "Theorie der sozialistischen Erziehung", S. 88 f.) folgendermaßen:

Bildung: "Aneignung wissenschaftlicher Kenntnisse und Erkenntnisse ... Befähigung, wahre Aussagen aus an-

deren wahren Aussagen zu machen ... Ausbildung der Fähigkeit, auf der Grundlage erworbenen Wissens und entsprechender Erfahrungswerte, die Gesetzmäßigkeit in Natur und Gesellschaft zu erkennen..."

Erziehung: "Herstellung gesellschaftlich wertvoller, umfassender und aktiver Beziehungen zur gesellschaftlichen Praxis..."

Für die Reihenfolge "Bildung und Erziehung" kann man die Begründung geben, daß die Bildung gewissermaßen "Voraussetzung" für eine erfolgreiche Erziehung" ist, wenn auch beides als Einheit aufgefaßt wird, zwischen deren Teilen eine wechselseitige Beeinflussung stattfindet. Bei "Erziehung und Bildung" spielt sicher der Mitteilungswert eine Rolle: Das Wichtige steht an 1. Stelle.

Die Zahl der koordinierten präpositionalen Verbindungen ist bedeutend größer als die der koordinierten Genitivattribute. Der Grund ist auch darin zu suchen, daß Genitive in zunehmendem Maße durch präpositionale Gruppen ersetzt werden:

die Einbeziehung von Zweck und Mitteilungsgehalt der sprachlichen Äußerung in die Untersuchung des Funktionierens

Präpositionale Verbindungen, die mit "von" angeschlossen werden, finden wir vor allem bei solchen Kerngliedern, die auf Grund ihrer Semantik mehrere Substantive als Attribute verlangen:

das Zusammenwirken von Flexionsform und Fügung (mit Hilfswörtern)

die Gleichsetzung von Sprache und Denktätigkeit
eine Verbindung zwischen Theorie und Praxis

Diese Ergebnisse sollen aber nicht darüber hinwegtäuschen, daß es eine ganze Reihe von Gruppen gibt, in denen die Reihenfolge willkürlich ist. Zumindest ist kein Grund für die Wortstellung erkennbar. So finden sich in derselben Quelle beide Varianten, ohne daß ein Grund ersichtlich ist:

die Mittel für Bildung und Erziehung

Schwierigkeiten bei der Erziehung und Bildung

Schließlich soll auch hier auf einige Sonderfälle verwiesen werden. Es gibt Gruppen mit zwei koordinierten präpositionalen Attributen, die zwar koordiniert sind - zwischen ihnen steht eine koordinierende Konjunktion, sie können umgestellt werden etc. -, die aber innerhalb derselben Gruppe unterschiedlichen Subklassen angehören:

dem Kampf um demokratische Freiheiten und gegen die autoritäre Herrschaft des aggressivsten Teils des westdeutschen Monopolkapitals

Es wäre sicher sehr nützlich, zu untersuchen, welche Klassen präpositionaler Attribute koordiniert werden können und unter welchen Bedingungen das möglich ist.

Auf weitere mögliche Gründe für die Reihenfolge (Schriftbild, Reihenfolge der Aufnahme der Glieder, Umfang der Glieder etc.) soll hier nicht eingegangen werden.

Gruppen mit koordinierten Nebensätzen

Die allgemeinen Prinzipien gelten auch hier

1. Der Mitteilungswert

einen anderen Kabbalisten ..., der sich bewährt habe, (sic!) und an den sie glauben könne.

Allerdings steht bei den Gliedteilsätzen das Wichtigste zuweilen am Schluß, was durch die Verwendung bestimmter Konjunktionen, z.B. adversativer, verursacht wird:

Formen der Tuberkulose, bei denen zwar Tuberkelbazillen nicht gefunden werden, bei denen aber das sonstige Krankheitsbild, ..., die Annahme sehr nahelegt, daß hier doch Krankheitserreger ausgeschieden werden müssen.

Die Schlußfolgerung, daß die Anwendung nicht mit der Wiederholung oder Übung identisch oder diesen beiden Phänomenen unterzuordnen ist, sondern daß sie als selbständige pädagogische Erscheinung betrachtet werden muß.

2. Das logische Prinzip

virulente, d. h. giftige Tuberkelbazillen ..., die im Körper verbleiben und die eines schönen Tages auch wieder aktiv werden können.

Zwischen den durch die beiden Gliedteilsätze bezeichneten Sachverhalten bestehen temporale, kausale etc. Beziehungen.

3. Die Bindung an den Kern

Sätze, die Merkmale im engen Sinn ausdrücken, stehen vor solchen, die eine "Weiterführung" bezeichnen:

Ein Physiklehrer, der Begeisterung ... spüren läßt und zu dem seine Schüler aufsehen,

der Typus des Scharlatans, des marktschreierischen Possenreißers, der für diese Epoche so charakteristisch war und dem man nur in Italien noch in ziemlich wohlerhaltenen Beispielen begegnen kann.

Zusammenfassend läßt sich sagen:

1. Koordinierte Attribute stehen zunächst an der Position, die ihnen auf Grund der Wortart und der Wortform zukommt.
2. Bei der Reihenfolge wirken folgende Prinzipien:
 - 2.1. die semantische Bindung an den Kern
 - 2.2. logische Beziehungen
 - 2.3. der Mitteilungswert
3. Im Verhältnis zu den ungleichwertigen Attributen, deren Stellung relativ fest ist, spielt bei den koordinierten Attributen der Mitteilungswert eine größere Rolle.

Anmerkungen

- 1) Die in diesem Beitrag verwendeten Beispiele sind alle belegt und stammen aus Werken der schönggeistigen Literatur bzw. aus Zeitschriften/Zeitungen unserer Republik.
- 2) Vgl. K.E. Sommerfeldt, Zur Wortstellung in der Gruppe des Substantivs. In: DaF 1971, Heft 1, S. 13 ff.
G. Helbig/J. Buscha, Deutsche Grammatik, ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig 1972, S. 533 f.
- 3) Vgl. K.E. Sommerfeldt, Zur Hervorhebung in der Gruppe des Substantivs. In: Sprachpflege 1970, Heft 10, S. 198 ff.
- 4) Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Leningrad 1962, S. 592.

STATISTILISED JAOTUSED KEELETEADUSES*

J. Tuldava

Statistilise jaotuse tundmine keelenähtuste uurimisel on niisama tähtis kui igasuguste muude nähtuste statistilisel vaatllemisel. Statistilisest jaotusest oleneb rida praktilisi ja teoreetilisi seisukohavõtte uurimistöö käigus. Nii näiteks peab teadma statistilise jaotuse üldist kuju suuruste hajuvuse hindamisel, sobiva statistilise testi (kriteeriumi) valimisel hüpoteeside kontrollimiseks, keeleüksuste sagedustsoonidesse jagamisel jaotuse stabiilsuse järgi jn. Lingvistiliste jaotuste teooria ei ole küll veel lõplikult välja kujunenud, kuid seni teostatud uurimused (sealhulgas mitmed spetsiaaluurimused, näit. Фрумкина, 1962; Лукьяненко, 1969; Ротарь, 1969; Якубайтис, 1969; Клявина, 1969; Шайкевич, 1970; Каширина, 1974) lubavad teha esialgseid kokkuvõtteid ja järeldusi.

Kõigepealt tuleb peatuda ühel põhimõttelisel küsimusel. On teada, et keeleüksustel on alati diskreetne (mittepidev, vahemlik) iseloom. Seepärast oleks loomulik, et keelenähtuste uurimisel kasutataks diskreetsete juhuslike suuruste jaotusi ehk nn. diskreetseid jaotusi (nende kohta vt. Tiit, 1971, 14 jj.). Praktika on näidanud, et mitmesuguste keelenähtuste puhul võib kasutada binomialjaotust (Бектаев, Пиотровский, 1973, 170 jj.), mis kuulub diskreetsete jaotuste hulka. Samas aga on kindlaks tehtud, et keelenähtused on massilises esinemises on lähendatavad pideva jaotusega, eriti kui arvestada, et tõenäosusteooria lubab ja isegi soovitab abstraheruda juhusliku suuruse diskreettusest ja vaadelda seda pideva suurusena tingimisel, et vahe diskreetsete suuruste vahel on küllalt väike (Бектаев, Пиотровский, 1973, 131). Seega võib opereerida keele uurimisel pideva juhusliku suuruse mõistega ning ra-

* Kaheksas artikkel sarjast "Statistilised meetodid keeleteaduses". Eelmisi artikleid vt. "Linguistica" I - VII.

kendada selle kirjeldamisel vastavaid statistilisi jaotusi.[✱] Neist tähtsaim on nn. normaaljaotus ("Gaussi seadus"), millel on eriline koht teiste statistiliste jaotuste seas selles suhtes, et normaaljaotus on piirjaotus, millele lähenevad teised jaotused sageli esinevates tüüpilistes olukordades.

Normaaljaotus toetub nn. suurte arvude seadusele ja selle omaduseks on, et sagedused grupeeruvad oma aritmeetilise keskmise ümber nii, et kõige rohkem väärtusi asub aritmeetilise keskmise läheduses - jaotatuna sümmeetriliselt kummalegi poole (suurenemise ja vähenemise poole) nii, et mida kaugemale keskmisest, seda vähem esineb väärtusi. Kujutades seda graafikul, saame iseloomuliku kõvera (vt. pidev joon joonisel 1), mille valemiks on nn. tihedusfunktsioon (Tiit, 1971, 51):

$$f(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi} \sigma} e^{-\frac{(x-\mu)^2}{2\sigma^2}},$$

kus x tähistab argumenti, μ - keskväärtust, σ - standardhälvet; e on naturaallogaritmi alus ($e = 2,72$), $\pi = 3,14$. Konkreetset jaotust iseloomustavad parameetrid μ ja σ .

Senised uurimused on näidanud, et kõige paremini läheneb normaaljaotusele sõnavara "ehituskiivide" - foneetiliste üksuste ja neile vastavate tähtede jaotumus tekstides. Kontrollime seda eesti keele materjali põhjal.

Vaatleme näiteks s-tähe esinemust 50 osavalimis erinevatest allkeeltest, kusjuures iga osavalim koosneb 1000-tähelisest tekstilõigust. Empiirilise statistilise jaotuse saame, kui esitame kõik katseseeria sagedused korrastatud jaotusreas (variatsioonreas). Meie katses varieerusid s-tähe suhtelised sagedused eri osavalimites 6,3 ja 10,7% vahel (keskmine sagedus $\bar{p} = 8,3\%$). Seda väärtuste diapasoni nimetame muutumisvahemikuks. On otstarbekohane jao-

[✱] Väärrib tähelepanu M. Arapovi ja J. Jefimova spetsiaaluuring (1975), milles käsitletakse küsimust diskreetse ja pideva jaotuse vastavusest keelenähtuste statistilisel uurimisel.

tada vahemik kindlateks intervallideks (rühmadeks). Sel juhul saame nn. intervallitud ehk sekundaarse jaotusrea (intervallrea). Matemaatilise statistika valemite järgi saab arvutada optimaalsed intervalli (klassi) pikkused ja maksimaalse intervallide arvu (vt. Tiit, 1971, 82; Mereste, 1975, 84). Klasside arvu ligikaudseks määramiseks sobib valem (Лихолетов, Мацкевич, 1969, 365):

$$k = 3,322 \lg n + 1,$$

kus k - klasside arv, lg - kümnendlogaritm
ja n - üksikväärtuste arv. Meie näites:

$$k = 3,322 \lg 50 + 1 \approx 6.$$

See oleks minimaalne klasside arv antud valimi korral. Meie vaatlusmaterjali põhjal moodustame üksikväärtustest 9 klassi (k = 9), võttes klassi pikkuseks 0,5. Alljärgnevas tabelis (1) on toodud p-tähe suhteliste sageduste intervallikeskmised (p_i) ja vastavad esinemisarvud (m_i); viimased tähistavad osavalimite arvu, milles p-tähe sagedus satub vastavasse intervalli.

Tabel 1

Intervalli- keskmised	Empiiriline esinemisarv
p_i	m_i
6,5	2
7,0	4
7,5	8
8,0	9
8,5	13
9,0	9
9,5	4
10,0	0
10,5	1
k = 9 n = $\sum m_i = 50$	

Empiiriliste andmete järgi teoreetilisi sagedusi arvutades tuginetakse Gaussi nn. normeeritud ehk standardiseeritud jaotusfunktsiooni 113

$$\varphi(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{x^2}{2}}$$

väärtuste tabelile (vt. tabel 4 artikli lõpus), mis võimaldab leida empiirilistele andmetele vastava normaalse jaotuskõvera ordinaate. Praktiliselt on tarvis teha järgmised tehted (vrd. tabel 2):

1) arvutada vaadeldava jaotusrea aritmeetiline keskmine järgmise valemi järgi:

$$\bar{p} = \frac{\sum p_i m_i}{\sum p_i} = \frac{413}{50} = 8,26;$$

2) leida individuaalväärtuste (intervallikeskmiste) p_i ja nende aritmeetilise keskmise \bar{p} vahelised hälbed, näit. esimeses reas (tabel 2): $6,5 - 8,26 = -1,76$;

3) arvutada individuaalväärtuste standardhälve valemi järgi:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (p_i - \bar{p})^2 m_i}{\sum m_i}}.$$

Antud juhul arvutatakse kõigepealt rida-realt $(p_i - \bar{p})^2 m_i$, näit. tabeli 2 esimeses reas: $-1,76^2 \cdot 2 = 3,0976 \cdot 2 = 6,1952$. Avaldiste summa (34,6144) jagatakse esinemisarvude summale (50) ja tulemusest võetakse ruutjuur:

$$\sigma = \sqrt{\frac{34,6144}{50}} = \sqrt{0,6922} = 0,832;$$

4) järgnevalt leitakse nn. normhälbed x_i

$$x_i = \frac{p_i - \bar{p}}{\sigma},$$

näit. esimeses reas: $-1,76/0,832 = -2,12$;

5) leitakse normhälvete (x_i) absoluutväärtustele vastavad normaaljaotusfunktsiooni väärtused $\varphi(x)$ tabelist 4, näit. $x = 2,12$ puhul $\varphi(x) = 0,0422$;

Tabel 2

Normaaljaotuse teoreetiliste sageduste arvutamine tähe s
 esinemise kohta 50 osavalimis (à 1000 tähte)

Jrk. nr.	p_i	m_i	$p_i m_i$	$p_i - \bar{p}$	$(p_i - \bar{p})^2 m_i$	x_i	$\varphi(x)$	m_i'
1.	6,5	2	13	-1,76	6,1952	-2,12	0,0422	1,3 ≈ 1
2.	7,0	4	28	-1,26	6,3504	-1,51	0,1276	3,9 ≈ 4
3.	7,5	8	60	-0,76	4,6208	-0,91	0,2637	7,9 ≈ 8
4.	8,0	9	72	-0,26	0,6028	-0,31	0,3802	11,5 ≈ 12
5.	8,5	13	110,5	+0,24	0,7488	+0,29	0,3825	11,5 ≈ 12
6.	9,0	9	81	+0,74	4,9284	+0,89	0,2685	8,1 ≈ 8
7.	9,5	4	38	+1,24	6,1504	+1,49	0,1315	3,9 ≈ 4
8.	10,0	0	0	+1,74	0	+2,09	0,0449	1,4 ≈ 1
9.	10,5	1	10,5	+2,24	5,0176	+2,69	0,0107	0,3 ≈ 0
k=9	76,5	50	413,0	-	34,6144	-	-	-

6) arvutatakse konstant c järgmiselt:

$$c = \frac{h \sum m_i}{6},$$

kus h tähistab klassi pikkust (vaadeldavas näites $h = 0,5$, vt. eespool). Meie andmete põhjal saame tulemuseks:

$$c = \frac{0,5 \cdot 50}{0,832} = 30,048;$$

7) lõpuks leitakse empiirilistele väärtustele vastavad teoreetilised sagedused m' :

$$m' = c \cdot \varphi(x);$$

näit. esimeses reas $m' = 30,048 \cdot 0,0422 = 1,268$. Ümardades täisarvuni, saame $m' = 1$. Vastav empiiriline arv on 2. Andmed kõigi ridade kohta esitatakse tabelis 2.

Et kindlaks teha, kas empiirilised esinemisarvud (m_i) jaotuvad ligikaudu normaalselt või mitte, tuleb neid võrrelda teoreetiliste näitajatega (m'_i) ja vahe olulisust kontrollida hii-ruut-testi (χ^2) valemi abil:

$$\chi^2 = \sum \frac{(m_i - m'_i)^2}{m'_i}.$$

Arvutuste käiku illustreerib tabel 3. Tuleb silmas pidada, et empiirilise ja teoreetilise jaotuse võrdlemisel hii-ruut-testi abil vabadusastmete arv $k_0 = k - 3$. Meie näites $k = 9$, kuid hii-ruut-testi puhul tuleb väikesed väärtused ($m' < 5$) ühendada rühmadesse (lähemalt vt. Tuldava, 1970, 162). Sel juhul k väheneb 6-ni ja $k_0 = 6 - 3 = 3$. Kui arvutatud hii-ruudu väärtus on väiksem kriitilisest väärtusest antud olulisusnivool (tabelit vt. Tuldava, 1970, 193), siis võib empiirilist jaotust pidada normaalseks.

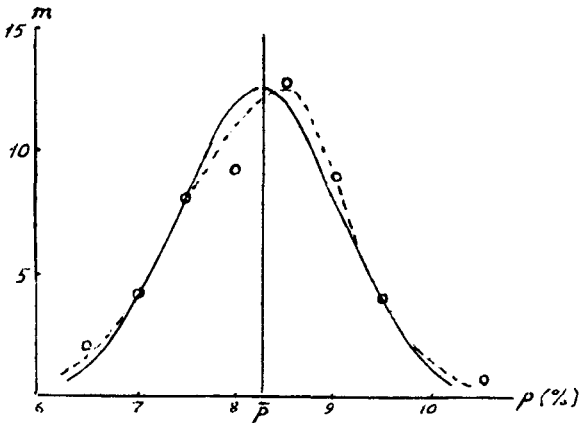
Tabelist 3 nähtub, et vahe empiiriliste ja teoreetiliste esinemisarvude vahel on väike, ja kontrollimine hii-ruut-testi abil kinnitab, et g -tähe jaotust võib küllaldaselt tçenõosusega pidada normaalseks ($\chi^2 = 1,2$, kusjuures kriitiline väärtus 5 %-lisel olulisusnivool on 7,8). Empiirilise jaotuse lähedust normaaljaotusele näitlikustab joonis 1.

Tabel 3

Hii-ruudu arvutamine

m_i	m_i'	$m_i - m_i'$	$(m_i - m_i')^2 / m_i'$
2 } 4 } 6	1 } 4 } 5	+1	0,2
8	8	0	0
9	12	-3	0,8
13	12	+1	0,1
9	8	+1	0,1
4 } 0 } 5 1 }	4 } 1 } 5 0 }	0	0
50	50	-	$\chi^2 = 1,2$

Suurem osa eesti keele tähti jaotub tekstides ligikaudu normaalselt. Samasuguseid tulemusi on saadud ka soo-

Joon. 1. Tähe s sagedusjaotus (katkendjoon) ja normaaljaotuse kõver (pidev joon). Ringikesed tähistavad m_i väärtusi tabelist 1; \bar{p} on sageduste aritmeetiline keskmine (8,3).

me keele tähtede esinemuse kohta (vt. Setälä, 1972), kusjuures osavalimid hõlmavad 100 tähte. Väiksemate osava-

limite puhul (näiteks üks värsirida, s.o. keskmiselt 50 tähte) ei saa alati kinnitust normaaljaotusele (Шайкевич, 1970). See näitab, et jaotuse uurimisel omab tähtsust ka osavalimi maht, mis ei tohiks olla liiga väike.

Asjaolu, et suur osa foneetilise tasandi üksusi jaotub normaalselt, on tähtis seepoolest, et me võime täie õigusega opereerida katsest saadud keskmise sagedusega ja selle usalduspiiridega, mis on arvatatud normaaljaotusel põhinevate meetodite abil.

Keerulisem on olukord sõnade tasandil. Pikemat aega arvati Yule'i (1944) uurimuste alusel, et sõnad ja sõnavormid jaotuvad tekstis nn. Poissoni (loe: puassooni) "harva esinevate nähtuste" jaotuse alusel. Poissoni jaotus esineb siis, kui mingi sündmuse tõenäosus (P) on väike, kuid katsete arv (N) suur. Eeldatakse, et see tingimus on täidetud sõnade esinemise puhul (teatavasti on sõnade suhtelised sagedused väikesed - suuremal osal juhtudel alla 1 %). Poissoni jaotus väljendub alljärgnevas valemis (Tiit, 1971a, 102):

$$P(X = x) = \frac{\lambda^x e^{-\lambda}}{x!},$$

kus x on juhusliku suuruse X väärtus, $x = 0, 1, 2, \dots$; sümbool $P(X = x)$ tähistab tõenäosust selleks, et juhuslik suurus X omandab väärtuse x . Valemis esinev suurus λ (lambda) on Poissoni jaotuse parameeter, e on naturaalloogaritmi alus, $x!$ tähistab naturaalarvu x faktoriaali. Poissoni jaotusele on iseloomulik, et keskväärts ja dispersioon (σ^2) võrduvad parameetriga λ , see tähendab, et keskväärts ja dispersioon ka omavahel võrdsed. Kui Poissoni jaotuse puhul λ suureneb, siis läheneb Poissoni jaotus normaaljaotusele.

Rakendades Poissoni jaotust sõnade ja sõnavormide sageduste vaatlemisel, võime hõlpsasti arvutada usalduspiirid valemiga $F \pm t \sqrt{F}$, kus F tähistab sõnasagedust; t on konstant, mille suurus oleneb valitud usaldusnivoost (lähemalt vt. Tuldava, 1969, 15 ja 20). Keelestatistilistes uurimustes on niisugune menetlus olnud valdav kuni käesoleva ajani. Ligikaudse hajuvuse hinnanguna on nimetatud valem vastuvõetav, kuid uurimused on näidanud, et sõnade ja sõnavormide sagedused ei allu mitte alati Poissoni jaotusele

(vt. näit. Фрумкина, 1962; Ротарь, 1969). К. Бектајеви ja К. Лукјанenkovi (1971) spetsiaaluurimuse järgi on kõige sa-gedamad sõnavormid inglise keeles (astakuga, s.o. järjekor-ranumbriga ligikaudselt 1 kuni 100) normaaljaotusega, see-järel tuleb segatsoon, kus esinevad nii Poissoni kui ka nor-maaljaotus (kusjuures osa sõnu ei kuulu kummagi jaotuse ala-la), ning alates astakust ca 1500 domineerib Poissoni jao-tus. Seejuures aga ilmnes oluline fakt, et jaotuse tüübi määramine oleneb nii osavalimite kui ka kogu valimi suuru-sest. Mitmed hilisemad uurimused on seda veenvalt tõestanud (Якубайтис, 1969; Дзубанов, 1973). Мõned uurijad arvavad, et jaotuse tüüp oleneb sõnalligist, nii näiteks jaotuvad läti keeles S. Kļaviņa (Клявнина, 1969) uurimuse alusel nor-maalselt verbid, pronoomenid ja partiklid, kuid mitte sub-stantiivid. R. Frumkina (Фрумкина, 1962) järgi sobib nor-maaljaotus ka vene keeles paremini verbide kui substantii-vide suhtes. К. Лукјанenkov leiab inglise keele materjali põhjal, et adverbid, pronoomenid, prepositsioonid ja artik-lid on alati normaaljaotusega, kuna aga substantiivide suh-tes võib normaaljaotust konstateerida ainult sel juhul, kui osavalimi suurus on vähemalt 8000 (Лукьяненок, 1969). А. Дзубанов on kindlaks teinud kasahhi keele materjali alusel, et substantiivid ja verbid alluvad normaaljaotusele tingi-musel, et osavalimi maht (n) on vähemalt 100 sõnet ja osa-valimite arv (k) on vähemalt 100. А. Дзубановi järgi on ka-sahhi keele tekstides adjektiivid ja adverbid Poissoni jao-tusega (Дзубанов, 1973).

Peab mõnna, et olemasolevad uurimused sõnade ja sõna-vormide jaotuste kohta sisaldavad paljugi vasturääkivat ja ebakindlat. Osalt on see seletatav sellega, et eri uurijad kasutavad oma töödes eri suurusega valimeid ja osavalimeid. Seega peab tegema järelduse, et leksikaalsete (ja teiste lingvistiliste) üksuste jaotuste uurimisel tuleb küsimus asetada konkreetselt: kui suur on osavalimi maht (n), osa-valimite arv (k) ja kogu valimi maht (N). Erinevates kombi-natsioonides võib saada erinevaid tulemusi (vrd. Дзубанов, 1973). Juhul kui jaotuse tüüp on uurimuse tingimuste ja ees-märgi seisukohalt olulise tähtsusega, peab nähtavasti vali-meid organiseerima vastavalt sellele, milliste jaotustega kavatsetakse opereerida. Muidugi jäävad sõnavara statisti-

lisel uurimisel püsima teatud üldised kitsendused jaotuste valiku suhtes, nii näiteks võib arvestada, et küllalt suure valimi mahu ja osavalimite arvu puhul jäävad praktika seisukohast kõige sobivamateks Poissoni jaotus ja normaaljaotus (osalt ka nn. logaritmiline normaaljaotus ehk $\log n o r m j a o t u s$, vt. Herdan, 1966; Бектаев, Лукьяненко, 1971). Väärib tähelepanu V. Andjuštšenko sõnasageduste jaotuste käsitus, kus Poissoni jaotuse asemel soovitatakse kasutada negatiivse binomiaaljaotuse erijuhtu, nn. Greenwoodi-Yule'i jaotust, mis erineb Poissoni jaotusest peamiselt selle poolest, et dispersiooni suurus võib ületada keskvärtuse suuruse (vt. Андрущенко, 1968).

Täiesti uude seisukoha jaotuste küsimuses esitab M. Kaširina, kelle arvates normaaljaotus ja Poissoni jaotus on liiga ebatäpsed mudelid sõnasageduste tegeliku jaotumuse kirjeldamiseks tekstis (vt. Камшина, 1974). Ta teeb ettepaneku vaadelda empiiriliste sõnajaotuste vastavust Markovi - Kolmogorovi jaotusele, mis on üldisema iseloomuga ja hõlmab nii normaaljaotust kui ka Poissoni jaotust erijuhtudena. Seejuures võib Markovi-Kolmogorovi jaotuse puhul eristada 7 tüüpi (mis vastavad Pearsoni stohhastilistele kõveratele, vt. Митропольский, 1971, 273, jj.). Toetudes inglise keele tekstide põhjal teostatud eksperimendile (vaadeldes 200 eri sagedustsoonidesse kuuluva sõnavormi jaotumust 200 osavalimis \dot{a} 1000 sõnet), näitab M. Kaširina, et kõigi katses vaadeldavate sõnavormide jaotused kuuluvad ühe või teise Markovi-Kolmogorovi jaotuse tüüpi (Pearsoni kõvera) all, kusjuures 95 % kõigist juhtudest on kirjeldatavad I ja III tüüpi abil. Peab aga mõnna, et I tüüp jaguneb omakorda kolmeks alltüübiks, millest üks on lähedane normaaljaotusele. III tüüpi võib teatud tingimustel (kui keskvärtus on ligikaudselt võrdne dispersiooniga) pidada lähedaseks Poissoni jaotusele. M. Kaširina uurimisel on kahtlemata suur teoreetiline tähtsus, sest see avab tee lingvistiliste jaotuste täpsemale uurimisele, kuid praktiliselt võib siiski sõnasagedusjaotuste puhul lähtuda põhiliselt kahest tähtsamast jaotusest - normaal- ja Poissoni jaotusest, olenevalt valimi suuruselt ja sõnade sagedustsoonidest.

Teoreetilisest seisukohast on oluline veel M. Kaširina tähelepanek, et sõnasageduse jaotuse tüüp ei ole otse-

selt seoses sõna morfoloogilise klassiga (sõnaliigiga), nagu on väitnud mitmed teised uurijad. Jaotuse tüüp oleneb M. Kaširina eksperimendi tulemuste alusel esmajoones sagedustsoonist (Каширина, 1974, 357).

Konkreetsetes uurimustes keele sõnavara statistilise struktuuri kohta on küllaldane teada, et sõnasagedused jaotuvad ligikaudu normaaljaotuse ja Poissoni jaotuse järgi. Sageli lähtutakse aga sõnasageduste empiirilisest jaotusest osavalimite kaupa, arvutatakse keskmised ja hajuvused (piirvead) Studenti t-jaotuse abil (Tuldava, 1969, 29 jj.), arvestades seda, et keskmised sagedused jaotuvad alati ligikaudu normaalselt. Sellist menetlust võib kasutada näiteks nn. pluss- ja miinussõnade kindlakstegemisel, sõnaliikide sageduste jaotamisel "tsentrumi" ja "perifeeria" alla, mille alusel saab rühmitada tekste (autoreid), ja mõnel muul juhul. Sõnasageduste uurimisel sageduste stabiilsuse seisukohast kasutatakse uuemates uurimustes vastavaid stabiilsus- ja kasutusordajaid (koefitsiente), mis võimaldavad täpsustada sõnade sagedusi ning liigitada sõnu erinevatesse rühmadesse ja tsoonidesse.

Viidatud kirjandus

- Herdan, G., The Advanced Theory of Language as Choice and Chance. Berlin-Heidelberg-New York, 1966.
- Mereste, U., Statistika üldteooria. Tallinn, "Valgus", 1975.
- Setälä, V., Suomen kielen dynamiikkaa. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1972.
- Tiit, E., Matemaatiline statistika, I. Tartu, TRÜ, 1971.
- Tiit, E., Matemaatilise statistika tabelid, I. Tartu, TRÜ, 1971a.
- Tuldava, J., Statistiline väljavõtte meetod keeleteaduses. - Linguistica, I. Tartu, TRÜ, 1969, 5-49.
- Tuldava, J., Statistilised testid keeleteaduses. - Linguistica, II. Tartu, TRÜ, 1970, 125-196.
- Yule, G.U., The Statistical Study of Literary Vocabulary. Cambridge University Press, 1944.
- Андрющенко В. М. Частотный словарь справочник немецкой общественно-политической лексики. - Частотные словари и автоматическая переработка лингвистических текстов. Тезисы докладов 2-ой межвузовской конференции. Минск, 1968, 19-29.
- Арапов М. В., Ефимова Е. Н. Понятие лексической структуры текста. - Научно-техническая информация. Серия 2. М., 1975, № 6, 3-7.
- Бектаев К. Е., Лукьяненко К. Ф. О законе распределения единиц письменной речи. - Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., "Наука", 1971, 47-112.
- Бектаев К. Е., Пиотровский Р. Г. Математические методы в языкознании. Ч. 1. Теория вероятностей и моделирование нормы языка. Алма-Ата, 1973.
- Джубанов А. X. Статистическое исследование казахского текста с применением ЭВМ (на материале романа М. Ауэзова "Абай жолы"). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1973.

- Каширина М. Е. О типах распределения лексических единиц в тексте. - Статистика речи и автоматический анализ текста, 1974. Л., "Наука", 1974, 335-360.
- Клявина С. П. О нормальности распределения частей речи в текстах (на материале современной латышской публицистики). - *Latviešu valodas salīdzināmā analīze. LVU Zinātniskie raksti, 118. sējums. Rīga, 1969, 32-51.*
- Лихолетов И. И., Мацевич И. П. Руководство к решению задач по высшей математике, теории вероятностей и математической статистике. Минск, "Высшая школа", 1969.
- Лукьяненко К. Ф. Лексико-статистическое описание английского научного текста с помощью электронно-вычислительной машины. Автореф. канд. дисс. Минск, 1969.
- Ротарь А. С. Применение критерия согласия χ^2 (К. Пирсона) для оценки степени близости теоретического и эмпирического распределений частот словоформ в подязыке немецкой публицистики. - Статистика текста. Т. 1. Минск, Изд. БГУ, 1969, 163-199.
- Фрумкина Р. М. О законах распределения слов и классов слов. - Структурно-типологические исследования. М., "Наука", 1962, 124-133.
- Шайкевич А. Я. Интервал текста и характер статистических распределений языковых единиц. - Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ. Труды ЦНИИПИ, вып. 3. М., 1970, 15-22.
- Якубайтис Т. А. Зависимость вида распределения языковых единиц от величины выборки. - Математические методы в языкознании. Гига, "Звайгане", 1969, 53-58.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ю.А. Тулдава

Резюме

В статье рассматривается вопрос о статистических распределениях языковых единиц в тексте. Констатируется, что вид распределения зависит в известной степени от величины выборки и подвыборок. При достаточно большой выборке (N), числе подвыборок (K) и величине подвыборок (n) большинство фонетических единиц, частей ^{речи} и высокочастотных лексических единиц (словоформ и лексем) подчиняются приблизительно нормальному распределению. В других случаях (например, в отношении распределения длин слов, лексических единиц средней и малой частоты) можно исходить из предположения о распределении Пуассона. В статье дается обзор и о различных других подходах к решению проблемы о лингвистических распределениях.

В виде иллюстрации в статье подробно описывается вычисление теоретических (выравнивающих) частот нормального распределения и проверка соответствия эмпирических частот теоретическим при помощи критерия "хи-квадрат" на примере появления буквы **в** в эстонском тексте.

Работа является восьмой в серии статей автора "Статистические методы в языкознании", публикуемых в сборнике "Linguistica" (начиная с I-го выпуска).

ÜBER EINIGE ORTSBEZEICHNUNGEN IN DEN LIVLÄNDISCHEN
URKUNDEN DES 15.-16. JH.

Koidu Uustalu

Im Kommunikationsakt entsteht das Bedürfnis, gewisse dem Namengeber und auch den Namenbenutzern wichtige Objekte zu benennen. In jeder Namengebung und Namenentstehung äußert sich in erster Linie die Beziehung des Namengebers zu dem zu benennenden Objekt. Diese Beziehung stützt sich auf den objektiven Charakter des Objekts, der Realität und ändert sich überhaupt nicht oder nur gering. Sie wird bei der Namengebung durch Wortbildungsmodelle ausgedrückt, die der jeweiligen Entwicklungsperiode der Sprache eigen sind. Sie bestimmen die sprachliche Form des entstehenden Namens. In der Form konkreter Ortsnamen äußert sich eine toponymische Norm der gegebenen Sprache in einer bestimmten Periode. Die Normhaftigkeit eines Wortbildungsprozesses, die beim Namengeben üblich ist, kann sich verändern: alte Bildungsmodelle werden aufgegeben und durch neue ersetzt, die dem neuen Bedürfnis, Objekte zu benennen, besser entsprechen. Zu einer gewissen Zeit finden sich im Namenbestand alte, unproduktive Bildungsmodelle, daneben neue, produktive und auch solche, die von langer Dauer sind und im Laufe von mehreren Jahrhunderten verwendet wurden und werden. Also gelten in einem gewissen Zeitpunkt in einem gewissen Raum nur gewisse Bildungsmodelle als normhaft (Šrámek, 1973, 55 - 75).

Im folgenden wird ein Versuch gemacht, die sprachliche Form der in Livländischen Urkunden des 15/16. Jh. gegebenen Ortsbezeichnungen zu analysieren, um die gebräuchlichsten Wortbildungsmodelle der toponymischen Norm in jener Zeit zu bestimmen. Dabei soll der Zeitfaktor besonders berücksichtigt werden, d.h., das Ziel ist, die Modelle herauszufinden, die in jenen Jahrhunderten normhaft waren, gegenwärtig als veraltet gelten und außer Gebrauch gekommen sind. Als Grundlage für die Analyse dienen von F.G. Bunge, R. Toll, H. v. Bruiningk und N. Busch herausgegebenen Urkundensammlungen "Est- und Livländische Briefflade" 1. Bd. und "Liv-

ländische Güterurkunden" Bde. I, II. Einzelne Namenbelege sind auch anderen Quellen entnommen. Der Analyse wurden unterzogen Ortsbezeichnungen aus dem estländischen Distrikt des alten Livland.

In den älteren Perioden der sprachlichen Entwicklung wurde den deutschen Ortsnamen häufig die Präposition zu (mhd. ze, zuo) vorangestellt, was die Dativform des Eigennamens bedingte. ze, zuo bezeichnete in diesem Falle "die Ruhelage, den Punkt des Verweilens", welche Bedeutung die Präposition in der Gegenwartssprache fast völlig eingebüßt hat (Paul, 1959; Lexer, 1943). Die mittelniederdeutsche Entsprechung der Präposition, to bedeutet ebenso Aufenthalt und Ruhe (Schiller-Lübben, 1875 - 81). Der Gebrauch dieser Präposition hängt damit zusammen, daß neue Siedlungen oft angelegt wurden in der Nähe eines Ortes oder sonst eines geographischen Objekts, die schon allgemein bekannt waren. So ist der ON Gießen 1197 als burc ze din Giezen (zu mhd. gieze 'Rinnsal, Wasserfall, Stromschnelle') belegt. Da sich die Stadt an der Lahn befindet, ist die im Namen geäußerte Beziehung zur Realität verständlich (Paul, 1956, 160 ff.; Deutsche Sprache II, 1970, 689).

Im durchgesehenen Namenbestand erscheint zu sehr oft in Ortsbezeichnungen. In einigen weist die Präposition noch auf dieses ursprüngliche Verhältnis hin.

1454 beth an de molen to Loper (LGU I, 328; estn. Loopre Pil) - die Mühle stand im Gut Loopre.

1518 hovestede tho der Blanckensee (LGU II, 162; estn. Valgejärve Hel) - der Gutshof war in der Nähe vom See Valgejärve (mnd. Blanckensee) angelegt worden.

Meistens ist aber dieses Benennungsmotiv nicht zu erkennen, und zu (mnd. to) wird in verschiedenen geographischen Eigennamen verwendet:

in Seenamen:

1540 mit dem ganzen stehenden See zu Konnijärve (Bfl. I, 646; im Gut Rabivere Hag);

in Ländernamen:

1411 in dem lande to Alentaken (LGU I, 196; estn. Alutaguse);

in Dorfnamen:

1443 dat dorf to Elstever (LGU I, 291; estn. Elistvere) Äks;

in Gutsnamen:

1433 to deme Talkhove (LGU I, 262; estn. Kursi Ksi);

in Kirchen- und Kirchspielnamen:

1411 in deme kerspel to Womel (LGU I, 196; estn. Laiuse khk.);

1536 bei der Kirche zu Toywell (Bfl. I, 579; estn. Sangaste).

Dem Kasusgebrauch entsprechend waren die deutschen Ortsnamen nach zu (mnd. to) im Dativ (Paul, 1956, 160; Deutsche Sprache II, 689). Im durchgesehenen Namenbestand ist die Dativendung vor allem in solchen Ortsbezeichnungen zu erkennen, die deutschen Ursprungs sind, oder in entlehnten Namen, die sprachlich dem Deutschen angeglichen worden sind.

In deutschsprachigen ON:

1560 die Güter, sammt dem Hofe zu Steinhusen (Bfl. I, 877; estn. Teenuse Kul)

1522 erfahrungen der molen tho Schonangern (LGU II, 215; estn. Vana-Roosa Rõn)

In angeglichenen Entlehnungsnamen:

1493 nach ihrem Hof zu Sommerhusen (Bfl. I, 249; estn. Sõmeru Rak)

1547 ... der Höfe zum Alten und Neuen Kolcke (Bfl. I, 752; estn. Loo Kuu)

1512 (im Ksp.) zu Rynghen (LGU II, 84; estn. Rõngu Rõn)

Jedoch werden die Entlehnungsnamen oft nicht flektiert:

1474 to dem have thor Wollust (LGU I, 455; estn. Püha-järve Ote)

1495 im ampthe tho Carckhus (LGU I, 604; estn. Karksi Kar)

Es gibt aber schon im Namenbestand des 15/16.Jh. viele Beispiele für den präpositionslosen Gebrauch der ON, der sich in der Gegenwartssprache durchgesetzt hat.

1408 unde den dorpen ... Ymmovere (LGU I, estn. Imavere Pil)

1466 myn vorbonomede dorp Quuygatz (LGU I, 388; estn. Kuigatsi San)

Zur Bezeichnung geographischer Objekte, besonders in Flurnamen, wird in den Urkunden des 15/16. Jh. dem entsprechenden Gattungsnamen ein Adjektiv vorangestellt, das vom Eigennamen abgeleitet ist. Das Adjektiv wird mit Hilfe des Suffixes -isch gebildet, das in der älteren Sprache als "das allgemeine Suffix zur Ableitung aus Ortsnamen galt" (Paul, 1957, 91 ff.; Fleischer, 1969, 243).

1416 an den Vellinischen hellewech (LGU I, 207) von Fellin, estn. Viljandi

Meistens ist das Suffix mit Vokalausstoßung belegt:

von vokalauslautenden Namen:

1503 upp deme Werbekeschen weghe (LGU II, 14), von Warbek, Werbeke, estn. Kastre Võn

von Namen, die auf einen Konsonanten auslauten:

1478 beth an denn Livekollschenn wech (LGU I, 486), von Livekoll, estn. Liiva (küla) Hel

1481 yn der Vellinschen szee (LGU I, 509), von Fellin, estn. Viljandi

In den Urkunden finden sich auch einige possessivische Namen, wo das Besitzverhältnis meistens durch den Genitiv des entsprechenden Besitzernamens, vor allem des Familiennamens wiedergegeben wird, wie das Modell in folgenden Jahrhunderten allgemein gebräuchlich war.

1449 Stakelberges hoff (LGU I, 312; das Gut im Ksp. Võnnu ist später aufgegangen)

Der Genitivkasus ist in Einzelfällen durch eine Umschreibung ausgedrückt worden: dem Possessivpronomen sein ist der Besitzername im Gen. od. im Dat. vorangestellt worden.

1478 beth an Hans Wathszels syne sshedinge (LGU II, 486 Hel)

1531 dusken dem dorppe ... unde Hans Wrangel synem kroge (LGU II, 309; in Ellistfer, estn. Elistvere Äks)

Dieses Bildungsmodell sollte durch die volksmäßige, pleonastische Verwendung des Possessivpronomens sein zu erklären sein: des Vaters sein Rock, dem Vater sein Rock (Paul, 1959, 551)

Manchmal erscheint in der Funktion eines possessivi-

schen Namens (eines Gesindenamens, eines Gutsnamens) nur der Besitzernamen¹:

1507 ein gesinde, geheiten Peter Suszij (LGU II, 36; im Ksp. VII)

1550 mit zwei Gesinden, nämlich Sunte (Sunke?) Thomas und Hans, des Schmiedes Sohn (Bfl. I, 786; im Ksp. Tar)

1586 der Hoff und Mühle zu Buxhöveden (UA, 48; estn. Puka San)

Der Gebrauch des Besitzernamens wäre im letztbehandelten Falle wahrscheinlich als Kürzung eines Nebensatzes zu verstehen, der im folgenden Wortlaut belegt ist:

1546 das Gesinde, in dem Hans Schmidt wohnt (Bfl. I, 726; im Hof Sauss, estn. Sausti Jür)

Zusammenfassend wäre es möglich, die für die durchgesehenen Urkunden charakteristischen Bildungsmodelle der geographischen Eigennamen folgenderweise darzustellen:

1. A + ON_{Präp} zu (dorf to Elstever)
2. (ON → Adj) + A (yn der Vellinschen szee)
3. (VN + FN)_{Gen, Dat} + Pron_{Poss} + A
(an Hans Wathszels syne scheidung)²
4. VN + FN }
VN + Patr } → ON (Peter Suszij)
FN } (Hans, des Schmiedes Sohn)
(Buxhöveden)

L I T E R A T U R V E R Z E I C H N I S

Die deutsche Sprache. Zweiter Band. Kleine Enzyklopädie.

Leipzig 1970.

W. Fleischer, Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache.

Leipzig 1969.

Matthias Lexers mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch.

Leipzig 1943.

¹ Da der Besitzernamen im Nominativ gegeben ist, kann es sich nicht um einen elliptischen Namen handeln (vgl. Deutsche Sprache II, 692).

² nur sehr selten belegt.

- H. Paul, Deutsche Grammatik. Zweiter Band. Halle (Saale) 1956.
- H. Paul, Deutsche Grammatik. Fünfter Band. Halle (Saale) 1957.
- H. Paul, Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale) 1959.
- K. Schiller, A. Lübben, Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen 1875 - 1881.
- R. Šrámek, Zum Begriff "Modell" und "System" in der Toponomastik. - Onoma, Vol. XVII (1972/73).

Q U E L L E N M A T E R I A L I E N

- Bfl. I Est- und Livländische Brieflade. I. Theil - Dänische u. Ordenszeit. Hrsg. v. F.G.Bunge und R.Toll. 1. Bd., Reval 1856.
- LGU I Livländische Güterurkunden (aus den Jahren 1207 bis 1500). Hrsg. v. H. v. Bruiningk u. N. Busch, Riga 1908.
- LGU II Livländische Güterurkunden (aus den Jahren 1501 bis 1545). Bd. II. Hrsg. v. H. v. Bruiningk, Riga 1923.
- UA Urkunden und Aktenstücke aus dem Fellinschen Stadtarchiv 1481 - 1783. Hrsg. v. G. v. Freymann. - Jahresbericht der Felliner litterarischen Gesellschaft für die Jahre 1912 - 1917. Fellin 1918.

A B K Ü R Z U N G E N

A	Appellativ	Ote	Ksp. Otepää
Åks	Ksp. Åksi	Patr	Patronymikon
Hag	Ksp. Hageri	Pil	Ksp. Pilistvere
Hel	Ksp. Helme	Rak	Ksp. Rakvere
Kar	Ksp. Karksi	Rõn	Ksp. Rõngu
Ksp.	Kirchspiel	San	Ksp. Sangaste
Kul	Ksp. Kullamaa	Tar	Ksp. Tartu
Kuu	Ksp. Kuusalu	VN	Vorname
und.	mittelniederdeutsch	Vil	Ksp. Viljandi
		Võn	Ksp. Võnnu
ON	Ortsname		

PROBLEME DER KONFRONTATIVEN UNTERSUCHUNG DER SPRACHEN

Helju Variksoo

Die Sprachen der Welt kann man von zwei verschiedenen Standpunkten aus untersuchen: vom historischen, dynamischen und vom statischen Standpunkt aus (vgl. z. B. Bally, 1955, 38). Im ersten Fall interessiert man sich für Fakten, die auf die genetische Verwandtschaft der Sprachen weisen. Das ist der sog. diachronische Sprachvergleich, seine Domäne ist die historisch-vergleichende Sprachwissenschaft, und die dabei angewandte Methode bezeichnet man als komparative Methode des Sprachvergleichs. Mit Hilfe der komparativen Methode versucht man, neues Licht auf die Verwandtschaft der Sprachen zu werfen.

Beim Sprachvergleich zweiter Art werden zwei (oder mehr) Sprachen in einer bestimmten Etappe ihrer Entwicklung untersucht und verglichen. Dieser synchrone Sprachvergleich wird in der Fachliteratur als konfrontativ bezeichnet (siehe z. B. Probleme der kontrastiven Grammatik, 1969, 7; Coseriu, 1969, 175). Der konfrontative Sprachvergleich befaßt sich sowohl mit Unterschieden als auch mit Übereinstimmungen zwischen beliebig ausgewählten Sprachen, im Unterschied zur kontrastiven Untersuchung, die die Aufgabe hat, nur Unterschiede zwischen den entsprechenden Strukturen der Sprachen aufzudecken und damit in erster Linie Interferenzerscheinungen abzuschwächen und so das Erlernen einer Fremdsprache zu erleichtern. Die kontrastive Untersuchung der Sprachen bildet somit nur einen (und zwar den wichtigsten) Teil der konfrontativen Untersuchung der Sprachen.

Bei der konfrontativen Untersuchung der Sprachen spielt ihre genetische Verwandtschaft keine Rolle. Die zu untersuchenden Sprachen können genetisch verwandt sein, müssen es aber nicht. "Demgemäß reicht die Skala der konfrontativen Untersuchungen von der Behandlung genetisch verwandter Sprachen über die Behandlung typologisch verwandter bis hin zur Behandlung typologisch andersartiger Sprachen, wie z.B. Englisch und Japanisch" (Sternemann, 1972, 224).

Die linguistische Konfrontation kann theoretische oder praktische Ziele verfolgen. "Das Prinzip der theoretischen Konfrontation kann man ... als wechselseitige Erhellung der Sprachen bezeichnen. Durch die Gegenüberstellung von zwei Sprachen sollen die **Eigenheiten** einer Sprache auf dem Hintergrund der anderen besonders deutlich hervortreten. Bei der praktisch orientierten Konfrontation wird dagegen eine Sprache durch das Prisma der anderen betrachtet" (E. Beneš, 1969, 107).

Das Ziel der konfrontativen Untersuchungen (vgl. E.Oksaar, 1969, 82 u. 83) sei:

- 1) Grundlagen für Unterrichtszwecke und für Sprachtheorie im allgemeinen,
- 2) Grundlagen für Sprachtypologie und Universalienfrage,
- 3) Grundlagen für die theoretische und praktische Seite der Übersetzung zu schaffen.

Die Komparabilitätsproblematik stellt die zentrale Frage bei den konfrontativen Untersuchungen dar. Gegenstand der Konfrontation können alle Ebenen des sprachlichen Systems sein: die **phonetisch**-phonologische Ebene, die lexikalisch-grammatische Ebene. "Der Vergleich erstreckt sich bei denjenigen sprachlichen Erscheinungen, die Zeichencharakter haben - also vornehmlich bei Lexik und Grammatik - , auf die Spezifik ihres Verhältnisses von Form und Bedeutung" (Sternemann, 1972, 225). Einerseits kann der Vergleich z.B. von einer grammatischen Bedeutung ausgehen und seine formalen Realisierungen in beiden Sprachen feststellen, andererseits kann der Vergleich auch von der Form ausgehen und ihre grammatischen Bedeutungen vergleichen. "Die Komparabilität von sprachlichen Erscheinungen zwischen beliebigen Sprachen beruht auf der Voraussetzung der Übersetzbarkeit oder Beschreibbarkeit beliebiger Sachverhalte in den Sprachen" (Sternemann, 1972, 227). Denselben Gedanken drückt auch A.V. Isačenko aus, wobei er sagt: "... jede Sprache kann mit diesen oder jenen Mitteln alles ausdrücken, was in einer anderen Sprache ausgedrückt worden ist" (Isačenko, 1965, 7). Auf dieser Tatsache beruht die prinzipielle Möglichkeit des Übersetzens.

Das praktische Ziel der konfrontativen Untersuchungen:

den Fremdsprachenunterricht rationaler und effektiver zu gestalten. Der Fremdsprachenunterricht muß die Gesetze der Ökonomie berücksichtigen. Daraus folgt, daß beim Erlernen einer Fremdsprache die größere Aufmerksamkeit denjenigen Elementen und Strukturen gewidmet werden muß, die die meisten und größten Interferenzerscheinungen hervorrufen können. Dabei können sich diese Elemente und Strukturen total oder teilweise von den entsprechenden Elementen der Muttersprache unterscheiden. Um nun diesen Elementen und Strukturen im Lernprozeß spezielle Aufmerksamkeit widmen zu können, muß man sie kennen. Aus diesem praktischen Bedürfnis heraus entstand die kontrastive Grammatik.

Nach der Zahl der zu vergleichenden Sprachen unterscheidet man bi- und multilaterale Sprachvergleiche. J. Czochralaki unterscheidet wohl uni- und bilaterale konfrontative Darstellungstypen, aber der erste Typ setzt letzten Endes auch zwei Sprachen voraus (die Mutter- und die Fremdsprache), die miteinander verglichen werden. Der Unterschied zwischen diesen Darstellungstypen besteht in der verschiedenen Betonung der Vergleichssprachen. Beim unilateralen Sprachvergleich ist das Augenmerk auf die Struktur der Fremdsprache gerichtet, muttersprachliche Fakten werden nur angedeutet, um die Strukturunterschiede der beiden Sprachen für den Fremdsprachenunterricht besser hervorheben zu können. Bei der bilateralen Darstellung müssen beide Sprachen gleichmäßig behandelt werden (vgl.) Czochralaki, 1966, 18-19).

Unseres Erachtens ist der Sprachvergleich immer wenigstens bilateral (Der Vergleich setzt doch immer zwei Sprachen voraus). Das unterschiedliche Hervorheben einer der zu vergleichenden Sprachen macht den Vergleich noch nicht unilateral. Hier handelt es sich um eine andere Gliederung der Sprachvergleiche, nämlich darum, wie die jeweiligen Sprachen miteinander verglichen werden. Dabei ergeben sich zwei Arten von konfrontativen Darstellungen:

1) die Sprachen sind in der Konfrontation nicht gleichwertig, die eine Sprache wird auf der Grundlage der anderen beschrieben,

2) alle Sprachen werden gleichberechtigt miteinander verglichen (vgl. Jäger, 1974, 4).

Im letzten Fall ist eine Metasprache^x als gemeinsame Bezugsgröße erforderlich.

Nötig sind beide Arten der Sprachvergleiche, sowohl bi- als auch multilaterale. Ihr Verwendungsbereich ist verschieden. Für den praktischen Fremdsprachenunterricht sind die Ergebnisse eines bilateralen konfrontativen Sprachvergleiches am geeignetsten. Die besten Lehrbücher für den Fremdsprachenunterricht sind eben die bilateralen Lehrbücher. Bilaterale Lehrbücher (vor allem Grammatiken) ist es möglich zusammenzustellen, wenn die entsprechende Muttersprache gut erforscht worden ist.

Für das Lösen der Universalienfrage und für die typologische Einreihung der Sprachen müßte man multilaterale Sprachvergleiche durchführen. Für diese reine Konfrontation ist die Einleitung in Mutter- und Fremdsprachen völlig belanglos. Alle in die Beschreibung einbezogenen Sprachen sind gleichwertig Gegenstand der Darstellung. Für solche Beschreibungen entsteht aber die Frage nach der Bezugsgröße, "d.h. die Frage, in bezug worauf diese Sprachen miteinander verglichen werden. Diese Bezugsgröße muß eine spezielle, von jeder der beschriebenen Sprachen verschiedene Metasprache (Invariantensprache) sein" (Jäger, 1972, 234).

Der multilaterale Vergleich gibt uns die Möglichkeit, eine Sprache von mehreren Seiten her zu beleuchten.

Die Untersuchung der Sprachen in solchem Umfang ist eine ferne Frage. In der allernächsten Zukunft müßte man viele systematische bilaterale Sprachvergleiche durchführen, die ihrerseits die Ausgangsbasis für umfangreiche multilaterale Studien bildeten.

Es genügt nicht, einzelne sprachliche Fakten zu konfrontieren. Man muß diese Fakten im sprachlichen System betrachten. Die konfrontativen Untersuchungen der Sprachen müssen systematisiert werden. Anhand der Ergebnisse der Konfrontation kann man konfrontative Grammatiken der entsprechenden Sprachen zusammenstellen. Auch die konfrontative Grammatik ist eine vergleichende Grammatik. Sie bildet ein Teilgebiet der typologisch-vergleichenden Sprachwissen-

^x Über Metasprache s. näher in Phil. Wörterbuch, 1971, 716.

schaft. "Die typologisch-vergleichende Sprachwissenschaft befaßt sich sowohl mit den Übereinstimmungen als auch mit den Unterschieden, die zwischen den verglichenen Sprachen im Bereich der einzelnen homogenen Elemente und Strukturen existieren. Auf Grund dieses Verfahrens wird dann der Grad der Verwandtschaft der in Betracht kommenden Sprachen bestimmt" (Zabrocki, 1969, 36). Die konfrontative Grammatik befaßt sich mit der Feststellung und Beschreibung von Übereinstimmungen und Unterschieden, die zwischen den beliebig ausgewählten Sprachen existieren. Mit der Feststellung des Grades der Unterschiede und Übereinstimmungen wird auch die formelle Verwandtschaft der untersuchten Sprachen festgestellt^x.

Neben einer konfrontativen Grammatik ist es möglich, auch konfrontative Semantik und konfrontative Phonetik aufzubauen. Den Teil der konfrontativen Grammatik, der sich nur mit Unterschieden zwischen den Sprachen befaßt, bezeichnet man als kontrastive Grammatik. Die konfrontative Grammatik und Phonetik werden in erster Linie für Lernzwecke verwendet, die konfrontative Semantik - für die Zwecke der Übersetzungswissenschaft.

Obwohl J. Czochralski nur vom bilateralen kontrastiven Sprachvergleich spricht, scheint das folgende Zitat das Wesentlichste in den konfrontativen Untersuchungen zu betonen: "Eine gründliche kontrastive Gegenüberstellung zweier Sprachen ist imstande, auch auf Strukturen der einen Sprache neues Licht zu werfen, wenn diese auch dem Anschein nach bereits adäquat beschrieben und beurteilt worden sind" (Czochralski, 1966, 25).

^x Näheres über die konfrontative Grammatik und die typologisch-vergleichende Sprachwissenschaft s. Zabrocki, 1969, 34-36.

L I T E R A T U R

- Ed. Beneš, Das deutsche Passiv im Vergleich mit dem Tschechischen. - "Probleme der kontrastiven Grammatik. Jahrbuch 1969." Düsseldorf.
- E. Coseriu, Zusammenfassung der Ergebnisse. - "Probleme der kontrastiven Grammatik. Jahrbuch 1969." Düsseldorf.
- J. Czochralski, Grundsätzliches zur Theorie der kontrastiven Grammatik. - "Linguistics. An International Review, Nr. 24". Mouton & Co, The Hague/Paris.
- G. Jäger, Konfrontation und Translation. - "Deutsch als Fremdsprache." H. 4.
- G. Jäger, Ziele des polnisch-deutschen und des tschechisch-deutschen Sprachvergleichs und einige Fragen der Erklärung und Wertung von Übereinstimmungen und Unterschieden zwischen den Sprachen. - "Wissenschaftliche Zeitschrift der KMU Leipzig. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 23. Jg. H. 1 (Probleme des polnisch-deutschen und des tschechisch-deutschen Sprachvergleichs)." 1972
- E. Oksaar, Zum Passiv im Deutschen und Schwedischen. - "Probleme der kontrastiven Grammatik. Jahrbuch 1969". Düsseldorf, 1969.
- Philosophisches Wörterbuch. Hrsg. v. Klaus, G., Buhr, M., 8. Aufl., Band 2. Leipzig, 1971.
- Probleme der kontrastiven Grammatik. Sprache der Gegenwart. Schriften des Instituts für deutsche Sprache in Mannheim. Band VIII. Jahrbuch 1969. Düsseldorf.
- R. Sternemann, Zu einigen Fragen der Komparabilität in der konfrontativen Linguistik. - "Deutsch als Fremdsprache", H. 4, 1972.
- Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка (Перевод из третьего французского издания Е.В. и Т.В. Венцель). Москва, 1965.
- А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка. Ч. I. Морфология. Изд. 2-е. Братислава, 1965.

ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В ЕСТЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И В ЭКСПЕРИМЕНТЕ

А.П. Василевич

В исследовании речевой деятельности можно различить два основных подхода. С одной стороны, изучается "живая" речь - письменные тексты или записи спонтанной устной речи. С другой стороны, исследование ведется экспериментальным путем: исследователь работает с информантами в "искусственных" условиях, которые позволяют наилучшим образом рассмотреть интересные его конкретные языковые феномены. Нет смысла останавливаться на преимуществах экспериментального метода: они очевидны. Однако время от времени высказываются сомнения относительно того, можно ли обобщать результаты, полученные в эксперименте, на речевую деятельность, протекающую в естественных условиях. Ведет ли информант себя в опыте так, как он делает это "в жизни"?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следовало бы провести исследование какого-либо феномена двумя указанными способами и сопоставить полученные результаты. Трудность подобного исследования состоит в том, что к эксперименту обычно прибегают как раз в тех случаях, когда изучение феномена в естественных условиях крайне сложно или вообще невозможно. В данной работе мы попытались выбрать такую исследовательскую ситуацию, которая позволяет применять оба способа исследования.

Объектом нашего анализа является синтаксическая синонимия. Совершенно очевидно, что индивид, свободно владеющий данным языком, в большинстве случаев может выразить нужный ему смысл несколькими способами (в нашем случае - фразами). Однако он реально использует всякий раз только один из способов выражения смысла. Далее, если представить себе, что в течение какого-то времени данному человеку пришлось многократно выражать тот же самый смысл, т.е. многократно выражать этот смысл той или иной фразой, то, по всей вероятности, окажется, что осуществляемый им выбор не будет случайным, т.е. одни предложения будут гораздо более употребительны, чем другие - из числа возможных.

Чем же обуславливается предпочтение одних фраз перед

другими? Каковы те факторы, которые побуждают человека употреблять одни фразы, выражающие данный смысл и, наоборот, воздерживаться от употребления других фраз, также выражающих этот смысл? Выявление факторов этого рода составляет отдельную задачу, которой мы здесь заниматься не будем. Нашей целью является лишь тот аспект этой задачи, который связан с определением самих предпочтений. Именно эту узкую задачу - выявление предпочтений во фразах, выражающих некоторый заданный смысл - мы и попытаемся решить двумя способами: анализом текста, порождаемого в "естественных" условиях, и путем проведения соответствующего эксперимента.

Выявление предпочтений в тексте. Для того, чтобы выявить предпочтения в той или иной форме выражения заданного смысла, используя для этого письменный текст, необходимо располагать множеством случаев выражения этого смысла. Удобным материалом в этом смысле может быть спортивная пресса, если в качестве смысла задаться понятием "победить": в этом случае сравнительно легко можно получить достаточную статистику интересующего нас феномена. Для нашего исследования была выбрана схема "А победил Б (в ...)". Чтобы еще больше сузить область поиска, мы ограничились шахматными соревнованиями, причем А и Б у нас были обозначениями лиц. Шахматы оказались нам более удобным материалом, поскольку здесь отсутствует понятие "счета" (ср. Команда А победила команду Б со счетом ...) и, тем самым, возможности перефразирования более ограничены: по существу, если пренебречь различиями в фамилиях и словах типа встреча - партия - игра, то только центральное понятие "победить" во взятой нами схеме может подлежать перефразированию. Однако, как мы показали ранее (Василевич, 1975), и в этом случае синонимия остается достаточно богатой: можно привести около 50 фраз, выражающих данный смысл.

Итак, материалом исследования служили спортивные заметки о ходе тех или иных шахматных турниров. Просматривались московские газеты за 1974-1975 гг. (преимущественно "Советский спорт" и "64"). При отборе предложений из газет соблюдались следующие условия:

I. В каждой заметке учитывалась только первая из подходящих фраз. Дело в том, что иногда форма выражения того же смысла во второй, в третий и т.д. раз в пределах одной и той же заметки (корреспонденции) может быть связана с нежеланием

повторяться, стремлением как-то разнообразить язык. Подобный фактор может затенять выявление истинных предпочтений и, тем самым, "загрязнять" нашу выборку.

2. В отбираемой фразе отбрасывались все "лишние" слова; оставлялись лишь слова, необходимые для выбранной схемы. При этом имена собственные и другие наименования лиц (мастер, чемпион и т.д.) заменялись на символы А и Б. Например, вместо Экс-чемпион страны нанес сокрушительное поражение К-ву, догнав по очкам лидера мы включили в нашу выборку фразу А нанес поражение Б.

3. Мы не учитывали таких фраз, которые лишь частично передают смысл, задаваемый нашей схемой (в этих случаях остаточная часть схемы реализовывалась в других предложениях). Например, нас не устраивала ни одна из фраз следующего отрывка: Упорной была борьба у А с Р. Партия продолжалась 96 ходов. Настойчивость А была вознаграждена, и он одержал победу. Итак, мы отбирали только те фразы, в которых схема "А победил Б (в ...)" реализовывалась полностью в одной фразе. Заметим, что в этой схеме предусматривается третий факультативный актанта (во встрече А с Б ... или А выиграл партию у Б и т.п.). Фразы с реализацией этого актанта считались не противоречащими схеме и включались в набор.

4. Отвергались фразы типа Б остановил часы; А заматовал Б; Б просрочил время; А вынудил Б сдаться; Б сдался А и т.п.

С учетом приведенных ограничений из просмотренных нами газет было выписано всего 400 фраз схемы "А победил Б (в...); в том числе 27 разных. Однако оказалось, что некоторые фразы различаются между собой второстепенными (для нас) словами: во встрече - в партии; закончилась победой - завершилась победой и т.д. Поскольку нас в первую очередь интересовали синонимические преобразования слова победить, мы решили "склеить" те фразы, которые различаются по другим признакам. Результаты подсчетов представлены в табл. I, где фразы упорядочены по убыванию частоты употребительности.

Из табл. I видно, что в 400 случаях использования понятия "победить" было употреблено всего 17 различных способов выражения. Напомним, что "теоретически" таких способов существует около 50. Таким образом, большая часть возможных для русского языка фраз, выражающих понятие "победить", вообще оказалась не использованной: ср. В партии А с Б победа осталась (была) за А; Встреча А с Б окончилась поражением Б и

т.д. Характерно отсутствие пассивных конструкций и, в первую очередь, фразы Б (был) побежден А. Относительное однообразие употребляемых средств выражения видно также из того, что примерно 90% всех случаев приходится на первые 7 фраз (табл. I), в то время как на фразы I2-I7 - менее 3% всех случаев, т.е. их появление в нашей выборке вообще можно считать случайным.

Данные табл. I хорошо иллюстрируют крайнюю неравномерность в употребительности отдельных фраз. Резко выделяются фразы А выиграл у Б и А победил Б, которые встретились по 100 и более раз каждая; на долю только этих двух фраз приходится более половины всех случаев. С другой стороны есть фразы, встретившиеся в нашей выборке всего по 1 разу. Итак, сам факт наличия предпочтений в употреблении тех или иных способов выражения очевиден. Обсудим теперь полученные результаты более детально.

Анализ табл. I дает возможность разделить фразы на три категории:

1) Фразы с двухактантным предикатом, имеющие схему "А победил Б". Например, А нанес поражение Б, А обыграл Б (нельзя сказать Во встрече А с Б А нанес поражение Б).

2) Фразы с обязательной реализацией 3-его актанта (схема "А победил Б в ..."). Например, Партия А с Б закончилась победой А".

3) Фразы, которые имеют два варианта: двухактантный и трехактантный - по схеме "А победил Б (в ...)". Например, А победил Б и Во встрече А с Б победил А; А выиграл у Б и А выиграл у Б и А выиграл партию у Б.

Как видно из таблицы I, авторы текстов избегают форм выражения с обязательным 3-им актантом (категория 2): фраз такого рода у нас было всего 5 (чуть более 1% всех случаев). Более распространены фразы категории I (58 фраз; 14,4% всех случаев). Показательно, что теоретически возможные способы реализации двухактантной схемы в нашей выборке представлены полностью, в то время, как арсенал возможных трехактантных схем остался практически неиспользованным.

Наиболее существенную долю выборки составляют фразы категории 3, допускающие одновременно обе схемы. Таких фраз у нас - 337, или 85% всех случаев. Рассмотрим их отдельно, для чего выпишем все случаи их употребления в альтернативных формах (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что даже в тех случаях, когда в принципе можно было реализовать 3 актанта, авторы предпочитали ограничиваться только двумя. Нам трудно сейчас говорить о том, в какой мере это свойственно другим контекстам. По-видимому, в нашей ситуации (шахматы) введение актанта "в ..." (встреча, партия, игра) крайне избыточно.

Какие же выводы можно сделать из проведенного анализа?

1. В письменном тексте имеются явные предпочтения в употребительности тех или иных средств выражения данного смысла.

2. В нашем случае употребительность трехактантной схемы пренебрежимо мала; таким образом, можно говорить о явном предпочтении двухактантных схем в целом, и только среди двухактантных схем - о предпочтении отдельных фраз.

3. Разнообразие средств выражения смысла "А победил Б" в текстах крайне невелико: практически они ограничиваются семью (!) фразами; значительное же большинство возможных в русском языке фраз с этим смыслом вообще не встретились в нашей выборке, которая, на наш взгляд, была достаточно велика.

Выявление предпочтений в эксперименте. Наиболее распространенной экспериментальной процедурой выявления предпочтений между объектами является процедура парных сравнений, при которой испытуемые (далее - ии.) получают полный набор интересующих исследователя объектов в виде всевозможных пар и дают свои суждения о предпочтении для каждой пары в отдельности. В рамках этой процедуры мы были лишены возможности предъявить в эксперименте все 50 возможных фраз со смыслом "А победил Б". (в этом случае число пар составило бы 625). С другой стороны, мы могли бы ограничиться только фразами табл. 1. Однако это не имело смысла по двум причинам. Во-первых, не представлялось интересным давать вместе фразы типа А выиграл у Б и А выиграл партию у Б, поскольку совершенно очевидно, что в этих противопоставлениях двухактантному варианту всегда будет отдаваться предпочтение. Учитывая это, мы исключили из набора трехактантные варианты фраз, представленных в табл. 2. Во-вторых, как мы говорили, среди фраз нашей выборки отсутствуют многие из числа возможных (например, фразы с пассивом), а их анализ может иметь важное значение при выявлении факторов, обуславливающих предпочтение. Это побудило нас включить несколько фраз, не встретившихся в

выборке. Всего в эксперименте предъявлялось 15 фраз, из которых 10 фраз было взято из табл. I.

Отобранные фразы были записаны на карточках и предъявлялись ии. парами со следующей инструкцией: "Представьте себе, что Вы являетесь корреспондентом газеты и Вам поручено описывать ход одного шахматного турнира. Представьте далее, что Вы пишете в свою газету корреспонденцию о результатах очередного тура, в котором состоялась важная встреча между неким мастером и неким гроссмейстером. И вот, когда Вы захотели написать в своей заметке о результате этой партии, Вам пришло в голову сразу два варианта (здесь экспериментатор предъявляет первую пару фраз, например, Мастер победил Гроссмейстера и Гроссмейстер был обыгран мастером. Мы ввели понятия "мастер" и "гроссмейстер" вместо символов А и Б для придания ситуации большей естественности). Какой из этих вариантов Вы включили бы в свою заметку? Определите свой выбор для каждой пары в данном наборе".

Инструкция не вызвала особых сомнений; правда, некоторые ии. высказывали предположение, что если бы их просили высказать свое собственное мнение, а не мнение о том, как пишут в газетах, их оценки могли быть иными.

В эксперименте участвовало 36 ии., преимущественно лингвистов. Опыт проходил индивидуально.

Поскольку в данной работе нас интересует сопоставление результатов эксперимента с данными прессы, мы ограничились анализом результатов лишь тех 10 фраз, которые были взяты из табл. I. Применяв обычную процедуру обработки экспериментов с парными сравнениями (см., например, Torgerson, 1958), мы получили упорядочение наших 10 фраз по оценкам предпочтения в целом по всей группе из 36 ии. (табл. 3). Соответствующее упорядочение естественно получается и из данных об употребительности этих фраз (см. табл. I). В табл. 3 оба упорядочения представлены в явном виде. Совершенно очевидно, что за исключением небольших перемещений обе последовательности рангов весьма похожи (коэффициент ранговой корреляции ρ Спирмена составил 0,86, что существенно превосходит критическое значение 1% уровня для $n = 10$).

Итак, мы получили, что в эксперименте феномен предпочтения средств выражения заданного смысла проявился примерно так же, как в ситуации естественного порождения (письменного) текста. Другими словами, если задача ограничивается вы-

явлением предпочтений, то решать ее можно как тем, так и другим способом.

Однако, представим себе, что будет, если сделать шаг дальше, и попытаться найти факторы, обуславливающие выделенные предпочтения? Легко видеть, что возможности анализа данных типа тех, что представлены в табл. I, крайне ограничены. Что можно было бы добавить к уже сделанным нами наблюдениям о доминации двухактантных схем и об избегании пассива? По-видимому, довольно мало.

Что же касается результатов, полученных в нашем эксперименте, то они содержат в себе огромное количество информации, которое может быть извлечено путем применения соответствующих методик многомерного шкалирования. Цель этих методик как раз и состоит в том, чтобы выявлять факторы, обуславливающие наблюдаемые в опыте предпочтения. При этом довольно часто выделяются весьма нетривиальные факторы, совсем необязательно связанные с традиционными лингвистическими понятиями. Далее, эти методики позволяют установить иерархию выделенных факторов, определив, в какой мере существенным является каждый из них. Наконец, методы, основанные на анализе экспериментальных данных, позволяют установить иерархию факторов для каждого из них в отдельности; это позволит, например, сопоставить индивидов между собой и выяснить, какое влияние оказывают на иерархию образование, профессия и т.п.

Таблица I

ЖЖ п/п	фраза	Сколько раз встретилась в выборке
1.	А выиграл у Б	109
2.	А победил Б	100
3.	Б проиграл А	50
4.	А нанес поражение Б	40
5.	А одержал победу над Б	33
6.	Б потерпел поражение от А	16
7.	А переиграл Б	12
8.	А выиграл партию у Б	9
9.	Б потерпел поражение во встрече с А	8
10.	А взял верх над Б	6
11.	А во встрече с Б одержал победу	6
12.	Партия А с Б закончилась победой А	4
13.	А обыграл Б	3

Продолжение табл. I

№№ п/п	Фраза	Сколько раз встретилась в выборке
14.	А одолел Б	1
15.	В партии А с Б победил А	1
16.	Б проиграл партию А	1
17.	Во встрече А с Б победа была одержана А	1

Таблица 2

№№ п/п	2-х актантный вариант		3-х актантный вариант	
	Фраза	Сколько раз встрети- лась	Фраза	Сколько раз встрети- лась
1.	А выиграл у Б	109	А выиграл партию у Б	9
2.	А победил Б	100	Во встрече А с Б победил А	1
3.	Б проиграл А	50	Б проиграл партию А	1
4.	А одержал победу над Б	33	А во встрече с Б одержал победу	6
5.	Б потерпел пораже- ние от А	16	Б потерпел пораже- ние во встрече с А	8
6.	А взял верх над Б	6	-	0
	Итого	314		25

Таблица 3

Фраза	Ранг по данным эксперимента	Ранг по дан- ным прессы
М. выиграл у Гр.	1	1
М. победил Гр.	2	2
М. одержал победу над Гр.	3	5
М. нанес поражение Гр.	4	4
Гр. проиграл М.	5	3
Встреча М. с Гр. закончилась победой М.	6	8
Гр. потерпел поражение от М.	7	6

Продолжение табл. 3

Фраза	Ранг по данным эксперимента	Ранг по данным прессы
М. обыграл Гр.	8	9
Во встрече М. с Гр. победа была одержана М.	9	10
М. взял верх над Гр.	10	7

Л и т е р а т у р а

Василевич А.П. Перифразирование: опыт сопоставления данных модели с экспериментальными данными.- "Институт русского языка АН СССР. ПГЭПЛ, Предварительные публикации, вып. 70". М., 1975.

Torgerson W.A. Theory and Methods of Scaling. N.Y., 1958.

ON CLASSIFYING THE ATHAPASKAN LANGUAGES

Tiit-Rein Viitso

0. This paper will attempt to reclassify some members of the Pacific and Northern groups of Athapaskan on the basis of stem initials.

1. Edward Sapir (1931) reconstructed three series of Proto-Athapaskan (PA) stem initial consonants on the basis of correspondences between four Athapaskan languages: Navaho of the Apachean or Southern group, Hupa of the Pacific group, Sarsi and Chipewyan of the Northern group. With unessential modifications, these correspondences are presented in Table 1.

Table 1

	PA	Nav	Hupa	Sar	Chi
I.	*z		z		dó
	*c		c		tθ
	*c'		c'		tθ'
	*z		z		ó
	*s		s		θ
III.	*z̄		z̄		z̄
	*c̄	c̄	c̄ ^w		c̄
	*c̄'		c̄'		c̄'
	*z̄	z̄			z̄
	*s̄	s̄	W		s̄
III.	*š	z	š		z̄
	*k	c	k		c̄
	*k'	c'	k'		c̄'
	*y	y, γ	y	y, γ	y
	*x	s	W	š, x	š

Proceeding from these reconstructions Harry Hoijer (1963) presented a general classification of the Athapaskan languages. According to Hoijer, the Apachean group and the Pacific group each form a single substock. Somewhat earlier,

however, he presented a more detailed classification of the Pacific group (cf. Hoijer 1960: 970), notably:

- A. California Division
 - 1. Hupa
 - 2. Wailaki-Kato-Mattole
 - a. Wailaki
 - b. Kato
 - c. Mattole
- B. Oregon Division
 - 1. Southern group
 - a. Euchre Creek-Coquille
 - b. Tolowa
 - c. Chasta Costa
 - 2. Galice (and Applegate?)
 - 3. Umpqua

It is not clear what served as the basis of this classification. The same holds, actually, for a somewhat different classification of the Oregon division proposed by Pierce and Ryherd (1964: 142):

- 1. Coast group
 - a. Tututni
 - b. Coquille
 - c. Chetco-Smith River
 - d. Chasta Costa
- 2. Coast Range group
 - a. Umpqua
 - b. Applegate-Galice.

Euchre Creek is here one of the nine or seven dialects of Tututni. Smith River is identical with Tolowa.

The Northern group was tentatively divided into seven subgroups by Hoijer (1963: 26-27):

- 1. Tanaina
- 2. Koyukon
- 3. a. Tanana, Slave, Chipewyan
 - b. Carrier
 - c. Nabesna, Tutchone
- 4. Ingalik, Kutchin, Han
- 5. Ahtena, Tahlitan, Kaska, Sekani, Sarsi, Beaver
- 6. Hare, Dogrib
- 7. Tagish

In a paper read in 1963, Michael E. Krauss extracted from Sapir's series II a fourth series represented in some Alaskan dialects, notably in Central Tanana (Minto-Nenana), Yukon Ingalik, Kutchin and Han as a retroflexed one and in Tsetsaut (a Northern language which remained unclassified in Hoijer) as a labial one, cf. Krauss 1964. In view of the PA opposition $*k : *k^w$ postulated by several authors, Krauss reconstructed this series as $*k^w$, $*k^w$, $*g^w$, $*x^w$. (Note that Krauss contends that all PA fricatives were voiceless.) A parallel to the Alaskan distinction between these two series has been found also in Tolowa (Bright 1964:106-107). It is possible that this distinction is partially preserved even in Coquille and Euchre Creek where Sapir's $*c$ is represented as s and $\$$, cf. Hoijer 1960:968. Unfortunately, Hoijer gives no comparable examples of $\$$.

Lately, George W. Tharp (1972) argued that Tsetsaut could be placed into Hoijer's substock 5 as being closer to Tahltan than to any other Athapaskan language. He also presented some evidence that in hitherto unclassified Bear Lake and Yellowknife Sapir's three series developed as in Dogrib whereas the hitherto unclassified Mountain was somewhat different but still a member of the same substock 6. Besides that two essential points in Tharp should be mentioned. First, he points out the traditional confusion in Athapaskan literature between PA $*y$ and $*\check{y}$; cf. also Table 1 where instead of $*\check{y}$ stands $*y$. Second, he lets us know an unpublished result of Pyle that at present no explicit argument for the reconstruction of labiovelars, e.g. of $*k^w$, is possible.

2. The correspondences of initial consonants of Krauss's four series in Pacific and Northern Athapaskan insofar they can be attested on the basis of data and tables presented by Hoijer (1960, 1963, 1966), Krauss (1964), Bright (1964) and Tharp (1972) are presented in Table 2.

2.1.1. The development of PA series I reveals, first, a significant shift in Chasta Costa. Second, all Pacific languages except Hupa and Chasta Costa have merged either partially or generally PA $*c$ in s and Mattole has partially merged PA $*s$ and $*z$ in c. According to the development

Table 2

PA	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33					
*c	c'	c',s	c'	c',s	c'	c',s	c'	c',s	s	θ						c'				c',toλ'	to'	to',to',k	to'	to',to',k	to'	to',to',k	to'	to',to',k	to'	to',to',k	to'	to',to',k	to'	to',to',k	to'	w',k',p'		
*c	c	s	c,s	s	c,s	s	s	θ								c				c, toλ'	to'	to', to', k	to'							θ					f', w', k', p'			
*s																z				z, dδλ					dδ										f', w', k', p'			
*s		s		s, c			s	θ								s				s, θ	l				θ					θ, δ				W	f			
*z																z				z, δ	l				δ									w	v			
*c'			c'		c', c'		c'	c', c'																														
*c'	c'	c'	c'	c'	c', s	c', s	c', s	c	c'	c', c'																										c, s	c	
*s																																						
*s																																						
*z																																						
*k'	k'	c'	c'	c'	c'			c'		?	k'					c'				c'	k'	k'																
*k'	k'	c'	c'	c'	c'			k'								c'				c'	k'	k', c'																
*θ	θ	θ, s	θ, s	θ, s	θ, s			θ	θ, θ		θ	θ, θ				θ				θ	θ, θ	θ, θ	θ, θ															
*x	W	?	θ	?	x	?	θ				θ				x	x, s	θ, s			s	θ, θ	θ, θ	θ, θ															
*y										y					y	y, hy, Y					z		y			?	z	z	y	z, y						y, z, y		
*c'				c'		c'		c'	c', c'	c'	c'	df'																										
*c'	c'	c'	c'	c'	c'			?	c'	c', c	c	df'																										
*c'																z	bv																					
*c'																																						
*w	W			x	θ				θ	θ, s	θ, s	θ, s	θ, s	f.																								
*z																																						

1 Hupa, 2 Wailaki, 3 Nongatl, 4 Kato, 5 Mattole, 6 Umpqua, 7 Tolowa, 8 Coquille, 9 Galice, 10 Euchre Creek, 11 Chasta Costa; 12 Tanaina, 13 Ahtena, 14 Beaver, 15 Tahltan, 16 Kaska, 17 Tsetsaut, 18 Sarsi, 19 Sekani, 20 Tagish, 21 Carrier, 22 Koyukon, 23 Ingalik, 24 Minto, 25 Han, 26 Kutchin, 27 Tanana, 28 Chipewyan, Slave, 29 Nabesna, 30 Tutchone, 31 Hare, 32 Dog-rib, 33 Mountain

of PA series I the Pacific languages can be classified as follows.

PI. 1. a. Hupa

b. Wailaki, Coquille, Galice, Euchre Creek

c. Nongatl, Umpqua

d. Kato, Tolowa

e. Mattole

2. Chasta Costa

2.1.2. The development of PA series II exhibits, first, shifting into or merging in c' and c of PA ʔ^{v} , ʔ^{c} and ʔ^{z} in several languages and, second, deaffricatization of ʔ^{v} or ʔ^{c} (from earlier ʔ^{c} and $\text{ʔ}^{\text{v}} < \text{ʔ}^{\text{z}}$) in Umpqua, Tolowa, Coquille and Galice. š in Coquille and Galice seems to be a relatively late innovation or a borrowing from related languages; it is present maybe in the single word šan 'dirt, filth', cf. Tolowa šan. Likewise is ʔ^{z} > š in Tolowa a late individual development which has no classificatory significance; even more late is the partial merger of š and č' in series IV. Classification:

PII. 1. a. Hupa

b. Wailaki, Nongatl, Kato, Mattole

c. Umpqua, Tolowa

2. a. Coquille, Galice

b. Euchre Creek, Chasta Costa

2.1.3. The development of PA series III consists in various affricatizations and assibilations of PA stops. Deaffricatization ʔ^{c} > š in Umpqua is a late individual development which has no classificatory significance. PA ʔ^{x} has merged in or shifted into W in Hupa and depalatalized in Mattole. Elsewhere it is represented as š, this is probably the case also in Wailaki, Kato, Umpqua and Chasta Costa. PA ʔ^{y} is represented as y everywhere. Taking the affricatization of ʔ^{k} and ʔ^{c} in Mattole to be different from that in other languages, the Pacific languages can be classified as follows.

PIII. 1. a. Hupa

b. Wailaki

1 & 2. Nongatl, Kato

2. Umpqua, Tolowa, Coquille, Galice, Euchre Creek,

Chasta Costa

3. Mattole

2.1.4. The development of PA series IV differs from that of PA series II only in Tolowa and, for X^{W} and Y^{W} , also in Mattole. Except in Tolowa the reflexes of PA X^{W} and Y^{W} are identical to those of X . Classification:

- PIV. 1. a. Hupa
 b. Wailaki, Nongatl, Kato
 c. Mattole
 d. Umpqua
 2. Tolowa
 3. a. Coquille, Galice
 b. Euchre Creek, Chasta Costa

2.1.5. In order to sum up classifications PI - IV one needs to count (a) the number of all possible simultaneous enterings of each pair of languages into the same class (1; 1 and 1 & 2; 2; 1 & 2 and 2; 2 and 2 & 3; 3; or 3 and 2 & 3) and (b) the number of all enterings of each pair of languages into the same subclass (a, b, c, or d). The corresponding numbers are presented in Table 3 in the form (a).(b). . Instead of 0.0 only 0 is written.

Note that classification PII differs from PIV only in that it deals with a somewhat smaller degree of exactness

Table 3

	M	Hu	W	N	K	U	T	E	C	G	ChC
Mattole	x	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	1.0	1.0	1.0	1.0	0
Hupa		x	3.0	3.0	3.0	2.0	1.0	1.0	1.0	1.0	0
Wailaki			x	3.1	3.1	2.0	1.0	1.0	1.0	1.0	0
Nongatl				x	3.2	3.1	2.0	2.0	2.0	2.0	1.0
Kato					x	3.1	2.0	2.0	2.0	2.0	1.0
Umpqua						x	2.1	2.1	2.1	2.1	1.1
Tolowa							x	2.1	2.1	2.1	1.1
Euchre Creek								x	3.2	3.2	2.2
Coquille									x	3.3	2.1
Galice										x	2.1
Chasta Costa											x

with data that are rather similar but have a smaller intra-group variation. Therefore considering both PII and PIV would be considering the same data twice for most languages. (In historical terms it would just be equal to treating the most probably pre-Pacific merger of series II and IV as a Pacific one.) As a more exact classification is obviously preferable to a similar less exact one, classification PII is left out of further consideration.

According to Table 3 the Pacific languages can be divided into five substocks:

- PG. 1. Mattole
2. a. Hupa
 b. Wailaki
 c. α. Nongatl
 β. Kato
 d. Umpqua
3. Tolowa
4. α. Euchre Creek
 β. Coquille, Galice
5. Chasta Costa

2.2. The development of the four series gives us four classifications of the Northern group.

2.2.1. The development of PA series I reveals a shift analogical to that in Chasta Costa in a number of languages. In Kutchin, alongside of the shift of this type a partial merger of PA *c' and *c in k' and k is present. In Koyukon the whole series has merged in the lateral series. In Hare, Mountain, Dogrib (and contemporary Yellowknife and Bear Lake) the series has shifted into labial or labialized consonants. Bearing in mind the Kutchin merger it is interesting that in Dogrib the affricates have shifted into labialized velar stops. The occurrence of c' and c alongside of tθ', θ and tθ in Han seems to be due to an irregular secondary merging of series I in series II. Likewise the occurrence of c', c, s and z alongside of tθ', tθ, dθ, θ and θ in Carrier is relatively late and irregular and, apparently, influenced by Sekani. Note, however, that

there seem to exist also Carrier dialects that have merged all consonants of series I in series II (Hoijer 1963: 13).
 Classification:

- NI. 1. a. Tanaina, Ahtena, Beaver, Tahltan, Kaska, Tsetsaut, Sarsi, Sekani, Tagish
2. a. Carrier
 b. Ingalik, Minto, Tanana, Chipewyan, Slave
 c. Han
 d. Kutchin
 e. Nabesna
 f. Tutchone
3. Koyukon
4. a. Hare
 b. Dogrib
 c. Mountain

2.2.2. The development of PA series II consists in shifting into or merging in c', c, ʒ, s, z in most languages. Note that PA *š has shifted into s^x in Tsetsaut in spite of merging in series I as other consonants of this series have done. On the other hand, č and ʒ alongside of c and ʒ in Ahtena are likely to be late and of twofold origin. First, it is possible that č and ʒ in some cases have arisen due to Tanaina influence that is sometimes present even in Tanana and Ingalik. Thus, in an unpublished list of one hundred items in 26 Athapaskan languages compiled by Harry Hoijer there is one such case for PA *č and one for PA *ʒ: Ahtena -nčiš, Tanaina, Tanana -nčix, Koyukon -ncix, Kutchin -nci 'nose'; Ahtena -žayaʔ, Tanaina -žaye, Tanana -zoyod, Koyukon -žaya, Kutchin -žeeʔ 'ear'; cf. also Tanaina k'ičan, Tanana čičan, Ingalik gičan, Koyukon kecaʔn 'grass'. Second, there may well be a secondary č for PA *č in Ahtena independently of Tanaina as there are some irregular cases of č for PA *c. In Hoijer's list of one hundred items and in 1962: 21 there are two cases of č for PA *c: Ahtena -čäʔ, Tanaina -cin', Beaver -con', Ingalik -tʔon 'meat'; Ahtena -ču-laʔ, Tanaina -ci-la, Koyukon -luu-la 'tongue'. In Tahltan, on the contrary, c and ʒ, occurring alongside of č and ʒ, and merging of *č', *š and *ʒ in c', s and z seem to be influenced by neighboring languages (Kaska). The partial

merging of c in s in Hare is of no classificatory significance. Classification:

- NII. 1. a. Tanaina
b. Beaver
1 & 2. Tahltan
2. a. Ahtena
b. Kaska, Sarsi, Sekani, Tagish, Carrier, Koyukon, Ingalik, Minto, Han, Kutchin, Tanana, Chipewyan, Slave, Nabesna, Tutchone, Hare, Dogrib, Mountain
c. Tsetsaut

2.2.3. The development of PA series III consists in depalatalization of consonants or in affricatization of stops and assibilation of ʃ_x . PA ʃ is often represented as y; in cases of variation of y and some other fricative it is not certain whether y is really a reflex of PA ʃ . In Tagish, PA series III like series II and IV has merged in series I apparently after the affricatization of stops and assibilation of fricatives occurred. Similarly in Sekani PA ʃ_x and ʃ have partially merged in s; it is not yet known whether this merger is connected somehow with that in Tagish. In Tutchone and Hare, č from PA ʃ_x was deafricatized and merged thus in š. There is some suspicion that k and g in Ingalik are not regular but explainable by Tanaina and/or Koyukon influences. Still I have no possibility of checking up the reality of the suspicion. It is to be noted that š from PA ʃ_x has almost no classificatory significance being a frequent reflex of ʃ_x independently in many languages of the world; the other reflexes of PA ʃ_x , on the other hand, deserve one's full attention. Classification:

- NIII. 1. a. Tanaina, Ahtena
b. Koyukon
1 & 2. a. Carrier
b. Ingalik
2. a. Beaver, Minto, Tanana, Mountain
b. Tahltan, Kaska
c. Tsetsaut
d. Sarsi

- e. Sekani
 - f. Han
 - g. Kutchin
 - h. Chipewyan, Slave, Dogrib
 - i. Nabesna
 - j. Tutchone
 - k. Hare
3. Tagish

2.2.4. The development of PA series IV differs from that of PA series II only in Tsetsaut, Ingalik, Minto, Kutchin and Han. Classification:

- NIV. 1. a. Tanaina
- b. Beaver
- 1 & 2. Tahltan
2. a. Ahtena
- b. Kaska, Sarsi, Sekani, Tagish, Carrier, Koyukon, Tanana, Chipewyan, Slave, Nabesna, Tutchone, Hare, Dogrib, Mountain
3. Tsetsaut
4. a. Ingalik, Minto, Han
- b. Kutchin

2.2.5. Classifications NI - IV can be summed up in a way similar to that in 1.1.5, cf. Table 4. In Table 4, classification NII has been left out of consideration because of differing from NIV only in being less exact.

According to Table 4 the Northern languages can be divided into nine substocks:

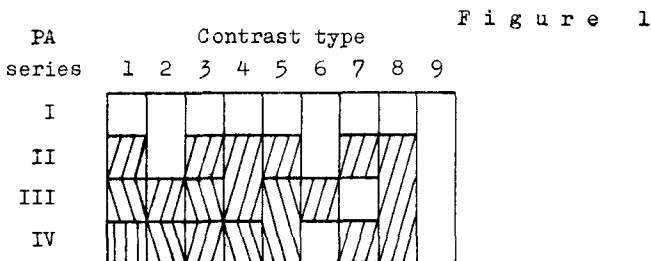
- NG 1. Koyukon
2. Tanaina
3. Ahtena
4. Tagish
5. a. α . Sekani
- β . Sarsi
 - γ . Kaska
 - δ . Tahltan
- b. Beaver
6. Tsetsaut
7. a. Kutchin

T a b l e 4

	Koy	Tai	Aht	Tag	Sek	Sar	Kas	Tah	Bea	Tse	Kut	Han	Min	Ing	Car	Tan	Chi	Nab	Tut	H	DE	Mt	
Koyukon	x	1.0	2.1	1.1	1.0	1.0	1.0	1.0	0	0	0	0	0	1.0	2.2	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1
Tanaina		x	2.2	1.1	1.1	1.1	1.1	2.1	2.1	1.1	0	0	0	1.0	1.0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ahtena			x	2.2	2.2	2.2	2.2	1.1	2.1	1.1	0	0	0	1.0	2.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1
Tagish				x	2.2	2.2	2.1	2.1	1.1	1.1	0	0	0	0	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1	1.1
Sekani					x	3.2	3.1	3.1	2.1	2.1	1.0	1.0	1.0	0	2.0	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1
Sarsi						x	3.2	3.1	2.1	2.1	1.0	1.0	1.0	1.0	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1
Kaska							x	3.2	2.1	2.1	1.0	1.0	1.0	1.0	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1	2.1
Tahltn								x	3.1	2.1	1.0	1.0	1.0	1.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0
Beaver									x	2.1	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.1	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
Tsetsaut										x	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.1	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
Kutchin											x	3.0	3.0	3.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	1.0	1.0	1.0
Han												x	3.1	3.1	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.0	1.0	1.0	1.0
Minto													x	3.2	2.1	2.2	2.1	2.0	2.0	1.0	1.0	1.0	1.0
Ingalik														x	2.1	2.2	2.1	2.0	2.0	1.0	1.0	1.0	1.0
Carrier															x	3.2	3.2	3.1	3.1	2.1	2.1	2.1	2.1
Tanana																x	3.2	3.1	3.1	2.1	2.1	2.1	2.1
Chipewyan																	x	3.1	3.1	2.1	2.1	2.1	2.1
Nabesna																		x	3.1	2.1	2.1	2.1	2.1
Tutchone																			x	2.1	2.1	2.1	2.1
Hare																				x	3.1	3.1	3.1
Dogrib																						x	3.1
Mountain																							x

- b. α. Han
- β. Minto
- γ. Ingalik
- 8. a. α. Carrier
- β. Tanana
- γ. Chipewyan, Slave
- b. Nabesna
- c. Tutchone
- 9. a. Hare
- b. Dogrib
- c. Mountain

2. Besides the classification of Athapaskan languages on the basis of how PA initial series are represented in different languages a classification based on how reflexes of PA consonants of the four series contrast in modern languages would be of interest. Present data permit such a classification only for glottalized and fortis stops and affricates and voiceless fricatives. In total, there seem to exist 9 general contrast types including the possibility of absolute merging of the four series, cf. Figure 1 where differently striped areas denote different consonants.

The actual contrast types in the framework of the 9 general types can be established on the basis of Tables 1 and 2. Table 1 is needed in order to include the Apachean languages. Note that in Apachean as in most Athapaskan languages PA series IV has merged in series II. When establishing all actual cooccurrences of contrast types 1 - 9 for glottalized and fortis stops and affricates and voiceless fricatives each language can be characterized by a three placed number 111 - 999 where the first, second and

third place, respectively, indicates the contrast type for glottalized consonants, fortis consonants and voiceless fricatives. Each class 111 - 999 consists of one or more subclasses depending on which consonants are contrasted in each series. Note, however, that in establishing consonants in a series certain innovational shifts and even some mergers are not considered, notably deaffricatization of c', tθ', c, č and tθ in several languages (except in Euchre Creek where *c > s was followed by *č > c) and cases mentioned in sections 2.1.1 - 4 and 2.2.1 - 4 as having no classificatory significance or being influenced by neighboring languages. Classification:

- CG. 111. a. Kutchin
 b. Han, Minto
 c. Ingalik
 221. Tsetsaut
 333. a. Chasta Costa, Tanana, Chipewyan, Slave, Nabesna, Tutchone
 b. Carrier
 c. Koyukon
 d. Hare, Dogrib, Mountain
 335. Mattole
 338. a. Hupa
 b. Wailaki
 c. Tanaina
 414. Tolowa
 638. Euchre Creek
 666. a. Ahtena
 b. Sekani
 c. Sarsi
 d. Kaska
 e. Tahltan
 668. Coquille, Galice
 777. Apachean
 888. Nongatl, Kato, Umpqua, Beaver
 999. Tagish

4. Now we have, first, a general classification PG of the Pacific languages and, second, a general classification of the Northern languages. The third general classification

CG, however, leaves no ground for the presumption that PA has split into three divisions: Proto-Apachean, Proto-Pacific and Proto Northern Athapaskan, cf. classes 333a, 338 and 888 containing both Pacific and Northern languages. True enough, nobody has explicitly expressed such a presumption. Still it has been, implicitly, a basic axiom in Athapaskanistics.

As classifications PG and NG deal with material similarities of languages in certain geographical areas and classification CG deals with formal similarities of almost all Athapaskan languages (note that languages of a substock in PG or NG are also formally similar), a general idea of the genesis of Athapaskan languages is still needed.

As the first step in this direction the genesis of Athapaskan contrast types 1 - 9 must be established. If PA really had consonant series I - IV, then all contrast types can be derived stepwise from contrast type 1 possessing four contrastive elements. From this type contrast types 2, 3, 4 and 5 possessing three contrastive elements can be directly derived, etc. Note, however, that when given a contrastive series or elements I, II, III and IV, there can be, theoretically, two possible outputs (subtypes) a and b in each type 2, 3, 4 and 5, cf. Figure 2. E.g., for type 3 Hupa represents the subtype b whereas Wailaki and Tanaina seem to represent the subtype a. A graph deriving all contrast types 1 - 9 is presented in Figure 3; the number of possible subtypes of contrast types is indicated by an index number.

The second step consists in trying to identify the classes in CG with certain subtypes of contrast types considering the derivability of one class from another. Because of mixed classes and absent links this is not very simple. Still it seems that on the basis of derivability of contrast types the Athapaskan languages can be divided into two groups.

First, all languages of classes 111, 221, 333, 638, 666, 668 and 999 can be derived from a protolanguage - hereinafter Proto Nuclear Athapaskan (PNA) - of the class 111 having the following four consonant series:

Figure 2

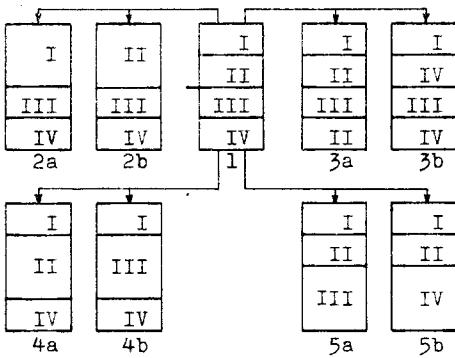
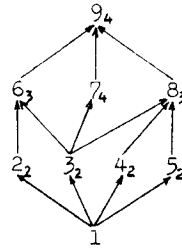

Figure 3

- I. *_kW, *_kW, *_gW, *_xW, *_yW
 II. *_c, *_c, *_ʒ, *_s, *_z
 III. *_k, *_k, *_g, *_x, *_y
 IV. *_çW, *_cW, *_ʒW, *_sW, *_zW

The need of reconstructing labiovelars in series I is conditioned by the fact that the consonants of PA series I are reflected as labiovelars in Dogrib and have partially merged in velar stops in Kutchin. Dogrib and Kutchin consonants cannot be reflexes of *_c or *_t etc. As there were, apparently, no other unpalatalized labiovelars in PNA it is meaningful to treat this series as an originally labiovelar one. (Note that Pinnow (1974: 80, 82) has reconstructed instead of the labiovelar series once postulated for PA both by Fang-kuei Li and Krauss in order to explain the alternation o : ee in certain stems of modern Athapaskan languages a sequence consisting of a velar (or some other) consonant followed by the diphthong *_{oe}. Although *_{oe} like all other Pinnow's PA diphthongs can as well or even better be inverted, it is entirely sensible to let PA vowels explain modern vowel alternations.)

Second, all languages of classes 335, 330, 414, 777 and 888 can be derived from a protolanguage - hereinafter

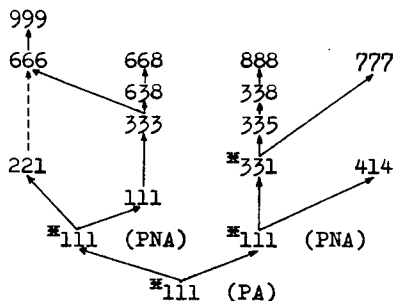
Proto Peripheral Athapaskan (PPA) - of the class 111 having the following four consonant series:

- I. ᶑ_c , ᶑ_c , ᶑ_z , ᶑ_s , ᶑ_z
- II. $\text{ᶑ}'_c$, $\text{ᶑ}'_c$, $\text{ᶑ}'_z$, $\text{ᶑ}'_s$, $\text{ᶑ}'_z$
- III. $\text{ᶑ}'_k$, $\text{ᶑ}'_k$, $\text{ᶑ}'_g$, $\text{ᶑ}'_x$, $\text{ᶑ}'_y$
- IV. $\text{ᶑ}'_c w$, $\text{ᶑ}'_c w$, $\text{ᶑ}'_z w$, $\text{ᶑ}'_s w$, $\text{ᶑ}'_z w$

Last, there remains the problem how could the consonants of PNA and PPA be derived from PA. Apparently PA series I was not such as reconstructed traditionally but labiovelar. Then it is rather hard to reconstruct PA series II as both PNA and PPA reconstructions are equally possible for PA. PPA and the traditional reconstructions are, in a way, supported by Eyak, Tlingit and Haida. But if PPA was spoken in the southwestern part of the Athapaskan territory in the neighborhood of Eyak and Tlingit, and probably it was, then it could well develop its series I and II according to corresponding Eyak and Tlingit patterns. Likewise it is possible that Pre-Athapaskan and maybe even PA had no affricates at all. Series II could be originally $\text{ᶑ}'_t$, $\text{ᶑ}'_k$, $\text{ᶑ}'_d$, $\text{ᶑ}'_g$, $\text{ᶑ}'_z$ and series IV either $\text{ᶑ}'_t w$, $\text{ᶑ}'_k w$, $\text{ᶑ}'_d w$, $\text{ᶑ}'_g w$, $\text{ᶑ}'_z w$ or $\text{ᶑ}'_k w$, $\text{ᶑ}'_g w$, $\text{ᶑ}'_x w$, $\text{ᶑ}'_y w$. The latter, Krauss's reconstruction rests on Eyak which has merged series IV in series III.

Now, a family tree of the Athapaskan languages can be drawn. For the sake of brevity, this is done in terms of contrast classes, cf. Figure 4. In order to draw a more complete family tree, Tables 3 and 4 must be considered.

Figure 4

L I T E R A T U R E

- Bright, J.O., The phonology of Smith River Athapaskan (Tolowa). - International Journal of American Linguistics 30 (1964), 101 - 107.
- Hojier, H., Athapaskan languages of the Pacific coast. - Culture in History. Essays in honor of Paul Radin, New York 1960, 960 - 976.
- Hojier, H., The Athapaskan languages. - Studies in the Athapaskan Languages, Berkeley and Los Angeles 1963 (University of California Publications in Linguistics 29), 1 - 29.
- Hojier, H., Hare phonology: an historical study. - Language 42 (1966), 499 - 507.
- Krauss, M.E., Proto-Athapaskan-Eyak and the problem of Na-Dene: phonology. - International Journal of American Linguistics 30 (1964), 118 - 131.
- Pierce, J.E. and Ryherd, J.M., The status of Athapaskan research in Oregon. - International Journal of American Linguistics 30 (1964), 137 - 143.
- Pinnow, H.-J., Studie zur Verbstammvariation im Navaho, Berlin 1974 (Indiana. Beiheft 2).
- Sapir, E., The concept of phonetic law as tested in primitive languages by Leonhard Bloomfield. - Methods in Social Science: a case book, Chicago 1931, 297 - 306. Reprinted in: Selected Writings of Edward Sapir, Berkeley and Los Angeles 1949, 73 - 83.
- Tharp, G.W., The position of the Tsetsaut among Northern Athapaskans. - International Journal of American Linguistics 38 (1972), 14 - 25.

SISUKORD - INHALTSVERZEICHNIS - CONTENTS

P. A r i s t e, John Rhys' Two Letters to Mihkel Veske	7-15
M. A l t e m e n t, Automatic Analysis of Letter and Syllable Structure in Russian. (In Russian)	16-19
E. D a u g a t s, On the Inner Form of Language and Word. (In Russian).....	20-26
A. G e r i n g, On Semantic-syntactic Innovation in the Use of Some Danish Verbs. (In Russian) ..	27-32
S. K ł a v i ĩ a, Correlation between texts of Different Functional Styles (on the Basis of Vocabulary and Parts of Speech). (In Russian)	33-48
M. L a a r, Some Remarks on the Linguistic Term "Determinative". (In Russian)	49-54
U. L e h t s a l u, G. L i i v, Lexical Transformation in Translation (A Contrastive Study)	55-62
I. M u l l a m a a, Some Notes on the Category of Evaluation in the Publicistic Style of Speech (On the Basis of the Swedish Press). (In Russian)	63-73

O. M u t t, On the Relative Sequence of Nouns and Adjective Premodifiers in Mixed Coordination	74-80
M.-A. P a l m, Strukturell-semantische Analyse der desemantisierten Verben <u>legen</u> , <u>setzen</u> und <u>stellen</u> im Vergleich zu ihren estnischen Äquivalenten	81-102
K. E. S o m m e r f e l d t, Zur Reihenfolge koordinierter Attribute	103-110
J. T u l d a v a, Statistilised jaotused keeletheaduses. - Statistical Distribution in Linguistics. (In Estonian)	111-124
K. U u s t a l u, Über einige Ortsbezeichnungen in den livländischen Urkunden des 15. - 16. Jh.	126-131
H. V a r i k s o o, Probleme der konfrontativen Untersuchung der Sprachen	132-137
A. V a s s i l e v i c h, Syntactic Synonyms: Observation of Actual Speech Versus Experimental Study. (In Russian)	138-146
T.-R. V i i t s o, On Classifying the Athapaskan Languages	147-163

СОДЕРЖАНИЕ

П. А р и с т ь е, Два письма Джона Риса Миккело Веске (на английском яз.)	7-15
М. Э. А л ь т е м е н т, Автоматизация анализа бук- венной и слоговой структуры русского языка (на русском яз.)	16-19
Э. Ю. Д а у г а т с, К вопросу о внутренней языко- вой форме и о внутренней форме слова (на рус- ском яз.)	20-26
А. Г. Г е р и н г, О семантико-синтаксических нова- циях в употреблении отдельных датских глаголов (на русском яз.)	27-32
С. К л я в и н я, Корреляция между текстами разных функциональных стилей (по использованию сло- варного состава и частей речи) (на русском яз.)	33-48
М. Л а я р, О лингвистическом термине "детерминатив" (на русском яз.)	49-54
У. Л е х т с а л у, Г. Л и й в, Лексическая транс- формация при переводе (сопоставительный ана- лиз) (на английском яз.)	55-62
И. М у л л а м а а, Несколько замечаний о понятии оценки в газетно-публицистическом стиле речи (на материале шведской прессы) (на русском яз.)	63-73
О. М у т т, О порядке следования препозитивных суб- стантивных атрибутов и прилагательных (на англ- ийском яз.)	74-80
М.-А. П а л ь м, Структурно-семантический анализ де- семантизованных глаголов <i>legen, setzen</i> и <i>stel- len</i> в сопоставлении с их эстонскими эквивален- тами (на немецком яз.)	81-102

К.Э. С о м м е р ф е л ь д т, О порядке следования координированных атрибутов (на немецком яз.)	I03-I10
Ю. Т у л д а в а, Статистические распределения в языкознании (на эстонском яз.)	III-I24
Р е з ю м е на русском языке	I25
К. У у с т а л у, Названия места в лифляндских хро- никах 15-16 вв. (на немецком яз.)	I26-I31
Х. В а р и к с о о, Проблемы сопоставительного ис- следования языков (на немецком яз.)	I32-I37
А. П. В а с и л е в и ч, Исследование синтаксичес- кой синонимии в естественных условиях рече- вой деятельности и в эксперименте (на русском яз.)	I38-I46
Т.-Р. В и й т с о, К вопросу о классификации ата- паскских языков (на английском яз.)	I47-I63

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 401. ЛИНГВИСТИКА VIII. На разных языках. Тартуский
государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликоо-
ли, 18. Ответственный редактор Ю. Тулдава. Сдано в пе-
чать 14/10 1976. Бумага печатная № 1, 30x45 1/4. Печат-
ных листов 10,5. Учетно-изд. листов 9,5. МВ 09216. Тираж
400. Типография ТГУ, ЭССР, г. Тарту, ул. Пялссни, 14. Зак.
№ 1161. Цена 95 коп.